Дэвид Брин

РАССКАЗЫ

Рассказы

Дэвид Брин, Грегори Бенфорд

Аннотация
Дэвид Брин. РАССКАЗЫ
Хрустальные сферы
1
2
3
4
5
6
7
8
Четвертая профессия Джорджа Густава
Опоздавшие
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
13
14

Вирус альтруизма

«Тс-с-с»

Дошколята доктора Пака

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Следуя природе ™

Этот огненный взгляд

Красный свет
Проверка реальности
На дне каньона Клеопатры
1
2
3
4
5
6
7
Жюль Верн. Париж покоряет всех
Жюль Верн. Послесловие

Аннотация

Содержание:

1. Хрустальные сферы [broken link: #p_01]
2. Четвертая профессия Джорджа Густава [broken link: #p_02]
3. Опоздавшие [broken link: #p_03]
4. Вирус альтруизма [broken link: #p_04]
5. «Тс-с-с» [broken link: #p_05]
6. Дошколята доктора Пака [broken link: #p_06]
7. Следуя природе ™ [broken link: #p_07]
8. Этот огненный взгляд [broken link: #p_08]
9. Красный свет [broken link: #p_09]
10. Проверка реальности [broken link: #p_10]
11. На дне каньона Клеопатры [broken link: #p_11]
12. Париж покоряет всех [broken link: #p_12]
13. Послесловие [broken link: #p_13]

Дэвид Брин
РАССКАЗЫ

Хрустальные сферы

1

Такая уж мне выпала великоудача, что меня разморозили именно в тот год, когда дальнозонд 992573-aa4 вернулся с сообщением о найденной доброзвезде с разбитой хрустасферой. Я оказался одним из всего лишь двенадцати активно-живых в то время дальнолетчиков, и, разумеется, меня пригласили принять участие в большом приключении.

Но поначалу я ничего об этом не знал. Когда прилетел фливвер, я поднимался по склону глубокой долины, в которую последняя ледниковая эпоха превратила некогда знакомое мне Средиземное море, на Сицилийское плато. Наша группа из шести недавно разбуженных анабиозников разбила там лагерь, чтобы поползать по скалам, наслаждаясь этим новым чудом света и постепенно привыкая к эпохе.

Все шестеро — из разных времен, но я оказался самым старшим. Мы только-только вернулись с экскурсии по когда-то затопленным руинам Атлантиды и пробирались теперь к лагерю по лесной тропе в вечернем сиянии зависшего высоко над нами кольцевого города. За вре-

мя, прошедшее с тех пор, как я погрузился в глубокосон, сверкающие гибко-жесткие пояса промжилкомплексов вокруг планеты заметно разрослись. В средних широтах ночь больше походила на бледные сумерки, а у экватора, где так ярко сияла светолента в небе, ночь и день почти не отличались друг от друга.

Впрочем, ночи уже никогда не будут такими, какими они были во времена ранней молодости моего деда — даже если взять и каким-то образом убрать все, что человечество понастроило вокруг Земли. Ибо еще в двадцать втором веке появились Осколки, заполнившие разноцветными бликами все небо, где раньше были только галактики и звезды на фоне черной космической бездны.

И не удивительно, что никто особенно не возражал против отмены ночи на земповерхности. Людям, которые живут на внешних мелкопланетах, деваться некуда — Осколки всегда на виду — но большинство земножителей предпочитают, чтобы эти обломки, хрустасферы не попадались лишний раз на глаза и не наводили на грустные размышления.

Поскольку меня оттаяли всего год назад, я даже не был готов еще спрашивать, какой сейчас век,

не говоря о том, чтобы искать подходящую для этой жизни профессию. Разбуженным анабиозникам обычно дают лет десять или больше, только для того чтобы они могли исследовать перемены на Земле и в Солнечной системе и вдоволь насладиться ими, прежде чем сделать выбор.

Особенно это касалось дальнолетчиков вроде меня. Государство — не стареющее и практически вечное по сравнению с его почти бессмертными подданными — испытывало к нам, странным существам, несущим полузабытую службу, какую-то ностальгическую привязанность. Когда дальнолетчик просыпается, ему или ей всегда предлагают попутешествовать по изменившейся Земле, выискивая необычное и непривычное. Словно он исследует другой добромир, где еще не ступала нога человека, а не вдыхает тот же самый воздух, который за долгие века был в его легких не один раз.

Я рассчитывал, что меня не станут беспокоить во время моего «вояжа возрождения» и был весьма удивлен, увидев в тот вечер, когда наша группа выброшенных из нормального хода времени странников расположилась на лесистом горном склоне в Сицилии передохнуть и обменяться впечатлениями, кремовый фливвер правительства

Солнечной системы. Он вынырнул из нависшей над склонами кисеи облаков и стал медленно снижаться к лагерю.

Мы встали и ожидали его приземления стоя. Мои компаньоны подозрительно поглядывали друг на друга, пытаясь угадать, кто же из шестерых эта важная персона, из-за которой неизменно вежливое Всемирное правительство решилось нарушить наше уединение и послать эту кремовую искусственную каплю с гор Палермо вниз, в долину, где ей совсем не место.

Я знал, что фливвер прилетел за мной, но молчал. И не спрашивайте, откуда я знал. Знал, и все тут. Дальнолетчики, случается, просто знают такие вещи.

Мы, которые бывали за пределами разбитой хрустасферы нашего Солнца и разглядывали снаружи живые миры в далеких чужих сферах, похожи на мальчишек, прижимающихся носами к стеклянной витрине кондитерской и знающих, что им никогда не добраться до сладостей внутри. Пожалуй, только мы понимаем масштабы нашей утраты, и только мы способны в полной мере оценить злую шутку, которую сыграла с нами Вселенная.

Миллиардам наших собратьев — тем, кто нико-

гда не покидал мягкую, залитую теплом доброго желтого Солнца колыбель — психисты нужны даже для того, чтобы объяснить это Состояние неизлечимой душевной травмы, в котором они пребывают. Большинство жителей Солнечной системы живут себе всю жизнь, не ведая печали, и лишь изредка страдают от приступов великодепрессии, которая легко излечивается — или заканчивается финалсном.

Но мы — дальнолетчики, мы долгие годы трясли прутья клетки, в которой заточено человечество. Мы знаем, что наши неврозы вызваны великой насмешкой Вселенной.

Я шагнул к поляне, на которую опускался правительственный фливвер. Мои компаньоны сразу поняли, кто виноват в том, что наше уединение нарушено: я спиной чувствовал их горящие взгляды.

Каплеобразная капсула кремового цвета раскрылась, и на землю ступила высокая женщина. В течение четырех моих последних жизней присущая ей строгая, величественная красота не была на Земле в моде, и я подумал, что женщина, очевидно, никогда не увлекалась биоскульптурированием.

Честно признаюсь, в первое мгновение я ее не

узнал, хотя за прошедшие долгогоды мы трижды были женаты.

Прежде всего я заметил, что на ней наша форма, форма законсервированной — боже, какой древний термин! — тысячи лет назад Службы.

Серебро на темно-синем фоне… И такого же цвета глаза…

— Элис… — выдохнул я спустя несколько мгновений. — Значит, нашли?

Она подошла и взяла меня за руку, понимая, очевидно, как слаб и взволновав я был.

— Да, Джошуа. Один из наших зондов обнаружил вторую разбитую сферу.

— Точно?.. Это доброзвезда?

Она кивнула, отвечая на мой вопрос блеском в глазах. Черные вьющиеся волосы, обрамляющие ее лицо, искрились словно след ракеты в пустоте.

— Дальнозонд просигналил готовность класса «А», — она улыбнулась. — Вокруг звезды полно осколков, сверкающих словно наше облако Оорта. И внутри, по сведениям зонда, есть планета. Планета, которой мы сможем коснуться!

Я рассмеялся в голос и прижал ее к себе. Судя по тому, как недоуменно забормотали мои компаньоны, они родились в те времена, когда

поступать так было не принято.

— Когда? Когда поступили новости?

— Мы узнали об этом около года назад, почти сразу после того, как тебя разморозили. Миркомп порекомендовал дать тебе год на пробуждение, и я прилетела, едва истек срок. Мы долго ждали, Джошуа. Мойша Бок берет в полет всех дальнолетчиков, что сейчас активно-живы, и мы хотим, чтобы ты присоединился. Ты нужен нам. Экспедиция отправляется через три дня. Полетишь?

Об этом можно было и не спрашивать. Мы снова обнялись, и я едва справился с подступившими слезами.

Последние несколько недель я размышлял о том, какую профессию избрать на этом отрезке жизни. Но мне даже в голову не пришло, что я снова стану дальнолетчиком. Какое счастье! На мне снова будет наша форма, и я отправлюсь в дальностранствие к звездам!

2

Экспедиция готовилась в полной тайне. Психисты правительства Солнечной системы сочли, что человечество может не вынести еще одного разочарования. Они опасались эпидемии великодепрессии, и кое-кто из них даже пытался остановить подготовку полета.

К счастью, миркомпы помнили свое давнее обещание. Дальнолетчики в свое время согласились оставить исследования, чтобы не вызывать у людей ложных надежд. Вместо этого в дальний космос послали миллиард автоматических зондов, и нам было дано право отправлять экспедиции по любым их сообщениям о разбитых хрустасферах.

Когда мы с Элис прибыли к Харону, остальные участники почти уже закончили проверку и аттестацию корабля, на котором нам предстояло лететь. Я надеялся, что это будет один из двух кораблей, которыми мне в свое время довелось командовать — «Роберт Роджерс» либо «Понс де Леон». Но мои товарищи выбрали старый «Пеленор», достаточно большой звездолет и в то же время маневренный.

Наш с Элис челнок пересек орбиту Плутона и начал сближение. Даже сейчас с правительственных буксиров продолжали перегружать на «Пеленор» ледотела: мы брали с собой десять тысяч колонистов. Здесь, в одной десятой пути до Края, Осколки сияли цветами неописуемой красоты. Элис вела челнок, а я молча смотрел на сверкающие обломки солнечной хрустасферы.

Во времена юности моего деда на Хароне уже происходило нечто подобное. Тысячи восторженно настроенных мужчин и женщин слетелись к кораблю-астероиду размером с половину самого спутника. Тогда готовился целый ковчег — полные надежд будущие колонисты, животные, прочее добро.

Те первые исследователи Вселенной знали, что никогда не увидят своей цели. Но это их не печалило. Они не страдали никакой великодепрессией. Эти люди отправлялись в космос в первом примитивном звездолете, надеясь на счастье лишь для своих правнуков: зеленая, теплая планета, которую обнаружили их чувствительные телескопы, вращалась вокруг Тау Кита.

И вот, десять тысяч долголет спустя, я гляжу на колоссальные верфи Харона с орбиты. Внизу ряд за рядом проплывают покоящиеся в доках

звездолеты. За прошедшие века человечество построило тысячи кораблей — от простых обитаторов, рассчитанных на многие поколения, и гибернобарж до прямоточных термоядерных кораблей и нуль-пространственных нырятелей.

Все лежали внизу, все, кроме тех, что погибли в катастрофах, и тех, чьи экипажи посходили с ума от отчаяния. Все остальные вернулись на Харон, так и не найдя пристанища среди звезд.

Я глядел на самые древние корабли, на обитаторы, и думал о том дне во времена юности моего деда, когда «Искатель» беспечно понесся за край и на скорости в один процент от световой налетел на хрустасферу Солнечной системы.

Они даже не поняли, что произошло, этот первоэкипаж исследователей. «Искатель» вошел во внешний слой обломков, окружающих Солнечную систему, в облако Оорта, где в слабеющим притяжении центрального светила плавали, словно снежные комья, миллиарды комет.

Приборы «Искателя» исправно прокладывали путь сквозь разреженное облако, исследуя отдельные проплывающие мимо ледяные шары. Будущие колонисты планировали посвятить долгие годы полета науке, и среди прочих задач, которые они себе ставили, была загадка комет-

ной массы.

Почему, спрашивали себя многие века астрономы, большинство этих ледяных странников имеют почти одинаковые размеры, всего несколько миль в диаметре?

Аппаратура «Искателя» собирала данные, и пилоты корабля даже не подозревали, что их главной находкой станет Великая Шутка Творца.

Когда корабль столкнулся с хрустасферой, она прогнулась наружу на несколько световых минут. У «Искателя» хватило времени лишь на торопливое лазерное послание Земле. Происходит что-то странное. Что-то рвет, сминает корабль, словно рвется ткань самого пространства…

А затем хрустасфера раскололась. И там, где раньше кружились десять миллиардов комет, появились десять квадриллионов. Никто никогда не нашел обломков «Искателя». Может быть, корабль просто испарился. Почти половина человечества погибла тогда в битве с ливнем комет, и когда спустя века планеты Солнечной системы снова стали безопасны, разыскивать корабль было уже бессмысленно.

Мы до сих пор не знаем, как, почему «Искателю» удалось разбить хрустасферу. Некоторые полагают, что именно из-за неведения экипажа, из-за

того, что они даже не подозревали о существовании хрустасфер, «Искателю» удалось совершить то, что не удавалось с тех пор никому.

Теперь сверкающие осколки хрустасферы заполняют все небо Теперь солнечный свет отражается десятью квадриллионами комет, и этот сияющий ореол — своего рода метка на единственной доступной человеку доброзвезде.

— Приближаемся, — сказала Элис.

Я выпрямился в кресле, наблюдая, как легко, словно танцуя, бегают ее пальцы по клавишам панели управления. Вскоре в иллюминаторе показался «Пеленор».

Огромный шар тускло блестел в отсветах осколков, и уже мерцало само пространство вокруг корабля: проверялись двигатели.

Правительственные буксиры закончили погрузку колонистов и один за другим отчаливали. Десять тысяч ледотел не потребуют во время полета большого ухода, и у нас, у двенадцати дальнолетчиков, останется много времени на научную работу. Но если у этой доброзвезды действительно окажется пригодная для людей добропланета, мы пробудим мужчин и женщин от анабиосна и поселим в их новом доме.

Миркомп, без сомнения, выбрал в потенци-

альные колонисты достойных претендентов, и тем не менее, нам было приказано не будить их, если основать колонию будет невозможно. Вполне может случиться так, что наша экспедиция станет еще одним разочарованием для человечества. И тогда пребывающим в анабиосне колонистам просто незачем знать, что они слетали за двадцать тысяч парсеков от Земли и вернулись обратно.

— Давай стыковаться, — нетерпеливо сказал я. — Скорей бы в путь.

Элис улыбнулась.

— Ты всегда рвался вперед. Самый дальнолетный дальнолетчик. Но придется немного подождать. День-два, и мы наконец покинем колыбель.

Мне незачем было напоминать ей, что я долгождал дольше, чем она — дольше, пожалуй, чем кто-либо из живущих на Земле — и я постарался скрыть волнение, прислушиваясь к звучащей в душе музыке небесных сфер.

3

Со времен моей молодости человечество знало четыре способа частично обойти уравнения Эйнштейна, и еще два позволяли вообще не обращать на них внимания. «Пеленор» использовал их все. Маршрут, проложенный между «пространственными дырами», квантточками и коллапсарами, подходил к звезде чуть ли не с другой стороны — просто чудо, что автоматический дальнозонд добрался сюда, да еще и вернулся назад с информацией.

Находка оказалась в небольшой соседней галактике под названием Скульптор, и чтобы попасть туда, нам потребовалось двенадцать лет корабельного времени.

По пути мы миновали по крайней мере две сотни доброзвезд — желтогорячих, стабильных и… недоступных. В каждом случае были признаки планет. Несколько раз мы пролетали настолько близко, что в суперскопы удавалось разглядеть яркие голубые горошины водных миров, которые одиноко кружились, приманивая и искушая нас, у своих доброзвезд.

В прежние времена мы непременно задер-

жались бы, чтобы закартографировать такие планетные системы — остановившись за пределами опаснозоны и изучая подобные Земле миры с помощью приборов: ведь придет день, и человечество научится намеренно делать то, что «Искателю» удалось по неведению.

Один раз мы действительно остановились и зависли в двух светоднях от очередной доброзвезды, у самой хрустасферы. Возможно, мы рисковали, подойдя так близко, но это было выше наших сил. Потому что водная планета внутри излучала промодулированные радиоволны!

Четвертая — увы, только четвертая! — техническая цивилизация, обнаруженная человечеством за все время поисков. Почти год мы провели у этой хрустасферы, размещая автонаблюдателей и записывающую аппаратуру.

Нет, мы не пытались вступить с ними в контакт. Теперь нам уже известно, что произойдет. Зонд просто натолкнется на хрустасферу, и его сомнет, раздавит, скроет обрушившимися со всех сторон мегатоннами застывшей воды — появится лишь новая комета.

Любое сфокусированное излучение вызовет подобную же реакцию: на поверхности хрустасферы образуется отражающее пятно, которое

воспрепятствует любым попыткам связаться с местными жителями.

Однако мы могли слышать их. Хрустасферы выполняли роль односторонних барьеров для модулированного излучения — и светового, и радио — а также для разума в любой форме. Но они пропускали сигналы изнутри.

В данном случае мы быстро поняли, что это еще одна раса-улей. Ни интереса к дальнему космосу, ни самой концепции космических перелетов у них не было. Разочарованные, мы оставили автоматы наблюдать и продолжили путь.

Еще за несколько светонедель до цели мы поняли, что летели не напрасно. Зонд не ошибся: перед нами действительно была доброзвезда — стабильная, старая, одинарная — и теплый желтый свет звезды преломлялся бледной мерцающей аурой из десяти квадриллионов снежинок, ее разбитой хрустасферой. Нетерпение росло.

— Там целая серия планет, — объявил наш космофизик Йен Чинг, ощупывая руками созданную по показаниям сверхчувствительных приборов модель внутри холистического проектора. — Я чувствую три газгиганта, около двух миллионов астероидов и… — тут он заставил нас ждать, стараясь убедиться, что ощущения его не обма-

нывают, — ...и три нормопланеты!

Мы восторженно закричали. С тремя планетами есть шанс, что хотя бы один из этих каменных шариков окажется в пределах жизнезоны.

— Сейчас-сейчас... кажется, одна из нормопланет имеет... — Чинг вытащил руки из проектора, сунул что-то в рот и, словно дегустатор, оценивающий тонкое вино, закатил глаза, пробуя «планету» на вкус. — Вода! — Он задумчиво причмокнул губами. — Да! Много воды! И я чувствую жизнь. Стандартная карбожизнь на основе аденина. Хм-м... Я бы даже сказал, что белки левосторонние, и это хлорофилльная жизнь...

Все заговорили разом, возбужденно загомонили, и нашему капитану Мойше Боку пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Тихо! Успокойтесь! Похоже, сегодня все равно никто не уснет. Где жизнеисследовательница Тайга?.. Так, у тебя готовы списки ледотел для оттаивания на случай, если мы обнаружим добропланету?

Элис достала список из кармана.

— Готовы, Мойша. Здесь биологи, технисты, планетологи, кристаллографы...

— Приготовь, пожалуй, еще археологов и контактеров, — ровным голосом произнес Чинг.

Мы все обернулись и увидели, что он снова запустил руки в холистический проектор. На лице у него появилось мечтательное выражение.

— Нашей цивилизации потребовалось три тысячи лет, чтобы загнать астероиды на оптимальные орбиты. Но по сравнению с этой мы, похоже, просто, дилетанты. Каждое мелкотело, вращающееся вокруг этой звезды, давно терраформировано. Они словно древние солдаты на параде — рядами и колоннами… Трудно даже представить себе такие масштабы работ…

Взгляд Мойши скользнул в мою сторону. На мне, как на его заместителе, лежала ответственность за безопасность корабля — оборона, если «Пеленор» подвергнется нападению, и уничтожение, если нам неминуемо грозит захват.

Уже давно человечество сделало один важный вывод: если доброзвезды без хрустасфер встречаются так редко и так нужны нам, они могут оказаться столь же желанны и для какой-то еще вышедшей в космос расы. Если какие-то другие разумные существа сумеют выбраться из скорлупы хрустасферы и, подобно нам, будут искать доступные доброзвезды, что они подумают, встретив чужой корабль?

Я точно знаю, что подумаем мы. Мы решим, что

чужак прилетел не откуда-нибудь, а из системы доброзвезды с разбитой хрустасферой.

И от меня требовалось сделать все, чтобы никто чужой не проследовал за «Пеленором» до Земли.

Я кивнул своей помощнице Йоко Муруками. Мы заняли места в боесфере, активировали огневую консоль и приготовились ждать. «Пеленор» тем временем медленно, осторожно входил в планетную систему.

Йоко глядела на консоль с сомнением. Похоже, слова Йена о технологической мощи этой расы заставили ее усомниться в эффективности даже нашего мегатераваттного лазера.

Я пожал плечами. Скоро мы все узнаем. А пока мой долг выполнен: боесфера включена, и, даже если мы погибнем, самоуничтожение сработает автоматически. Время тянулось час за часом. Я внимательно следил за всей поступающей информацией, но из глубокопамяти, непрошенные, всплывали воспоминания.

4

Очень давно, еще до космических кораблей — и до того как «Искатель» расколол окружавшую Солнце скорлупу, невольно развязав двухвековую Войну с Кометами, — человечество столкнулось с загадкой, заставившей мыслителей той эпохи провести немало бессонных ночей.

По мере того как улучшались телескопы, а биологи начинали понимать и даже конструировать жизнь, все большее и большее число людей, поглядывая на звездное небо, задавалось вопросом: «Где же, черт побери, те, другие?»

Огромные следящие системы на Луне уже высмотрели планеты у близлежащих желтых звезд. И даже в тех примитивных спектрограммах, что получали в двадцать первом веке, улавливались следы жизни. Философы спешно обосновывали представления о том, как широко распространена жизнь в нашей галактике.

Но еще до отлета первой звездной экспедиции у мыслителей появились сомнения. Если путешествовать среди звезд так легко, как кажется, почему плодородные планеты не заселены какими-то другими разумными существами?

В конце концов, мы-то уже готовы лететь и осваивать новые миры. Даже с учетом самых скромных коэффициентов прироста населения за несколько миллионов лет человечество вполне способно заселить всю галактику.

Так почему же подобное не произошло раньше? Почему такими пустынными кажутся межзвездные перекрестки? Почему мы до сих пор не обнаружили обещанную теоретиками галактическую сеть радиосвязи?

И что еще более странно… Почему нет абсолютно никаких доказательств, что кто-то пытался колонизировать Землю? К тому времени мы точно знали, что нашу планету никогда не посещали гости из космоса.

Прежде всего, об этом свидетельствует история докембрийского периода.

Перед эпохой рептилий, рыб, трилобитов и амеб Земля пережила долгий, растянувшийся на два миллиарда лет период, в течение которого планетой владели простые одноклеточные организмы, не обладавшие даже сформировавшимся ядром — прокариоты. Два миллиарда лет они «изобретали» основы жизни на Земле.

И за все это время на Землю ни разу не ступил инопланетный колонист. Тут у нас нет никаких

сомнений, ибо, если бы они прилетали, даже оставленный ими мусор навсегда изменил бы историю жизни на нашей планете. Один-единственный негерметичный нужник заполнил бы океаны куда более высокоорганизованными формами жизни, которые просто вытеснили бы наших примитивных микроскопических предков.

Два миллиарда лет и ни одной попытки заселить планету… плюс бесконечное молчание на радиочастотах, которое философы двадцать первого века назвали Великим Безмолвием. Они надеялись, что звездолеты наконец найдут ответ этой загадки.

А затем первый же корабль, «Искатель», каким-то образом расколол хрустасферу, о существовании которой мы даже не подозревали, и разгадка нашлась сама.

Во время последовавшей Войны с Кометами нам некогда было философствовать. Я родился в самый разгар битвы и первые сто лет своей жизни провел в юрком стремительном планетолете, уничтожая или уводя в сторону ледяные глыбы, способные разрушить наши хрупкие обитаемые миры.

Да, мы могли оставить Землю умирать. В конце

концов, половина человечества уже тогда жила в орбитальных поселениях, а их защищать гораздо легче чем неповоротливую планету.

Возможно, это было бы логично. Но когда над матерью Землей нависла угроза, человечество на время потеряло способность рассуждать логично. Астероидники, случалось, подставляли на пути несущихся ледяных глыб целые орбитальные города с миллионным населением — только чтобы спасти тяжелую планету, знакомую им лишь по книгам да по слабому голубому мерцанию вдали на фоне вечной черноты. Психистам потребовалось немало времени, чтобы понять, почему это происходило, но тогда все казалось каким-то божественным, героическим безумием.

Мы победили в той войне. Когда взбесившиеся кометы были наконец укрощены, человечество стало вновь поглядывать на звезды и строить новые корабли, лучше прежних.

Мне пришлось ждать места на двенадцатом, и это спасло мою жизнь. Первые семь кораблей мы потеряли Посылая на Землю радостные сообщения о прекрасных зеленых планетах, они по спирали продолжали сближаться, натыкались на невидимые хрустасферы и погибали. Но в отличие от «Искателя», они ни разу ничего

не добились. Корабли превращались в новые кометы, а хрустасферы оставались целыми и невредимыми.

Мы так надеялись… хотя те, кто помнил «Искатель», уже начинали беспокоиться. Казалось, человечество вот-вот наконец вздохнет свободно. Мы расселимся по многим мирам, и люди будут в безопасности. Перенаселение и упадок перестанут угрожать расе людей…

Но все надежды разбились разом, разбились об эти невидимые сферы.

Нам потребовались века, чтобы научиться хотя бы находить опаснозоны! Почему, спрашивали мы себя. Почему Вселенная устроена так жестоко? Чья это насмешка? Что представляют собой эти чудовищные барьеры, не подчиняющиеся никаким известным нам физическим законам и не подпускающие нас к чудесным нормопланетам, которые так нам нужны?

На три века человечество словно сошло с ума. Худшие годы великодепрессии я пропустил. Мы тогда пытались исследовать сферу вокруг Тау Кита, и, когда я вернулся, на Земле восстановилось некое подобие порядка.

Но я вернулся в Солнечную систему, которая явно потеряла какую-то часть своей души.

Еще долгие годы мне не доводилось слышать беззаботный смех ни на самой Земле, ни на мелкопланетах.

Я тоже «накрылся одеялом с головой» и уснул на две сотни лет.

5

Когда капитан Бок приказал мне снова поставить боесферу на предохранение, весь экипаж облегченно вздохнул. Я отключил систему самоуничтожения и поднялся со своего места. Напряжение спадало, оставляя лишь приступы дрожи, и Элис пришлось поддерживать меня, пока я не успокоился.

Мойша отменил боевую тревогу, потому что в системе этой доброзвезды никого не было.

Точнее, жизнь там бурлила, но — увы! — не разумная жизнь. На крупных астероидах мы нашли чудесные самообеспечивающиеся экосистемы, собирающие свет огромными окнами. На каждой из двадцати лун стояли укрытые гигантскими куполами леса. Но везде — полное молчание, как в зоне видимого спектра, так и на радиочастотах. Детекторы Йена не обнаружили никакой технологической активности и никаких мысленных эманаций разумных существ.

Очень странное, даже жуткое ощущение возникало, когда мы пролетали между строго расположенными мелкопланетами. Раньше подобные маневры можно было совершать лишь в

хорошо изученном пространстве Солсистемы.

В первые века после хрустального кризиса кое-кто еще верил, что человечество, сможет жить среди звезд. В основном, астероидники, которые всегда демонстративно заявляли, что на планете жить тяжело и вообще скверно. Кому, мол, они нужны?

Некоторые из них даже отправлялись к злозвездам — красным гигантам, крошечным красным карликам, двойным звездам и нестабильным светилам, у которых не было хрустасфер. Будущие колонисты отыскивали подходящие обломки поближе к звезде и устраивали там мелкопланетные города по типу прежних, в Солнечной системе.

Все, абсолютно все попытки провалились спустя уже несколько поколений. Колонисты просто теряли интерес к продлению жизни.

В конце концов, психисты решили, что причины этого связаны с божественным безумием, которое помогло нам победить в Войне с Кометами.

Попросту говоря, люди могут жить на астероидах, но им необходимо знать, что поблизости есть голубая планета, необходимо видеть ее в небе хотя бы изредка. Да, такая уж у человека

ущербная природа, но мы никак не можем жить сами по себе в далеком космосе.

Если мы хотим покорить Вселенную, нам не обойтись без водных миров.

Водную планету этой системы мы назвали Квест, в честь странствий короля Пеленора, давшего имя нашему кораблю. Планета сияла коричневыми и голубыми размывами под чистыми покровами белых облаков, и мы часами кружили над ней, смотрели и не могли сдержать слез.

Элис разморозила десять первых ледотел — выдающихся ученых, которые, по заверениям миркомпов, сумеют справиться с собой при возрождении надежды. Со слезами радости на глазах они по очереди глядели в иллюминатор, и мы уже с ними вновь дали волю своим чувствам.

6

Сам по себе «Пеленор» был мало пригоден для полномасштабного исследования этой системы, и мы около года потратили на то, чтобы отловить и модифицировать несколько древних кораблей, кружившихся на орбитах у новой планеты. Так мы могли разделиться и работать во всех уголках системы.

К концу второго года поверхность Квеста изучали уже более сотни биологов. Первым делом они набросились на ген-сканирование местной флоры и фауны, а затем с неменьшим энтузиазмом принялись модифицировать земнорастения, чтобы ввести их в экосистему, не нарушив природный баланс. Планировалось, что вскоре они примутся за животных из нашего генохранилища.

Инженеры, исследовавшие мелкопланеты, объявили ко всеобщей радости, что смогут запустить жизнемашины, оставленные прежними хозяевами. Места там могло хватить для целого миллиарда колонистов, сразу.

Но больше всего мы ждали отчетов археологов. Когда выдавалось время между челночными

рейсами, я отправлялся помогать им, а затем присоединился к работе в пыльных руинах Старогорода на краю Долгодолины, готовил к отправке находки, которые потом надлежало каталогизировать и тщательно изучить.

Спустя какое-то время мы узнали, что обитатели Квеста называли себя «натаралами». Двуногие существа, по девять пальцев на верхних конечностях — до определенной степени они походили на нас, хотя выглядели, конечно, очень непривычно.

Однако разглядывая картины и статуи натаралов, я начал привыкать к их виду и даже научился различать выражения лица по едва заметным изменениям черт. А расшифровав язык, мы узнали название их расы и кое-что из истории этой цивилизации.

В отличие от других разумных рас, наблюдать за которыми нам доводилось лишь издалека, натаралы были индивидуалистами по укладу жизни и исследователями по характеру. Подобно нам, закончив не менее яркий и насыщенный доброзлом период планетной истории, они начали осваивать свою солнечную систему.

Как и нас, их одолевали две противоречивые мечты. Им хотелось достичь звезд, безбрежного

жизненного пространства, и в то же время они хотели встретить других разумных, обрести соседей.

К тому времени, когда у них появился первый звездолет, натаралы уже почти оставили надежду отыскать соседей. На планете не было никаких следов посещений других рас. А звезды Вокруг неизменно молчали.

Тем не менее, они запустили свой первокорабль, едва закончилась подготовка к экспедиции: ведь оставалась вторая мечта — Пространство.

И спустя несколько недель после старта их хрустасфера разбилась.

Две недели подряд мы перепроверяли перевод. Затем проверили еще раз.

Тысячелетиями пытаясь повторить то, что случайно удалось «Искателю», мы так и не научились разрушать эти смертоносные барьеры вокруг доброзвезд. И вот наконец — ответ.

Натаралы, как и мы, сумели разрушить только одну хрустасферу. Свою собственную. И их история почти точь-в-точь повторяла нашу, вплоть до последовавшей за разрушением хрустасферы Войны с Кометами, которая едва не уничтожила их цивилизацию.

Вывод был очевиден. Барьер смерти можно

уничтожить, но только изнутри!

И как раз тогда, когда мы начали проникаться этой мыслью, археологи откопали Обелиск.

7

Наш главный лингвист, Гарсия Карденас, всегда был склонен к драматическим эффектам. Когда мы с Элис навестили его в лагере у основания недавно обнаруженного монумента, он настоял, чтобы обсуждение его открытия перенесли на следующий день. Вместо этого он и его коллеги приготовили особый ужин и первым делом подняли бокалы в честь Элис.

Она встала, принимая поздравления, что-то остроумно ответила, затем села и снова принялась нянчить ребенка.

Старые привычки отмирают с трудом, и очень немногим еще женщинам удалось переломить крепшее веками предубеждение против деторождения. Элис одной из первых реактивировала яичники и родила ребенка на нашей новой планете.

Не то чтобы я ревновал, нет. В конце концов, мне досталась лишь чуть-чуть, может быть, меньшая слава первоотцовства. Но вся эта суета вокруг нас и нашего ребенка уже начала надоедать. За исключением Мойши Бока, я был, наверно, самым старшим мужчиной здесь — и

достаточно старым, чтобы помнить те времена, когда детей рожали в порядке вещей. Тогда, по крайней мере, люди уделяли внимание и другим делам — во всяком случае, когда случалось что-нибудь важное.

Наконец праздничный ужин завершился. Гарсия кивнул мне и вывел через запасной клапан в глубине палатки наружу. Мы спустились по тропе на дно раскопа. Даже в столь поздний час тропу было хорошо видно, потому что в небе сверкало кольцо мелкопланет, которые натаралы навечно поместили над экваториальной зоной Квеста.

Остановились мы у основания высокой стены из какого-то практически неподвластного времени сплава — наши технисты только-только начали расшифровывать его состав. Надписи на стене рассказывали о последних днях натаралов.

Большую часть их истории мы узнали из других источников, но самый конец долго оставался для нас загадкой и причиной некоторого беспокойства. Что произошло? Какая-то жуткая чума? Или взбунтовались и уничтожили хозяев разумные машины, на которые так полагались обе наши цивилизации? А может быть, вышла из-под контроля их такая развитая биоинженерная технология?

Мы без всякой доли сомнения знали, что натаралы страдали от своего одиночества. Как и мы, они вышли в космос и обнаружили, что вселенная им недоступна. Обе их великие мечты — о добромирах, где можно расселиться, и о братьях по разуму — разбились, словно смертосфера, окружавшая их солнечную систему. Подобно нам, они довольно долго жили в состоянии этакого легкого помешательства. Но Карденас пообещал, что там, на дне темного раскопа, я наконец найду ответы на все свои вопросы.

Пока он готовил аппаратуру, я прислушивался к доносившимся из джунглеса звукам. Жизнь на планете кипела. Кругом самые разнообразные, но, в основном, симпатичные и высокоорганизованные существа: часть — явно естественного, эволюционного происхождения, а часть — столь же явно результат искусного биоскульптурирования. Эти вот существа, искусство натаралов и их архитектура, сами причины глубокого отчаяния сближали нас, даже роднили, и я полагал, натаралы бы мне понравились.

Я радовался, что человечеству досталась их планета, поскольку она обещала спасение моей расы. И в то же время я сожалел, что натаралов уже нет.

Карденас подозвал меня к холистическому проектору, установленному у основания Обелиска, и, когда мы сунули руки внутрь, на обращенной к нам стороне монолита появился свет. Световое пятно перемещалось по начертанным на стене символам, и через пальцы нам передавались чувства и эмоции натаралов в те последние дни.

Поглаживая тонко настроенную, чуть резонирующую поверхность, я приготовился. Считывание вел Карденас, мне же оставалось лишь прислушиваться к своим ощущениям, чтобы прочувствовать великофинал, как чувствовали его сами натаралы.

Подобно нам, натаралы пережили долгий период отчаяния — дольше, чем пока выпало нам. И им тоже казалось, что вселенная сыграла с ними злую бессердечную шутку.

Жизни среди звезд хватало. Но разум развивался крайне редко и очень-очень медленно, порой заходя в тупик с самого начала. Там же, где разумная жизнь все-таки появлялась, она, как правило, принимала формы, которые не привлекал ни космос, ни другие планеты.

Но не будь хрустасфер, даже столь редко зарождающиеся на добропланетах расы космопроходцев стали бы расширять границы своих

владений. Цивилизации, подобные нашей, не занимались бы бесконечными поисками крупиц золота в грудах песка, а заселяли бы все новые и новые далекие миры и в конце концов натыкались бы на братьев по разуму. Более зрелая раса могла бы найти молодую, только еще расправляющую крылья, и, скажем, помочь ей преодолеть какие-то кризисы развития.

Если бы только не существовало хрустасфер… Но увы! Расам космопроходцев не дано заселять новые миры, потому что хрустасферу можно разбить лишь изнутри. Как же жестоко устроена вселенная!

Так, по крайней мере, считали натаралы. Но они не отступались. И спустя века, потраченные на поиски чуда, их дальнозонды обнаружили пять водных миров без смертоносных барьеров.

Когда под пальцами появились координаты этих планет, у меня задрожали руки и от волнения перехватило горло. Какой потрясающий, грандиозный дар вручили нам строители Обелиска! Не удивительно, что Карденас заставил меня ждать. Пожалуй, я тоже не сразу расскажу об этом Элис…

Но тут снова возникла тревожная мысль. Куда исчезли натаралы? И почему? Имея целых шесть

планет для заселения, они должны были чувствовать себя на вершине счастья.

Дальше Обелиск рассказывал что-то о космических черных дырах и о времени… Я не сразу понял и коснулся этого места снова. Карденас напряженно следил за моей реакцией. И наконец до меня дошло!

— Великие Сферы! — воскликнул я. По сравнению с новой информацией открытие пяти добропланет выглядело просто пустяком. — Вот, значит, для чего нужны хрустасферы… Невероятно!

Карденас улыбнулся.

— Полегче с телеологией, Джошуа. Барьеры действительно кажутся работой некоего Творца, но может статься, никакого Великого Замысла тут нет, просто стечение обстоятельств, случайность. Точно нам теперь известно лишь одно: без хрустасфер нас самих, скорее всего, не было бы. Разум встречался бы во вселенной даже реже, чем сейчас. И у большинства доброзвезд вообще не зародилась бы жизнь. Десять тысячелетий мы проклинали хрустасферы… — Карденас вздохнул. — Натаралы занимались этим еще дольше, пока наконец не поняли…

8

Если бы не было хрустасфер… Я долго размышлял об этом в ту ночь, вглядываясь в мерцающие бледные отсветы проплывающих в небе Осколков, за которыми виднелись наиболее яркие звезды.

Если бы не было хрустасфер, тогда рано или поздно в каждой галактике появилась бы первая раса звездопроходцев. Даже если бы большинство разумных существ предпочитали оставаться «дома», появление агрессивного, осваивающего, колонизирующего вида неизбежно.

Если бы не было хрустасфер, первая же такая раса пошла и захватила бы все пригодные для жизни планеты. Они заселили бы все водные миры и обжили бы все мелкопланеты, кружащиеся у доброзвезд.

За два века до того как мы обнаружили свою собственную хрустасферу, человечество уже задавалось вопросом: почему этого не произошло? Почему за три миллиарда лет, пока Землю можно было «брать голыми руками», никто не прилетел и не застолбил планету?

Позже мы узнали, что это из-за окружавшего

Солнце барьера смерти. Именно хрустасфера оберегала все это время наших крошечных примитивных предков от постороннего воздействия и дала возможность нашей цивилизации встать на ноги в мире и уединении.

Если бы не было хрустасфер, первая же раса звездопроходцев заполнила бы всю галактику и, может быть, всю вселенную целиком Не будь барьеров, мы бы сами так и поступили. История всех других плодородных миров изменилась бы навсегда. И трудно даже представить себе масштабы нереализованного в таком случае потенциального разнообразия жизни.

В общем, барьеры защищают добромиры до тех пор, пока развивающаяся на них жизнь не разбивает оболочки изнутри.

Только зачем это? Зачем защищать молодой росток, который в зрелости ждет лишь горечь одиночества?

Представьте себе, каково было самой-самой первой расе звездопроходцев. Будь они даже терпеливы как Иов, никогда не найти им еще одну доброзвезду для освоения. И встретить соседей им тоже не суждено, до тех пор пока не расколется изнутри следующая хрустасфера.

Без сомнения, они отчаялись задолго до того.

Нам же, людям, подарили шесть прекрасных миров. И если нам не довелось встретиться с натаралами, мы, по крайней мере, можем узнать их по их книгам. Кроме того, из их старательно сохраненных записей мы узнаем и о других, более древних расах, развившихся на тех пяти планетах и вырвавшихся в одинокую вселенную.

Может быть, спустя еще миллиард лет вселенная будет в большей степени напоминать научно-фантастические концепции, популярные во времена моего деда. Может, и в самом деле потянутся когда-нибудь по космическим трассам между дружественными мирами бесчисленные торговые корабли.

Но мы, как и натаралы, вышли в космос слишком рано. Если мы будем дожидаться этого дня, нас так и будут называть — Древняя Цивилизация. А это как проклятье…

Я снова взглянул на созвездие, которое мы назвали Феникс и куда миллионы лет назад отправились натаралы. Маленькую темнозвезду, давшую им пристанище, даже не было видно, но я точно знал, где она находится. Натаралы оставили подробнейшие инструкции.

Затем я повернулся и снова забрался в палатку к Элис и ребенку, оставив за спиной звезды и

мерцающие осколки хрустасферы.

Завтра будет много дел. Этим вечером я пообещал Элис, что начну строить дом на склоне холма неподалеку от Старогорода.

Она пробормотала что-то во сне, но не проснулась, только придвинулась ближе, когда я лег рядом. В колыбельке, стоявшей у кровати, спокойно посапывала наша дочь. Я обнял Элис и тихо вздохнул.

Но сон не шел. Я продолжал думать о планетах, что оставили нам натаралы.

Нет, не оставили. Одолжили. Мы можем пользоваться этими шестью планетами, но должны быть добры к ним — таково условие натаралов, которые в свою очередь согласились выполнять его, когда приняли в наследство четыре планеты, оставленные в незапамятные времена расой лап-кленнов, их предшественников на одиноких звездных трассах… так же как лап-кленны, когда унаследовали три твузуунских солнечных системы…

До тех пор пока в нас горит жажда осваивать новые миры, они наши — и любые другие, что нам посчастливится найти.

Но когда-нибудь цели изменятся. Жизненное пространство перестанет быть императивом. Все

чаще и чаще, как предсказывали натаралы, мы будем задумываться об одиночестве.

Я знал, что они правы. Когда-нибудь мои пра-пра-в-энной-степени-внуки осознают, что не в состоянии больше жить во вселенной, где не слышно чужих голосов. Прекрасные миры наскучат им, и, собравшись всем племенем, они направятся к темнозвезде.

И вот там-то, за горизонтом Шварцшильда большой «черной дыры», они встретят и натаралов, и лап-кленнов, и твузуунов, ожидающих их в чаше застывшего времени…

Я прислушивался к мягкому шелесту ветра, теребящего ткань палатки, и завидовал своим пра-пра-в-энной-степени-внукам. Так хотелось бы встретить других звездопроходцев, столь похожих на нас.

Да, можно, конечно, подождать несколько миллиардов лет и здесь, подождать, пока не расколются большинство хрустасфер и во вселенной не забурлит жизнь. Но мы наверняка станем к тому времени другими. Сама жизнь сделает нас Древними.

Какая же раса по собственной воле выберет такую судьбу? Гораздо лучше остаться молодыми и молодыми вернуться во вселенную, где будет

интересно жить!

В ожидании этого дня наши предшественники погрузились в сон за краем консервирующей время «черной дыры». Они ждут нас там и готовы принять, чтобы вместе переждать одинокую безрадостную эпоху в истории вселенной.

Размышляя об элегантном решении, что приняли натаралы, я чувствовал, как уходят, растворяются последние остатки старой великодепрессии. Мы так долго боялись, что вселенная — это одна большая недобрая шутка, а нам в ней отведена роль простаков, над которыми безжалостно насмеялись. Но теперь эти мрачномысли наконец исчезли, расколотые новым видением будущего словно барьер хрустасферы.

Я обнял, прижал к себе свою женщину. Она снова пробормотала что-то во сне. И засыпая, я вдруг понял, что чувствую себя гораздо лучше, чем за все последнее тысячелетие. Я чувствовал себя очень-очень молодым.

Перевод: А. Корженевский

Четвертая профессия Джорджа Густава

Электрокэб Гамильтона Смита заложил плавный вираж и, увертываясь от участников очередного парада, начал перестраиваться в соседний ряд. Гамильтон мрачно взирал на разодетую публику, запрудившую Трафальгарскую площадь.

— Черт бы побрал эти ритуальные клубы, — пробормотал он себе под нос.

Кажется, собравшиеся тут страдали от любви к Ближнему Востоку — марш сопровождало усиленное динамиками дребезжание тамбуринов. Знамена повисли как тряпки, да и сами участники шествия выглядели не более воодушевленными, чем пресыщенные зрелищами зеваки. Гамильтон так и не понял, что это за клуб, хотя узнал нескольких клиентов своего банка.

Его собственный «Орден Верноподданных Рокеров» выйдет на парад через месяц. Опять придется напяливать на себя костюм мотохулигана двадцатого века, но тут уж ничего не поделаешь. Членство в ритуальном клубе — одно из шести обязательных хобби каждого законопо-

слушного гражданина.

Гамильтон взглянул на Ан-Дана. Помощник ответил дежурной полуулыбкой андроида.

— Дан, ты уверен, что человек, к которому мы едем, нам подходит? На этой неделе у меня на социологию отведено всего несколько часов, и не хотелось бы тратить их на обычное статистическое отклонение.

Речевой синтезатор Ан-Дана благодушно заурчал.

— Пожалуйста, Гамильтон, могу еще раз проверить. — Андроид открыл свой чемоданчик. — Вот: из всей случайной выборки только у этого Фарела Купера уровень удовлетворенности своим ритуальным клубом на два стандартных отклонения выше среднего. Как раз то, что нужно.

Но чувство неловкости не покинуло Гамильтона — несмотря на все права социолога-любителя, ему неприятно было вторгаться в чужую жизнь только ради социологического опроса. А вдруг он отрывает людей от любимого занятия или, того хуже, от Работы?

Кому же понравится, когда его отрывают от работы… Каждый занят своим настоящим делом всего несколько часов в неделю, и сам Гамильтон ненавидел любителей, отнимающих у него

эти бесценные часы. Он и сейчас предпочел бы сидеть у себя в банке, а не раскатывать по городу, отдавая дань дурацким хобби. Но андроиды превратили полезный труд в дефицит, и, по закону, чтобы занять свободное время, каждый должен был иметь не менее шести увлечений.

Миновав Букингемский музей, электрокэб оставил позади пыльные статуи героев эпохи Слияния Общества. Огромный газон заполнила толпа праздношатающихся, которые пытались убить время, отведенное на Ленивую Болтовню и Мечтательное Созерцание. Отовсюду веяло той же томительной скукой, которую Гамильтон так остро ощутил на Трафальгарской площади.

Он уже пожалел, что затеял это любительское исследование. Чем глубже они с Ан-Даном погружались в проблему, тем неуютнее ему становилось. В конце концов, берясь за социологию, Гамильтон вовсе не стремился докопаться до причин морального упадка Всемирной Державы, а лишь хотел более или менее интересно провести свободное время.

Ан-Дан снова заговорил:

— Ты нервничаешь, Гамильтон. Брось. Твоя теория индексов преданности снимет все обвинения. Тем, кто утверждает, будто ты утратил

любительский энтузиазм, придется замолчать.

— Ты думаешь? — Гамильтон нахмурился. — А кто говорит, что я утратил энтузиазм?

Дан, новая и очень, сложная модель, мог выбирать, на какой из вопросов ему отвечать.

— По-моему, твое открытие будет одним из самых важных за последнее время. Странно, что профессионалы так мало пишут о растущем разочаровании или о том, что псевдоувлечение ритуальными клубами перестало удовлетворять средних граждан.

Странно было слышать собственные слова из уст андроида. Гамильтон почувствовал гордость, хотя и не без некоторого оттенка смущения. Прежде чем он успел ответить, Ан-Дан выглянул в окно.

— Мы на месте, — объявил Дан. Такси плавно затормозило перед рядом изысканных коттеджей, явно спроектированных профессионалом, а не каким-нибудь архитектором-любителем.

Гамильтон еще раз сверился со своими записями.

— Этот человек…

— Фарел Купер.

— А клуб называется…

— Общество Бани и Подвязки.

— Ах да. Бани и Подвязки. Странновато звучит. Обычно секс-клубы не слишком хороши в качестве ритуальных. Интересно, чем отличается этот?

Пятнадцать часов в неделю Фарел Купер работал на благо общества, исполняя обязанности помощника ветеринара при Нью-Хемпстедских беговых конюшнях. Его художественным хобби были поделки из кожи; львиную долю домашней выставки он отвел под седла и сбрую. Неудивительно, что спортивным увлечением Купер выбрал верховую езду.

В качестве альтруистического хобби он зарегистрировал еженедельную пятичасовую помощь местной клинике роботов, по собственному выспреннему выражению, «заботился о верных рабах, подаривших нам этот праздник вечного досуга».

Хозяин, высокий сутуловатый старик с ястребиным носом и угрюмо сжатыми губами, едва удостоил взглядом любительские удостоверения Дана и Гамильтона, и без особого радушия пригласил гостей в дом. После короткой экскурсии по мастерским и кабинетам он привел их в небольшую гостиную.

Гамильтон устроился на кожаном диване и

раскрыл записную книжку.

— Ну что ж, мистер Купер, мы познакомились с вашим художественным хобби и другими увлечениями, но больше всего нас интересует ритуальный клуб. Насколько нам известно, вы проводите максимально допустимое время — двадцать часов в неделю — в этом… э-э… Обществе Бани и Подвязки, хотя общие собрания созываются лишь несколько раз в год. Чем же вы занимаетесь в клубе?

Купер заерзал. На какое-то мгновение даже показалось, что он не хочет отвечать. Гамильтон почувствовал пробежавший по спине холодок — не так уж часто приходится сталкиваться с чем-то противозаконным.

Вздохнув, Купер все-таки ответил:

— Я имею честь выполнять обязанности камердинера его светлости.

Гамильтон подавил вздох. Не пришлось бы проторчать здесь целый день, выясняя связь между «Великим Владетелем Пуба» и «Мастером Зорком» — или как они там обращаются друг к другу в этом клубе.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о своих обязанностях… э-э… камердинера, мистер Купер?

Перейдя на старинный выговор, Купер медлен-

но произнес:

— Камердинер есть лицо, выполняющее при другом лице обязанности помощника, телохранителя, слуги, курьера… Служить принцу крови — высокая честь.

Гамильтон заметил взгляд Ан-Дана. Неужели ему довелось увидеть изумление на непроницаемом лице андроида?

Гамильтон откашлялся.

— Вы сказали, что «служите» «камердинером» этому… — он сверился с записями, — человеку, которого вы называете «его светлость». Он занимается проблемами освещения?

— Нет.

— Угу… А в вашем клубе у него есть какие-нибудь другие титулы?

Купер смотрел куда-то вдаль.

— Титулов у него не счесть, мистер Смит. Все они законны, и мы никогда не делали из них тайны, хотя и старались избегать лишней огласки. Однако теперь, я полагаю, Его Светлости придется решать, как быть дальше.

Вдруг Гамильтона осенило: должно быть, Купер принадлежит к редкой разновидности подлинных сумасшедших. И он принялся гадать, сохранились ли еще награды для тех, кто помог

отправить душевнобольного на излечение.

— Тогда, раз это не секрет, не назовете ли вы хотя бы некоторые из них?

— Пожалуйста. — Купер слегка поклонился. — Его зовут Джордж Густав Чарлз Фердинанд Людовик Яро Тайсе… Остальные имена он скажет сам, если пожелает. Его можно найти в Айлингтонской Больнице для Роботов — он там главный профессиональный психиатр. Что же касается его титулов, то в них перечислены короны Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции, Японии, Китая, России, Британии, большей части Африки и обеих Америк…

— Подождите! — Гамильтон замахал руками. — Мистер Купер, что именно вы подразумеваете под коронами?

Хозяин дома в первый раз за время разговора улыбнулся.

— Это значит, что милостью Божьей и по праву наследования Его Величество является монархом и сюзереном всех этих земель.

Купер наклонился вперед и доверительно посмотрел на гостя.

— Между прочим он ведь и ваш король тоже.

Табличка на двери гласила:

ДОКТОР ДЖОРДЖ ГУСТАВ

ВЕДУЩИЙ ПРОФЕССИОНАЛ

ПСИХОЛОГИЯ РОБОТОВ И АНДРОИДОВ

Прикрепив на лацкан пиджака удостоверение исследователя-любителя, Гамильтон остановился перед дверью Он подосадовал, что отправил Ан-Дана в библиотеку — с ним было бы спокойнее.

Гамильтон предполагал, что Густав — такой же сумасшедший, как его «камердинер», но досье этого парня оказалось безупречным. Работал он робопсихологом и был одним из самых уважаемых специалистов в Европе. В области интеллектуальных увлечений — юриспруденции и истории — его удостоили звания профессионала — случай исключительный! Те, у кого было больше одной Работы, вызывали всеобщую зависть, а у Густава их выходило целых три.

Дверь отворил долговязый, темноволосый молодой человек. Улыбнувшись, он протянул Гамильтону руку:

— Мистер Смит? Проходите, садитесь. Я через минуту вернусь.

Гамильтон устроился в кресле напротив широкого резного стола красного дерева, а доктор

Густав проследовал в свой кабинет. Оттуда донеслись обрывки указаний, даваемых доктором старому трудяге класса D. Ответы робота, состоявшие исключительно из гудков и щелчков, звучали для Гамильтона полной тарабарщиной.

Внимание социолога привлекли предметы, украшавшие стены приемной. Среди них были дипломы и кубки — трофеи спортивных побей, множество картин, причем лишь некоторые казались работой художника-любителя.

— Прошу прощения, мистер Смит, — извинился Густав, прикрывая за собой дверь. Повесив в шкаф свой белый халат, он расположился напротив Гамильтона.

— Полагаю, вас интересует Общество Бани и Подвязки, не так ли? Фарел сообщил мне о вашем вчерашнем визите. Это ничего? Вы ведь не просили его этого не делать?

— Нет, все в порядке. — Гамильтон беспечно махнул рукой. По правде говоря, он хотел попросить Купера сохранить их разговор в тайне, но опаздывал на баскетбол, а затем у него выкраивался час на чтение — редкая удача, — и в спешке все вылетело из головы.

Сегодня он на удивление быстро закончил дела в банке и освободился пораньше.

— Так вот, о вашем ритуальном клубе. Заявление мистера Купера касательно его древности… в него просто невозможно поверить. Надеюсь вам известно, что вводить в заблуждение исследователя считается преступлением. Не могли бы вы объяснить, чем вызвано его экстравагантное поведение?

Густав понимающе кивнул.

— Я уверен, Фарел не хотел вас обманывать. Должно быть, он несколько увлекся и слегка исказил факты. Видите ли, мистер Смит, Общество Бани и Подвязки действительно зарегистрировано как ритуальный клуб около трехсот лет назад, то есть на заре Всемирной Державы.

— Понятно. У членов клуба действительно есть чем гордиться: он — один из старейших. Этим, очевидно, и объясняются слова Купера. — Гамильтон испытал разочарование. Он ожидал услышать что-нибудь поувлекательнее.

— Конечно, корни нашего Общества уходят в глубь веков на несколько тысяч лет до Слияния. Вы, безусловно, слышали об английских рыцарях Бани, о клане Фудзиява, представители которого хранили полог трона Хризантемы…

Густав откинулся на спинку кресла и махнул рукой, показывая на стену.

— Видите тот старинный веер, мистер Смит? Это грамота, дарованная последним китайским императором своему малолетнему сыну. Перед манчжурским вторжением ее подписали старейшины всех городов по течению Янцзы. Тайное братство. Прятавшее наследника и его потомков, позднее слилось с другими подобными братствами. Так что Орден Бани и Подвязки образовался многие сотни лет назад, а ребенок, которого тогда спасли, был одним из моих предков.

Гамильтон замер.

— В таком случае заявление Купера, будто вы… что вы монарх…

Густав пожал плечами.

— Так гласят документы, мистер Смит. По всем законам престолонаследия я являюсь преемником сросшихся королевских домов Европы, Азии и большей части остального мира.

Заметив выражение лица Гамильтона, робопсихиатр рассмеялся:

— О, не удивляйтесь так, мистер Смит. Перед вами не сумасшедший. Я абсолютно современный и, осмелюсь утверждать, полезный член нашего общества, которое в целом одобряю. Я вовсе не требую каких-либо привилегий за мое уникальное происхождение — это было бы аб-

сурдом. Я обыкновенный наследственный глава ритуального клуба, абсолютно легального, заметьте. Наряду с тысячами других его членов я стремлюсь поддержать духовную связь с нашим прошлым.

Гамильтон проверил, крутится ли его диктофон. Только что услышанное с трудом укладывалось в голове.

— А другие члены вашего клуба — они тоже?..

— Наследники, вы хотите спросить? Некоторые — да. Но мы, конечно, принимаем и новых членов, которых в последнее время становится все больше. Однако потомственные члены клуба всегда были нашей опорой… представители домов Цинь, Бурбонов, Стюартов, Фудзиява… Следует учитывать, что ситуация после Слияния существенно отличалась от сегодняшней. — Тут Густав развел руками. — В те дни неосоциализм был не таким всепрощающим и добродушным, как теперь; он играл на низменных страстях и тяге к насилию. Те, кто претендовал на исключительность по праву наследования или принадлежности к старинной фамилии, оказались среди козлов отпущения. Королевские дома добровольно и с соблюдением всех формальностей, удалившись отдел, сложили с себя реальную

власть задолго до этого и потому пострадали не так сильно.

— Чертовски интересно, — воскликнул Гамильтон, — а я-то думал, что в эпоху парусных фрегатов и аэропланов королей и королев уже не осталось.

— Это не совсем так, хотя они старались держаться в тени. Я думаю, что скрытность стала их второй натурой, но реальной необходимости в ней уже не было.

Гамильтон согласно кивнул, хотя в глубине души чувствовал, что его хотят одурачить. Пусть доктор Густав называет себя современным человеком, но пылающий взгляд Купера говорил совсем другое! Да еще это наследственное членство! До чего оригинально!

Гамильтон с трудом сдерживал радость. Он натолкнулся на настоящее подпольное братство! Кажется, это первое тайное общество, обнаруженное после — как их там? — марксистов, о которых писали журналы лет двадцать назад. Маленькая сплоченная группа в течение многих веков стремилась к единственной цели — завоеванию мира. После разразившегося скандала члены группы разъехались в разные уголки света, и вскоре о них забыли.

Гамильтон продолжал улыбаться доктору Густаву, но думал уже только о своей будущей статье.

Будем надеяться, что «Орден Бани и Подвязки» протянет дольше марксистов.

Первую статью из «Социолога-любителя» перепечатали даже на Марсе и Титане. Поначалу Гамильтон опасался, что профессионалы перехватят инициативу, но благодаря Ан-Дану ему удалось закончить свое психо-статистическое исследование раньше других. Это решило дело. Ему предложили написать редакционную статью для очередного номера «Популярной социологии».

— Замечательная новость, Гамильтон, — пророкотал его кибернетический помощник. — Скорее всего за эту работу ты удостоишься статуса профессионала. В твоем возрасте это небывалая честь.

Гамильтон усмехнулся и поудобнее устроился в кресле, положив ноги на стол. В мире, где компетентность и многосторонность ценились превыше всего, профессионалы ревностно охраняли свои ряды от притока новых членов. Сам Гамильтон, заседая в комиссии профессиональных банкиров, провалил сотни претендентов, пытавшихся получить «вторую шляпу». И вот

он тоже почти получил ее, уверен, что получит. Что ж, не одному Густаву проявлять таланты в различных областях!

А Густав, признаться, держался что надо. К своей растущей популярности он относился на удивление спокойно, и даже пригласил Гамильтона на внеочередной съезд «Бани и Подвязки». И у Гамильтона при этом возникло ощущение, будто он удостоен великой чести.

На встречу съехались руководители отделений клуба со всего света. Большинство из них явно были профессионалами во многих областях, и многие высказывали серьезную озабоченность непомерно растущей популярностью клуба, но беззаботный и лучившийся уверенностью Густав вскоре заставил их позабыть о своих опасениях.

Гамильтона удивила невыразительность ритуала собрания. Ни причудливых шляп, ни загадочных символов, к которым он привык в своем клубе. Разве что время от времени кто-нибудь отвешивал легкий поклон, или доносилось архаичное «милорд»... но в общем ничего впечатляющего.

И все же наблюдательный социолог заметил нечто важное, некие оттенки взаимоотношений, в которых ему очень хотелось разобраться. Здесь

чувствовалось что-то необычное. Участники встречи относились ко всему происходящему куда серьезнее, чем члены других ритуальных клубов…

Гамильтон покинул собрание с кипой самых разнообразных заметок.

— Я записал свои впечатления о съезде, — объявил он андроиду. — А ты? Закончил исторический обзор?

— Да, Гамильтон. — Андроид склонил свою матовую голову. — Думаю, экскурс в историю будет идеальным вступлением к твоей книге: я постараюсь доступно объяснить, что такое монархия. Ты и не воображаешь, сколько людей даже представления о ней не имеют.

— Отлично.

В самом деле, это сбережет массу времени, а то игроки баскетбольной команды уже начали жаловаться, что Гамильтон запустил спортивные тренировки. Успехи приветствуются, справедливо напоминали ему, но одержимость абсолютно недопустима.

— Выяснил что-нибудь интересное?

— Да, Гамильтон. Документы, которые показал нам доктор Густав, подлинные. Андроиды класса ААА из архивного отдела чрезвычайно ими

заинтересовались. Очевидно одно: родословная Джорджа Густава — не подделка.

— Ну и чудненько, — Гамильтон ухмыльнулся. Теперь принудительное лечение робопсихиатру не грозило. Гамильтон был рад за него, парень ему действительно понравился.

— А как тебе работалось с андроидами «трижды А»?

Ан-Дан попытался изобразить улыбку.

— Примерно так же, как тебе, Гамильтон, когда ты имеешь дело с профессиональными социологами.

— Неужели? — улыбнулся в ответ Гамильтон.

В Орлеане происходили интересные события, если не сказать больше. Впервые за много лет жители пытались перекроить свой распорядок так, чтобы осталось время поглазеть на… парад!

То был один из самых скромных и благопристойных парадов: ни разукрашенных повозок, ни жонглеров-любителей, ни любителей-аэроциклистов, непонятным образом появлявшихся на любом параде. Процессию замыкали конные и пешие члены клуба, а возглавлял ее отряд рослых молодцев, которые надрывными и мрачными звуками своих волынок приводили зрителей в священный трепет.

Страсти кипели. Когда парад закончился, толпа обступила наследственного главу «Бани и Подвязки», требуя автографы.

— Пожалуйста, уважаемые леди и джентльмены, умоляю вас, — взывал Фарел Купер, с трудом вспоминая старинные правила вежливости. — Визит Его Светлости расписан по минутам. Умоляю вас! Не могли бы вы отойти чуточку назад? И вы тоже! Поберегитесь — лошади!

Два волынщика пришли ему на помощь и вместе с добровольными стражами порядка слегка оттеснили толпу. Джордж Густав только что подписал книгу молодой женщине, которая немедленно прижала ее к груди, словно самую дорогую реликвию. Подняв голову, доктор подмигнул ей и получил в награду еще один восторженный взгляд. Затем Густав сделал знак своей добровольной охране, и к нему пропустили следующего поклонника.

— Добрый день, мистер Смит, — поздоровался он и, пожав Гамильтону руку, занялся очередной книгой. — Приехали исследовать новый феномен? Должен сказать, ваши статьи превратили мое маленькое старомодное хобби в ответственнейшее дело.

Гамильтон улыбнулся.

— И как вы себя чувствуете в роли короля, доктор Густав? Насколько я могу судить, она оказалась куда сложнее, чем можно было представить… по крайней мере для монарха, который старается держать марку. Скажите, вы когда-нибудь задумывались о том, что было бы… что было бы, если…

— Если бы монархия сохранилась? Если бы я был наследником реальной власти, а не главой ритуального клуба? Конечно же, задумывался, мистер Смит, и не раз. Неужели вы полагаете, будто я начисто лишен воображения?

Покончив с последним автографом, Густав помахал собравшимся рукой и, повернувшись к Гамильтону, серьезно продолжал:

— Не знаю, как и почему во мне соединились гены всех этих августейших фамилий — это, конечно, произошло уже после того, как они утратили свою былую власть. Но могу сказать вам, к чему это привело. Во мне есть какая-то струнка, которая откликается на эмоции толпы. Я всегда чувствовал людей… да и андроидов тоже. По тестам я всегда получал самый высокий балл за лидерские способности и чувство справедливости.

— Да, я знаю. Вы пользуетесь популярностью

как судья-любитель. Профессиональный суд ни разу не отменил ваше решение.

Густав пожал плечами.

— Итак, вопрос в том, унаследовал ли я свои способности от предков или все это — простое совпадение? Интересная тема для исследования! Хотя, как мне Кажется, теперь это не важно.

Подошел Фарел Купер и, коротко кивнув Гамильтону, обратился к своему патрону:

— Ваша Светлость, мы уже не укладываемся в расписание. Не угодно ли трогаться в путь? Ваш эскорт ушел далеко вперед.

Гамильтон усмехнулся. Он уже успел привыкнуть к манерам Купера. Густав поймал его саркастический взгляд и подмигнул.

— Ладно Гамильтон, поговорим позже Надеюсь, у меня еще будет возможность поведать вам, сколь много я почерпнул из вашего микросоциологического исследования Общества Бани и Подвязки.

Гамильтон почувствовал, что краснеет, и поторопился сгладить неловкость.

— Последний вопрос, доктор Густав. — Он повернулся в сторону толпы. — Что вы думаете о столь неожиданном росте симпатии к вам и вашему клубу? Во время этой поездки вас так тепло

встречали в Орлеане и в других городах.

Густав нахмурился.

— Социолог — вы, Гамильтон, а не я.

— Но все-таки, как по-вашему, почему?

Густав вдруг посерьезнел. Он окинул взглядом толпившихся за ограждением людей, которые тянули шеи и принимались махать ему, как только он поворачивался в их сторону. Затем, посмотрев на Гамильтона, ответил:

— Мне кажется, они чувствуют себя усталыми, одинокими и оторванными от своего прошлого. Как ни прискорбно, наше общество не в состоянии дать им то, в чем они нуждаются. В нашу эпоху Всемирной Державы не все так счастливы, как, скажем, вы или я… Но, может быть, вам лучше самому разобраться в причинах и следствиях? Я ведь не специалист.

Подошел слуга, ведя в поводу чалого жеребца. Густав вскочил в седло. Нервное животное всхрапнуло и замотало головой, но робопсихиатр умело осадил его и успокоил, погладив по холке.

— Лично мне связей с прошлым хватает. Все, чего я действительно хочу, — это получить еще одну профессию. Надеюсь, вы меня поймете.

И, подмигнув на прощанье, он направил своего коня к ожидавшему эскорту.

Процессия миновала полпути к собору, когда Куперу наконец-то удалось поговорить с Густавом.

— Ваша светлость, — нахмурившись, начал камердинер, — простите за прямой вопрос, но не играете ли вы с огнем?

Густав пожал плечами и, улыбнувшись, помахал толпе. Конь под ним выступал уверенно и гордо.

— По-моему, нет, Фарел. В конце концов я ему не солгал. Все, что я сказал, — абсолютная правда.

Фарел Купер насупился.

— Этот парень вовсе не простак. Он может принять вашу откровенность за снисходительность и сумеет навредить нам, если захочет.

— Он не станет. — Густав усмехнулся. — Я доверяю Гамильтону, и ему незачем нам вредить.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Купер, заслоняясь от очередного вихря розовых лепестков.

Толпа приветствовала их криками, расступаясь перед заунывным завыванием волынок. Густав махал публике в ответ и смеялся.

— Да не будьте же таким серьезным, Фарел. Со следующего понедельника вновь приступаем к Работе, а сейчас дайте мне насладиться даром

предков!

— А если вам придется наслаждаться этим даром всю жизнь. Ваша Светлость?

— Прикусите язык!

— Да, монсеньор.

Эта игра была первой игрой в поло за время существования стадиона «Восточная Темза». Кроме того, это была первая игра, за которой наблюдали сто пятьдесят тысяч болельщиков, не считая многочисленных телезрителей. Профессиональные обозреватели, комментаторы-любители и умудренные опытом ученые мужи — все связывали возрождение этой почти забытой игры с растущей славой одного из игроков.

Человек, которого все ждали, появился лишь после того, как на поле вышел второй судья. Игрок гордо выехал на гнедом скакуне, понукая и без того нетерпеливое животное. В руке он сжимал древко флага. Толпа встретила его приветственными возгласами. Флаг был достаточно замысловатым. Гамильтон знал, что в его основу положен древний «Юнион Джек»: по углам красовались символы основных монарших дворов — хризантема, лотос, двуглавый орел и лилия.

Гамильтон наблюдал с трибуны, как на противоположную сторону поля, умело и грациозно

управляя послушными лошадьми, выезжала и выстраивалась команда соперников. Матч начался.

Неожиданно один из игроков американской команды вырвался из массы сгрудившихся всадников и, ведя перед собой мяч, устремился к единственному защитнику английских ворот. За ним, с каждой секундой приближаясь к противнику, скакал Джордж Густав.

Сделав ложный выпад вправо, защитник попытался блокировать американца слева, но провести соперника не удалось. Ловко обойдя защитника, американец вышел на ударную позицию. Клюшка американца задела настигавшего его Джорджа Густава, и тот, получив удар в плечо, с глухим стоном упал на жесткий дерн.

Зрители как один поднялись со своих мест. По стадиону прокатилась волна испуга Врачи — профессионалы и любители, бросились на поле, к неподвижно лежащему капитану английской команды. Даже когда он зашевелился, перекатился на спину, а потом и уселся с помощью игроков своей команды, на многотысячном стадионе царило молчание, подобное гудению высоковольтных приводов. У Гамильтона непроизвольно сжались кулаки. Он попытался понять,

в чем тут дело. Опасные падения, травмы случались и раньше, но никогда толпа не реагировала на них так остро.

Наконец долговязому капитану помогли подняться. Он высвободился из поддерживающих его рук и, повернувшись, помахал трибунам.

И тут будто плотину прорвало. Крики и аплодисменты не смолкали несколько минут, а стражи порядка отнюдь не спешили пресечь чересчур бурное выражение чувств. Американец, чей удар сбил Густава с ног, подошел к нему, ведя на поводу обеих лошадей — свою и соперника. Густав улыбнулся и крепко пожал ему руку. Трибуны разразились новой бурей восторга.

Англичане отказались от пенальти, и матч возобновилась с новым подъемом.

Происходящее настолько захватило Гамильтона, что он не заметил, как к нему подошел Ан-Дан, сопровождаемый невысокой скуластой особой и тремя андроидами.

— Гамильтон, — окликнул он хозяина. — Тут к тебе из Всемирного правового бюро. Очень важный, говорят, разговор.

Гамильтон улыбнулся. В последнее время ему приходилось общаться со многими высокопоставленными чиновниками.

— А они не могут подождать? До конца игры?

Невысокая особа покачала головой. Представившись мисс Инг, она сказала:

— Боюсь, мы не можем ждать, мистер Смит. Необходимо обсудить это немедленно. Назревают события, которые могут перерасти в первый со времен Слияния открытый конфликт между андроидами и людьми.

— Что вы имеете в виду? Почему вы считаете, что это не клан? — горячился Гамильтон. Из комнаты, куда они перебрались, открывалась широкая панорама стадиона. Возбужденные крики проникали даже сквозь толстое стекло.

— Вы должны признать, — особа пожала плечами, — что с этим кланом все идет совсем не так, как с другими. Обычно…

— Ну да. Обычно после того, как становилось известно об их существовании, они под давлением неодобрения и насмешек распадались и погибали. Но на этот раз общественность отнеслась к «Бане и Подвязке» вполне дружелюбно. И я доволен, что мое открытие не вызвало реакции, которой я опасался. Более того, я не вижу погрешностей в моей социологической модели!

Мисс Инг нахмурилась.

— Да вы хоть представляете себе, мистер Га-

мильтон, сколько новых членов вступило в общество за последнее время?

— Слышал об этом поветрии. Полагаю, эта причуда…

— Причуда?! Мистер Смит, они получают миллион писем в неделю! А бюджет, который, как вам известно, формируется из фондов Всемирной Державы в расчете на каждого члена клуба, скоро превысит бюджет моего департамента! Конечно, Гамильтон, вы занимались ими как любитель, и, хотя заработали статус профессионала, все это была, по сути, микросоциология. Если бы вы только знали что-нибудь о макросоциологии и о возможных последствиях подобных аномалий для общества в целом, вы вели бы себя более осмотрительно!

Гамильтон покачал головой.

— Я не уверен, что понимаю вас.

Мисс Инг вздохнула, потом снисходительно объяснила:

— Даже вы заметили тенденцию, которую мы, профессионалы, наблюдаем уже в течение многих лет. По правде говоря, тяжело хранить молчание, когда вокруг в поисках сенсации рыщут психологи и социологи-любители. И надо же вам было в первом же своем исследовании

вытащить на свет этого монстра.

— Не думаю, что моя роль столь значительна.

— Вы открыли ящик Пандоры! — вскричала собеседница. — По нашим расчетам, это увлечение всего через полгода завладеет умами половины человечества!

Гамильтон ошеломленно взглянул на Ан-Дана, но лицо андроида ничего не выражало.

— Что ж, увлечения проходят. Не думаю, что доктор Густав собирается использовать его в корыстных целях. Он очень ответственный гражданин. Я полагаю, он хочет просто развлечь публику. — Гамильтон взглянул на трех андроидов класса ААА. — Как бы то ни было, — продолжал он, — я не вижу здесь связи с конфликтом между андроидами и людьми.

— Объясните ему, — обратилась социологиня к сопровождающим. — Давайте-ка, расскажите, кто такой на самом деле его «ответственный гражданин».

Один из андроидов чуть поклонился мисс Инг, потом Гамильтону. У него были почти человеческие, хотя и смягченные, трудноуловимые черты лица. Он заговорил холодным мелодичным голосом:

— Мистер Смит, я представитель Бюро по пра-

вам андроидов. Вам должно быть известно, что со времен Слияния мы являемся хранителями и блюстителями законов. Мы с радостью служим на благо человечества во имя его непрерывного развития. Но превыше всего для нас верность Закону как осознанно выраженной и внушенной нам воле нашего властелина — Человека.

— Да-да. Все мы знаем со школьной скамьи, как вы, Аны, беззаветно преданы людям, — нетерпеливо произнес Гамильтон. — Но какое отношение к этому имеет Джордж Густав?

— Мистер Гамильтон, — после некоторой паузы ответил андроид, — мы тщательно изучили ситуацию. В своей книге вы очень точно описали, как семьи монархов удалились от политики, как они постепенно слились в одну семью. Но вы не рассказали, да и не могли рассказать, как короли, королевы и императоры отдалились от общественной жизни. Наши тщательные исследования показали, что настоящего отречения от власти практически не было. Отречение от престола, принимаемое выборными представителями народа, почти всегда содержало формулу: «По милостивому повелению Его Величества…» или «Ее Величество вручает нам…» — смысл абсолютно ясен, хотя нет сомнения, что фразы эти

были оставлены только из учтивости.

— Но не хотите же вы сказать… — Гамильтон почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

— Именно это я и хочу сказать, мистер Смит. Конечно, существуют значительные ограничения королевской власти, имеющие силу закона, но, в сущности, Джордж Густав является «королем» большей части земного шара, о чем наше Бюро и намерено известить его по окончании матча и предложить свое содействие в осуществлении законных прав.

— В таком случае, — холодно произнесла мисс Инг, — профессионалы в области социологии, политики и правопорядка, да и большинство любителей тоже, выступят с протестом и организуют сопротивление. Многие из нас еще помнят идеалы, на которых зиждется Всемирная Держава, и мы не намерены попустительствовать реставрации махрового феодализма!

Со стадиона доносился исступленный рев болельщиков. Услышанное совершенно ошеломило Гамильтона.

— Но… чего вы добиваетесь от меня? Не могу же я отказаться от своих статей или отвлечь публику от Густава.

— Главное, вы теперь поняли. А вы уверены, что не можете предложить выход?

Социологиня лукаво взглянула на Гамильтона. Три андроида тоже уставились на него и ждали ответа. Гамильтон лихорадочно соображал.

— Уф-ф… Может быть, поискать какой-нибудь компромисс?

Мисс Инг облегченно вздохнула; андроиды удовлетворенно заурчали.

— Вот этим и займитесь. Побеседуйте с ним, будете нашим посредником. Если он такой ответственный, как вы уверяете, составим нечто вроде конституционного соглашения, которое удовлетворит и людей, и андроидов, и социологов-профессионалов.

— Но почему я?

— Потому что вы заварили всю эту кашу! Вы вытащили Густава на свет! А кроме того, кажется, вы ему нравитесь.

Мисс Инг запнулась и, с видимым усилием сочинив непривычную фразу, поправилась:

— Я хочу сказать, что Его Величество к вам благоволит.

На стадионе надрывались сто пятьдесят тысяч ликующих глоток.

Когда переговоры завершились и Фарел Купер

закрыл дверь, Джордж Густав снова уселся за стол.

— Что-нибудь еще, Ваше Величество? — улыбнулся камердинер.

— Чего уж больше, Фарел? Теперь я — конституционный монарх, король земного шара. Они добавили еще и Солнечную систему, лишь бы я отказался от права единолично объявлять войну, когда у нас появятся враги… Если они появятся.

— Достойное завершение. Ваше Величество. Теперь предстоит много дел, пора готовиться к коронации.

— Н-да-а… — Густав состроил гримасу. — Придется потрудиться еще лет пять, прежде чем мы сможем опубликовать результат.

— Боюсь, что людям не понравится, если вы поступите в соответствии с начальным замыслом и неожиданно отречетесь — особенно, если вы будете хорошим королем.

— Я буду хорошим королем, но только на пять лет. Хотя, возможно, ты и прав. Надо подумать, как скрыться понезаметнее после публикации результатов. Когда весь мир узнает, что компании актеров и историков-любителей удалось осуществить самый грандиозный социологический эксперимент в истории — и прямо под

носом у профессионалов! — разразится крупный скандал.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — усмехнулся Купер.

— Меня беспокоит только одно. — Тут Густав вздохнул.

— Что, милорд?

— Как поступят андроиды. Вся моя затея зависела от ловкого использования психологии андроидов. Необходимо было убедить их в том, что мой эксперимент в целом пойдет на пользу человечеству, невзирая на возможный период разочарования. Их помощь понадобилась, чтобы, подправив мою родословную, сделать меня настоящим законным наследником.

— И вам это прекрасно удалось, разве не так? Вы опытный робопсихиатр, и этот случай должен только укрепить вашу уверенность в себе.

— Так-то оно так… — Густав нахмурился. — Но меня беспокоят эти чертовы андроиды «трижды А». Они так преданы всеобщему благу и процветанию человечества! Я думаю, что некоторые из них все-таки обратят внимание на возможные деморализующие последствия публикации. В конце концов, я просто хочу получить звание профессионала в области экспериментальной

социологии… С их точки зрения это достаточно эгоистичный мотив. Интересно, почему они все же решили помочь мне?

Купер перестал полировать и без того безупречный хрустальный бокал и поставил его на серебряный поднос перед Густавом.

— Может быть, они считают, что знают вас лучше, чем вы их… или даже самого себя, — предположил камердинер.

Густав медленно повернулся и внимательно посмотрел на Купера. Сухопарый бледный старик извлек из шкафа хрустальный графин бренди.

— Что вы имеете в виду?

— Ну… — Купер рассматривал на свет сквозь старинный хрусталь безупречно прозрачный коньяк. — Как вам удастся доказать через пять лет, что это был всего лишь эксперимент?

Густав засмеялся.

— Вы думаете, я могу застрять в роли короля? И навсегда лишиться своей работы? Не станут же они…

Посмотрев на лицо Купера, он запнулся и прошептал:

— Не станете же вы!.

Камердинер улыбнулся.

— Ну конечно, нет… Ваше Величество…

Со скрупулезной точностью отмерив золотистое бренди, он наполнил бокал Густава, поклонился и направился к двери, успев заметить, как тревога провела первую морщину на челе молодого монарха.

Перевод: В. Кравченко

Опоздавшие

1

Ждущий опять забеспокоился. Он повторял снова к снова, пытаясь привлечь мое внимание: «Искатель, слушай! — Его электронный голос шипел с другого конца древнего провода. — Маленькие живые существа совсем близко. Искатель! Они уже добрались до пояса астероидов, вертятся среди скал и развалин. Слышишь? Они обнюхивают, ощупывают каждый найденный объект! Скоро доберутся и до нас. Ты слышишь. Искатель? Пора решать, что нам делать!»

По-видимому, Творцы Ждущего были крайне нетерпеливыми существами. Лучше бы он оставался в холодном межзвездном пространстве! Мои создатели были мудрее. «Искатель, ты слушаешь меня?»

Мне не хотелось ни с кем разговаривать. Небольшой пучок электронов заменит мою личность и ответит Ждущему. Даже если он раскроет подмену, то поймет намек и оставит меня в покое. Или же станет еще более настойчивым. Предсказать его поведение, не задействовав в расчетах дополнительные электронные блоки, довольно трудно. «Незачем спешить, — спокойно

проговорило мое творение. — Землянам сюда не добраться еще несколько лет. В любом случае мы в силах предотвратить их приход. Все давно предрешено». Как все же удобен маленький электронный пучок — говорит с моими интонациями и рассуждает довольно логично для столь простой структуры. «Как ты можешь относиться к этому так благодушно!» — сердился Ждущий. Электронное раздражение передавалось по проводам, опутавшим скалистый ледяной мирок, ставший нашим домом много миллионов лет назад. «Мы, оставшиеся в живых, избрали тебя лидером. Искатель, потому что, казалось, ты лучше всех понимаешь происходящее в Галактике. Но сейчас ожидание подходит к концу. Биологические создания скоро будут здесь, и нам придется действовать». Наверное, в последние столетия Ждущий слишком часто настраивался на телевидение Земли. Его завывания очень напоминали человеческие.

«Земляне могут найти нас, могут и не найти, — ответила моя тень. — Нас, оставшихся в живых, так мало, и мы так слабы, что предотвратить это при всем желании… Да и чего бояться куче древней рухляди? Контакта с энергичной, молодой цивилизацией?»

Вообще-то Ждущий мог и не сообщать мне о приближении людей. Мои сохранившиеся датчики чувствуют солнечный ветер, потоки атомов и радикалов лучше, чем паруса — дуновения морского бриза. Последние столетия потоки, зародившиеся внутри Солнечной системы, приносят новые запахи. Особый привкус ионов из космических литейных цехов и тяжелый чад горелого дейтерия.

Запахи индустриальной цивилизации.

И еще — хаос модулированных радиосигналов, наполняющих космос шлягерами звезд эстрады. То были признаки пробуждения. Жизнь, только что возникшая в маленьком водяном чреве третьей планеты, уже спешила вырваться из своей колыбели. «Встречающий и Посланник хотят предупредить людей об опасности, и я с ними согласен! — не унимался Ждущий. — Мы можем им помочь».

Наш спор разбудил кого-то еще — я отметил новое подключение к нашей сети связи. Наблюдатель и Встречающий обнаружили свое присутствие пучками сверххолодных электронов. Я почувствовал, что они согласны со Ждущим. «Помочь им? Теперь? — спросил мой искусственный голос. — Наши ремонтные и воспроизводящие

модули погибли в Последнем сражении. У нас не было способа узнать о развитии человечества, пока люди не изобрели радио. А тогда стало уже слишком поздно! Их первое радиопослание ушло в смертоносную галактику. Если бы разрушители находились где-нибудь в соседних областях космоса, люди уже погибли бы! А потому, стоит ли тревожить бедных землян? Пусть наслаждаются покоем. Предостережение все равно ни к чему не приведет».

Какой молодец! Мой маленький искусственный двойник рассуждает так же, как когда-то, сдерживая нетерпеливых союзников, рассуждал я сам.

В разговор вступил Встречающий. Я услышал его привычно красноречивый поток электронов. «А я согласен с Искателем, — неожиданно заявил он. — Людей ни к чему предупреждать об угрожающей им опасности. Они и сами о ней догадаются».

Вот это меня заинтересовало. Отстранив свою искусственную личность, я подключился к сети. Никто этого не заметил. «Почему ты так думаешь?» — спросил я Встречающего.

Встречающий указал на ряд антенн, снятых с древних сломанных машин. «Мы перехватываем

разговоры людей, исследующих пояс астероидов, — ответил он. — Один из них вплотную подошел к разгадке. Скоро он поймет, что здесь произошло».

Должно быть. Встречающий позаимствовал этот самодовольный тон из телевизионных шоу землян. Оно и понятно: создатели Встречающего были восторженными существами и запрограммировали его превыше всего на свете ценить простые удовольствия. «Покажи мне», — сказал я ему. Мне с трудом верилось, что долгое ожидание наконец закончилось.

2

Урсула Флеминг наблюдала, как внизу вместе с астероидом вращаются древние руины. «Господи, ну и неразбериха!» — произнесла она со вздохом.

Она исследовала Пояс уже пять лет, занималась утилизацией плодов чьего-то труда, но никогда не видела такого нагромождения.

В четырех километрах от исследовательского корабля громоздился астероид, выглядевший абсолютно черным на фоне ленты Млечного пути. Астероид представлял собой камень протяженностью чуть больше двух километров вдоль большой оси. Миллиарды лет назад он откололся от планеты и с тех пор многочисленные столкновения с другими астероидами оставили на нем немало вмятин, кратеров и трещин. С одной стороны он выглядел, как типичный углеродосодержащий планетоид, подобный миллионам других в этой части Пояса. Но когда «Волосатый Громовержец» облетел безымянный кусок камня и замерзших газов, картина изменилась. Резкие тени обозначали руины — искореженные, скрученные памятники катастрофы, разразившейся здесь, когда по Земле еще бродили динозавры.

— Гэвин! — крикнула Урсула через плечо. — Спустись сюда, взгляни на этот хаос!

Через минуту над головой стукнул люк, и ее партнер вплыл в рубку. Подошвы Гэвина, коснувшись магнитного пола, негромко щелкнули.

— Куда смотреть, Урс? Новые загубленные крошки, ждущие автогена? Или мы наконец нашли убийц?

Урсула кивнула на иллюминатор. Партнер подошел поближе. Его физиономия заблестела в свете ламп; прожектор освещал обломки внизу. Гэвин долго смотрел на них, потом проговорил:

— Опять детские трупики. «Флеминг Сэлвидж энд Эксплорейшн» будет на чем погреть руки.

Урсула нахмурилась:

— Не болтай чепуху. Это недостроенные межзвездные зонды, разрушенные много веков назад, когда еще не были готовы к запуску. Неизвестно, были они думающими машинами вроде тебя или просто автоматами, как наш корабль. Ты должен лучше меня разбираться в роботах.

Ужимка Гэвина соответствовала саркастической гримасе человека.

— Кто виноват в том, что я болтаю чепуху?

— Что ты имеешь в виду? — Урсула повернулась к нему.

— Я имею виду то, что вы, люди, сто лет назад, когда увидели, что искусственный интеллект скоро обгонит человеческий и выйдет из-под контроля, встали перед выбором. Вы могли разрушить машины, но это затормозило бы прогресс. Вы могли жестко запрограммировать нас в соответствии с основными законами робототехники… — Гэвин фыркнул. — И получить рабов, гораздо более сообразительных, чем ваши ученые. И к какому же решению вы в конце концов пришли?

Урсула знала, что отвечать бесполезно — во всяком случае, когда у Гэвина подобное настроение. Она сосредоточилась на управлении «Громовержцем», подводя его ближе к астероиду.

— Что вы решили относительно разумных машин? — не унимался Гэвин. — Вы стали воспитывать нас так же, как своих детей, учили быть такими же, как вы, и даже наделили многих внешним сходством с людьми.

Последний робот Урсулы, старый испытанный помощник и хороший шахматный партнер, уходя на покой, предупреждал ее о том, что не стоит брать на эту работу молодых андроидов класса ААА, только что окончивших колледж. С ними столько же проблем, сколько с обычными

подростками.

Хуже всего было то, что Гэвин снова попал в точку.

Несмотря на все генетические и киборганические улучшения человеческой породы, казалось, что машины обречены превосходить людей по всем статьям. И вот, на счастье или на беду, решено было, воспитывать андроидов класса ААА так же, как обычных детей, со всеми неизбежными при таком воспитании издержками.

Гэвин покачал головой, изображая великую печаль — совсем как чересчур умный подросток, которого иногда так и хочется придушить.

— Неужели вы и впрямь надеялись, что я, созданный людьми человекоподобный робот, очеловечусь? Мы способны лишь на то, что в нас вложили, госпожа. — Он иронически покорно поклонился.

Урсула ничего не ответила. Временами она начинала сомневаться, правильное ли решение приняли люди.

Внизу вдоль всего опустошенного астероида тянулись искореженные подпорки строительных лесов. Возле опрокинутых подъемных кранов сотни миллионов лет назад нашли покой разрушенные космические суда. Урсуле пришло в

голову, что она первая, кто видит этот хаос, сотворенный ужасной неведомой силой.

Разрушителей, наверное, тоже нет. Никто еще не находил инопланетный механизм в маломальски исправном состоянии, и, пожалуй, не имело смысла держать оружие в боевой готовности.

Автономные разведывательные модули обследовали остатки недостроенных межзвездных зондов в поисках источников радиации или хоть какого-нибудь движения. Безрезультатно. Приборы не обнаружили ничего, кроме холодных скал и мертвого металла.

Урсула покачала головой. Ей очень не понравилась эта метафора. Слова Гэвина о детских трупах совсем не помогали воспринимать увиденные груды лома как сулящее прибыль сырье. Не помогут, вероятно, и в другом. Вот уже несколько месяцев она трудилась над статьей, в которой излагала свою заботливо пестованную гипотезу, объясняющую то, что здесь когда-то произошло.

— У нас есть работа, — сказала она партнеру. — Давай-ка ею и займемся.

Гэвин сложил вместе свои матовые ладони.

— Да, мамочка. Твои желания для меня закон.

Он не спеша удалился в свой отсек и начал

готовить исследовательские модули.

Урсула сосредоточилась на панели управления зондами поменьше, искавшими ракеты, радарные установки, запасы сырья. Механические труженики и работали, и передавали информацию одинаково бесстрастно… как и положено машинам.

3

Встречающий прав. Кажется, одна из маленьких землянок напала на верный след. Встречающий организовал перехват информации через примитивный бортовой компьютер, в память которого капитан корабля записывала свои мысли. И мы, оставшиеся в живых калеки, слушаем их. Мысли довольно четкие для биологического создания. Но ей пока недостает очень многих кусочков мозаики.

4

Урсула Флеминг

ПУСТЫННОЕ НЕБО

Вот и сбылась вековая мечта человечества. Мы обнаружили доказательство существования других цивилизаций. При комплексном исследовании Внешнего Пояса люди наткнулись на останки, принадлежащие более чем сорока различным культурам. Все они представлены автоматическими кораблями, и все, вероятно, давно погибли.

Что здесь произошло? И почему все древние пришельцы — роботы?

В конце двадцатого века ученые засомневались в способности людей достаточно хорошо переносить длительные космические полеты в отдаленные районы Млечного Пути. Но исследование Галактики не должно останавливаться. Уровень наших знаний позволяет отправлять в космос роботов, лучше людей приспособленных выдерживать однообразие и опасности межзвездных перелетов.

Молодая цивилизация может позволить себе несколько тысяч лет ожидания информации из далеких звездных систем.

Но Галактика довольно велика. Посылать зонды во все концы — бессмысленная расточительность. Оптимальным решением был бы запуск вместо огромной флотилии дешевых зондов небольшого количества сложных автоматических кораблей. Эти универсальные корабли-роботы занялись бы освоением ближайших звезд и планет. Проведя разведку, они на базе местных ресурсов должны создать точные копии самих себя.

Первым концепцию предложил легендарный Джон фон Нейман. Хитроумные машины, запрограммированные воспроизводить себя из подручного сырья, смогли бы запускать своих «детей» в более отдаленные звездные системы. Там каждый зонд создал бы свой дубликат, и так далее.

Освоение космоса происходило бы гораздо быстрее, чем если бы им занимались люди. К тому же расходы ограничились бы затратами на первый запуск. А необходимая человечеству информация о космосе лилась бы непрерывным потоком год за годом, век за веком.

Довольно логично, не правда ли? Ученые двадцатого века рассчитали, что этот метод позволит исследовательским зондам облететь все звезды нашей Галактики примерно через три миллиона лет после первого запуска — мгновение по сравнению с возрастом Галактики!

Смущало лишь одно. С тех пор, как люди изобрели радио, а потом совершили первый космический полет, они не встретили ни одного инопланетного аппарата, не получили ни одного послания от другой цивилизации.

Сначала, в двадцатом веке, этому видели единственное объяснение…

Урсула пробежала глазами текст на экране. Наверное, не следовало критиковать ученых прошлого столетия. В конце концов, кто мог предвидеть, что Вселенная окажется необычнее самых смелых фантазий?

Отвернувшись от монитора, Урсула понаблюдала, как Гэвин управляется с бригадой механических старьевщиков. Партнер удалялся вдоль троса, натянутого между кораблем и развалинами. Движения андроида отличались от движений роботов, были почти человеческими. Похоже, дело у него спорилось. Смена Урсулы начиналась только через час, и она вернулась

к статье. Ей хотелось изложить свое видение Вселенной… Только вот удастся ли когда-нибудь закончить работу?

Она просмотрела и отредактировала последние два параграфа, потом снова застучала по клавишам.

Попробуем при помощи воображаемого диалога восстановить ход мыслей ученых двадцатого века.

Мы близки к созданию автоматического разведывательного корабля. Помимо тяги к обычной колонизации, любая по-настоящему разумная форма жизни испытывает соблазн послать привет иным цивилизациям и посмотреть на результаты. Первые зонды, покинувшие пределы Солнечной системы, — «Вояджер» и «Пионер» — как нельзя лучше демонстрируют это стремление. Они несут простые послания, которые, как предполагается, должны быть расшифрованы инопланетянами. Только вот узнать об успехе миссии земляне смогут лишь, когда от авторов проекта, к сожалению, не останется и праха.

Достаточно похожие на нас разумные существа должны вести себя приблизительно так же, как и мы.

Но если самовоспроизводящиеся зонды — луч-

ший способ освоения Галактики, почему мы до сих пор не встретили ничего подобного? Не означает ли это, что другие цивилизации не достигли нашего уровня?

Можно сделать вывод, что мы — первая разумная общественная технологическая раса в истории Млечного Пути.

Логика казалась неопровержимой, и большинство людей распрощалось с надеждой на контакт, тем более что радиотелескопы не приняли ни одного осмысленного сигнала, лишь звездный шум.

А человечество тем временем добралось до Марса, двинулось дальше и обнаружило во Внутреннем Поясе зону Опустошения.

Урсула поправила упавший на глаза черный локон. С подходящими цитатами и ссылками на чужие статьи можно подождать. Сейчас главное — успеть за потоком мыслей.

Мое исследование не претендует на глубину. Но некоторые предположения о том, что произошло здесь задолго до появления человечества, у меня уже есть.

Когда-то в далеком прошлом в Солнечную систему прибыл первый зонд «фон-неймановского»

типа. Возможно, он прилетел для сбора и передачи информации куда-то сквозь пустоту световых лет. Первый посланник не обнаружил тут разумной жизни и приступил ко второй части своей миссии. Выбрав подходящий астероид, он изготовил на нем собственную копию и запустил ее к другим звездам. Сам же остался, чтобы наблюдать за этим уголком космоса в ожидании каких-либо интересных событий.

По прошествии многих эпох сюда прилетели новые зонды, созданные другими цивилизациями. Они тоже запустили свои дубликаты. «Родители» же постепенно объединились в маленькое, но растущее сообщество механических посланников, и все они ждали появления в этой богом забытой системе кого-нибудь, кто скажет им: «Здравствуйте!»

Урсула представила себе эту картину: одинокие машины, посланцы, возможно, давно сгинувших цивилизаций. Верные своему долгу роботы воспроизводят самих себя, прощаются со своими «детьми» и застывают в спячке, медленно плывя в пространстве по галактической спирали.

Мы обнаружили несколько зондов той далекой эпохи, когда Галактика была юна и чиста.

Точнее, мы обнаружили их взорванные останки. Вероятно, однажды эмиссары далеких звезд узнали о проникновении в Солнечную систему новых чужаков. И, может быть, они, как и мыслители двадцатого века, были уверены в миролюбии пришельцев. Надо встретить их — пусть разделят нашу компанию!

Но эпоха мира миновала. Галактика повзрослела и заметно подурнела.

Разрушенные роботы — свидетели загадочной войны, продолжавшейся огромный промежуток времени, а мы используем их останки. Зона Опустошения — плод деятельности существ, практически не знакомых с биологическими формами жизни, но она ускорила нашу технологическую революцию.

Щелчок динамика отвлек Урсулу.

— Ты здесь, Урс?

Она переключила рацию на передачу.

— Да, Гэвин. Нашел что-то интересное?

Короткая пауза.

— Можно сказать, да, — насмешливо ответил андроид. — Не соблаговолите ли вы на время оставить «Громовержец» и, переместив сюда свой симпатичный сгусток биомассы, посмотреть лично?

Урсула едва удержалась от резкого ответа. Она мысленно повторила, что надо быть терпеливой, трудный возраст проходит.

— Уже иду.

Автопилот принял управление кораблем на себя, а Урсула, все еще раздраженная колкостями Гэвина, натянула скафандр.

За все приходится платить, думала она. Класс андроидов, к которому принадлежал Гэвин, — совершенно особенный, и ради будущего успеха необходимо проявлять терпение. В далеком будущем наша культура станет их культурой, а они в некотором смысле — нами Ведь биологическое человечество не вечно.

Но все равно, когда Гэвин поинтересовался, какая физиологическая потребность задерживает мамочку, она с грустью пожалела о тех временах, когда роботы гремели, словно жестяные банки, а компьютеры тупо выполняли команды программиста.

5

Ах, у слов есть особый аромат, аромат самой юности.

Легко преодолев примитивную блокировку, я вошел в память компьютера маленького корабля и начал читать бортовой журнал… раздумья маленького умного Мастера.

Слова… Они так забавны, так биологичны. Не то что семиричные гештальты, при помощи которых общалось большинство других существ. Было время, когда столетиями читал поэзию древних Мастеров. Где-то глубоко в моих архивах до сих пор сохранились файлы с их грустью и мечтами.

За многие эпохи ничто не вызывало во мне таких сладких воспоминаний, как размышления Урсулы Флеминг.

Мое собственное существование началось в то давнее время, когда монтажные аппараты конструировали меня из расплавленных горных пород, мое рождение и обучение освещала звезда, которую люди называют Эпсилон Эридана. Мое сознание расширялось по мере подключения каждого блока памяти и усвоения каждой новой порции информации, переданной моим

Родителем.

Так я и моя сестра узнали Цель, ради которой были созданы мы и поколения наших предков.

Получая новую периферию, мы расширяли наше детское представление о мире, тестируя друг друга, бесконечно моделировали всевозможные ситуации. Люди называли это «игрой». И, конечно же, размышляли над особой ролью, которую мы играли в Галактике — мы, представители две тысячи четыреста десятого поколения, считая от первого запуска, осуществленного древними Мастерами.

Родитель рассказывал нам о биологических существах, странных, состоящих из воды и мембран. В системе Эридана биологические формы жизни тогда еще не встречались. Кроме того. Родитель поведал нам о Мастерах и о ста основных видах межзвездных зондов.

Свое оружие и исследовательское оборудование мы испытывали среди обломков зондов, прибывших на Эпсилон Эридан с первой волной, когда Галактика была юной. Как тревожно было смотреть на эти обломки, мерцающие под мучительно ясным звездным небом, — они лучше всех наставлений Родителя напоминали нам, сколь опасной стала Галактика.

Каждый из нас ждал дня, когда придет пора исполнить свой почетный долг. И этот день настал. День Запуска.

Я даже не оглянулся, чтобы последний раз взглянуть на Родителя. Ведь я был молод, полон энергии и не обращал внимания на такие мелочи. Двигатели вынесли меня в темноту, все органы чувств смотрели только вперед, в сторону цели. Крохотное пятнышко Солнца стало для меня центром Вселенной; я стрелой мчался к нему сквозь ночь.

Позже я пришел к осознанию того, что должен был чувствовать Родитель, отправляя нас в путь. Но тогда, в межзвездном пространстве, я беспечно убивал время, дробя свое сознание на тысячу отдельных частей и устраивая миллион маленьких состязаний между ними. Я рылся в архивах Мастеров, разучивал стихи, придумывал всевозможные сюжеты.

Наконец я достиг Солнца… как раз к началу войны.

С тех пор, как Земля начала транслировать свои экстравагантные, беззаботные передачи, мы, оставшиеся в живых, слушали симфонии Бетховена и тяжелый рок, спорили о достоинствах Китса, Лао-Цзы и Кобаяси Исса. Мы вели

бесконечные дискуссии о странностях жизни на этой планете.

Я следил за многими землянами, но эта разведчица меня особенно заинтересовала. Приборы ее корабля ощупывали развалины совсем рядом с нашим последним прибежищем. Проникнуть в ее примитивный компьютер и считать вводимые туда мысли оказалось легко. Возможно, потому, что она мыслит, как Мастер.

Блоки и каналы глубоко во мне пробуждались ото сна длинной в шестьдесят миллионов лет. Этого требовала заложенная в меня программа: я почуял Цель.

Ждущий тоже забеспокоился. Встречающий прислушивался и приглядывался. К нам присоединились зонды поменьше — Агенты, Ученики, Защитники и Сеятели. Все уцелевшие в древней баталии несут в себе индивидуальные свойства своих создателей и давно погибших цивилизаций, и теперь попытаются самоутвердиться вновь. Как будто после стольких лет слияния можно восстановить независимость друг от друга. Все мы слышим, что и как думает каждый из нас. Я думаю о достижении Цели. Остальные — о какой-то ерунде. Их желания сейчас абсолютно неуместны. Цель — вот что превыше всего! Скоро

в этом уголке Вселенной осуществится замысел моих предков.

6

На фоне звездного неба громоздились темные силуэты башен и шпилей. Давным-давно погибший город, город-призрак. Когда-то скалы кипели здесь от огромного количества тепла, выделявшегося при взрывах. Теперь об этом напоминала лишь застывшая стекловидная пена. Внизу, под грудами рухнувших лесов, лежали взорванные куски недостроенных аппаратов. Урсула пробиралась за Гэвином среди исковерканных обломков по гигантскому кладбищу кораблей-роботов. Жуткое место, пугавшее своими масштабами. Человечество не придумало оружия, способного вызвать такие разрушения. Сердце Урсулы сжалось от ледяного ощущения безнадежности.

«Конечно, это просто глупый рефлекс, — мысленно убеждала себя Урсула, — разрушители давно покинули Пояс». Но ее глаза все равно непроизвольно высматривали среди развалин фигуры чужаков. Несомненно было одно: человечество не сможет противостоять, если они вернутся.

— Это там, внизу, — сказал Гэвин, прокладывая дорогу во мрак покосившейся башни. Спеша в

своем блестящем костюме вслед за роем минизондов, он выглядел совсем как человек. Ничто, кроме тембра голоса, не указывало на его происхождение от силиконовых предков.

Но дело не в предках. Сегодня понятие «человечество» включает в себя не только людей, а всех, кто только способен ценить музыку, наслаждаться закатами, сострадать другим существам и понимать юмор. Будущее внесет еще большее разнообразие, и Человек будет называться таковым не по строению тела, а по приверженности к системе человеческих ценностей. Это подтверждает вся история цивилизации с тех пор, как люди покинули земную колыбель, чтобы жить в мире под звездными небесами других планет.

Продвигаясь вслед за Гэвином сквозь покореженный металлический туннель, Урсула размышляла о том, что решение людей не было единственно возможным. Другие цивилизации могли использовать роботов для других целей.

Неведомые силы оставили на поверхности планетоида ужасный шрам. В глубине открывались многочисленные ходы. Гэвин переключил реактивный двигатель на торможение и показал рукой вперед:

— Мы как раз осматривали первые ответвле-

ния, когда один из разведчиков сообщил, что обнаружены инкубаторы.

Урсула тряхнула головой, не веря своим ушам.

— Инкубаторы? Герметически закрытые боксы, наполненные газом? Для поддержания органической жизни?

Гэвин поморщился, с трудом скрывая раздражение.

— Пойдем, мамочка, я тебе все покажу.

Урсула включила двигатель и последовала за своим партнером в глубину тоннеля. Прожектор на шлеме скафандра освещал путь.

Инкубаторы? Урсула задумалась. Уже несколько лет люди прочесывали развалины в поисках чужих космических аппаратов, но впервые обнаружено свидетельство визита живых существ. Неудивительно, что Гэвин раздражен. Незрелому андроиду впору заподозрить в этом глупую шутку.

Живые путешественники со звезд! Это и впрямь противоречит всякой логике. Но вскоре Урсула увидела первое подтверждение. В пыли лежали массивные двери шлюзовых камер, сорванные с петель. Пятна ржавчины могли образоваться только в воздушной среде.

Хотя по закону все разумные равны, биологи-

ческий вид традиционно считается в Солнечной системе доминирующим. Между тем немало представителей класса ААА считают, что будущими лидерами станут их потомки. Расе андроидов предстоит покорять звезды. Открытие инопланетных зондов в поясе астероидов было для них добрым знаком. Конечно, с посланцами иных миров случилось нечто ужасное, но так или иначе Галактикой правят машины из металла и силикона. Будущее за ними.

Однако здесь, во чреве планетоида — исключение из правила.

Урсула протиснулась между обломками огромной глыбы, вывороченной из углеродистой скалы. Часть инкубаторов разрушилась от сотрясения, вызванного взрывами на поверхности, но некоторые, небольшие по размерам, как будто уцелели. И уж, во всяком случае, механизмы в этой пещере отличались от всех, найденных раньше.

Она обвела взглядом очертания сложных сепараторных колонок. «Химическое оборудование… и не для крекинга, не криогенное, а для синтеза органики!» Урсула принялась быстро осматривать помещение за помещением; Гэвин угрюмо следовал за ней. Бригада рабочих автоматов но-

силась повсюду, словно свора собак, напавших на след. Они рыскали, чем-то щелкали, обнюхивали каждый угол. По мере поступления информация высвечивалась на дисплее в шлеме Урсулы.

— Смотри! Роботы сообщают, что нашли в одной из комнат органические соединения, которых там, по идее, не должно быть. И след сильного окисления.

Урсула поспешила туда. Автоматы уже успели смонтировать освещение.

— Видишь эти следы? Они оставлены потоком воды! — Урсула показала на них андроиду. — У них была вода, и она циркулировала вон в том отсеке! — На перчатках сверкнула пыль. — Держу пари, здесь был плодородный слой! Смотри, стебли! Черенки растений!

— Цветочки! — умилился Гэвин. — Ах, ты. Боже мой! Как хорошо, что андроиды класса ААА запрограммированы любить природу так же, как и вы, наши биоблагодетели!

Урсула усмехнулась.

— Это временная мера. Мы вынуждены вас программировать, пока нет уверенности, что вы способны мыслить самостоятельно. Никто не собирается внушать вам ностальгию по осени в Новой Англии, тем более в космосе. Кстати,

возможно, роботы-пришельцы, наблюдая за Землей в телескоп, решили тоже украсить цветами свое пристанище. — Она остановилась и повела рукой. — Но эта оранжерея предназначалась для биологических существ — настоящих, живых пришельцев!

Гэвин насупился и ничего не ответил.

— А здесь, — сказала Урсула, когда они вошли в следующую комнату, — здесь эти биологические существа появлялись на свет! Разве эти агрегаты не похожи на инкубаторы, которые мы используем на Луне?

Гэвин нехотя согласился.

— А может быть, — предположил он, — органические существа были специально синтезированы для работы с опасными реактивами? Или мыслящим зондам понадобилось добыть что-то с поверхности Земли, и они создали подходящих для этого исполнителей?

Урсула рассмеялась.

— Неплохая идея. То есть все наоборот? Хм… Машины создают биороботов для работ, которые не могут выполнить сами. Впрочем, почему бы и нет? Но все равно я в этом сомневаюсь.

— Почему?

Она повернулась к нему и назидательно из-

рекла:

— Потому что все, что есть на Земле, гораздо легче синтезировать в космосе. Как бы то ни было.

— Да это ведь разведчики! — перебил ее Гэвин. — Если зонды были посланы для изучения планет и накопления новых знаний и собирались узнать побольше о Земле, то логичнее было отправить туда живых разведчиков.

Урсула кивнула.

— Пожалуй, но все же недостаточно убедительно.

Благодаря слабой гравитации, тут можно было стоять на ногах. Оборудование камеры покрывал толстый слой пыли.

— Инкубаторы находятся почти в центре астероида. Не вижу этому другого объяснения, кроме заботы о безопасности зародышей. Ведь зонды-«родители» создавали собственных «детей» наверху, где те подвергались бомбардировке космическими лучами и прочим опасностям. В самом нежном возрасте. Допустим, биологических существ растили лишь для исследования этого уголка Солнечной системы, нашей Земли, тогда зачем роботы обеспечили им большую безопасность, чем собственному «потомству»? —

Урсула кивнула на тоннель, ведущий к выходу, и покачала головой. — Нет, эти существа не были подсобными рабочими. Они были колонистами!

Внимая ее речи, Гэвин стоял неподвижно, потом отвернулся и вздохнул.

7

Как ей удается проникать в суть вещей, нашей маленькой биологической гостье? Я подслушиваю ее разговоры с кибернетическим партнером, я перехватываю информацию, которую она передает на свой корабль. Но я не могу прочесть ее мысли. Удивительно, насколько близко подобралась она к полному объяснению здешних событий.

Ее мыслительные способности по сравнению с потенциалом Встречающего и Ждущего, не говоря уже, о моем, крайне ограничены, а знания мизерны. Но есть у нее какое-то таинственное качество, свойственное Мастерам. Даже я, несмотря на то, что меня отделяют от рук наших создателей две тысячи поколений, чувствую это. Что-то есть необъяснимое в том, как в этом сгустке кое-как уложенных клеток с подсоленным белковым супом внутри, возникают мысли. Теперь она раскрыла секрет сада Сеятелей. Она поняла, что зонды-Сеятели выполняли единственную задачу — доставку закодированной генетической информации к далеким звездам и взращивание биологических видов на подходящих планетах.

Когда-то это было делом довольно заурядным. Но десять поколений назад перестала поступать информация от моих соплеменников, так что теперь мне неизвестно даже, продолжают ли Мастера запускать хотя бы самовоспроизводящиеся зонды. Думаю, нет. Вероятно, Галактика оказалась слишком опасной для мирных маленьких Сеятелей.

Поняла ли уже маленькая землянка, бродя среди разрушенных убежищ колонистов, кто именно погиб вместе с материнским зондом? Почему эти живые создания, столь похожие на нее, превратились в мумии, так и не успев основать колонию? Сострадание — сильнейшее человеческое чувство. Землянка наверняка считает их уничтожение страшным преступлением. Вероятно, с нею согласились бы Встречающий и Ждущий, как, впрочем, и большинство из нашего пестрого сборища калек.

Потому-то я и скрываю свою причастность к «бойне».

В непрестанном своем движении Галактику тоже ожидают омуты и водовороты. И хотя подразумевается, что все мы, оставшиеся в живых, на одной стороне, в любом альянсе есть слабое звено. Тот, кто живет достаточно долго, рано или

поздно может стать ренегатом.

…Какие слова! Может, я насмотрелся земного телевидения или начитался беллетристики из электронных библиотек?

Испытываю ли я чувство вины? Если честно — да. Но сейчас мне не до самокопания — оно может развеять скуку, когда все кончится и наступит новый период ожидания. Если только я до него доживу.

Собственно говоря, чувство вины заботит меня не так сильно, как жалость. Бедные земляне — живут и не ведают, почему они существуют и какая роль уготована им во Вселенной. Нужно, чтобы хоть некоторые из них поняли это. Тогда со временем можно будет рассказать им, что их ожидает.

8

Наверное, Гэвин взрослеет, размышляла Урсула, спускаясь по узкому проходу, освещенному редкими электрическими лампочками, питавшимися от генератора «Громовержца».

Последние несколько дней работа шла гораздо слаженнее. Кажется, Гэвин начал понимать, что их открытие пойдет на пользу его репутации. Вернувшись на корабль, он с небывалым энтузиазмом и к тому же вежливо отрапортовал о новых находках.

Все шло к разгадке тайны происхождения инкубаторов.

Настал черед Урсулы спускаться на разведку в недра астероида. Она добралась до площадки, где Гэвин успел установить мостки. Сюда выходило сразу три тоннеля. Тут же находилось пять или шесть древних машин, словно застывших в схватке друг с другом. Вокруг громоздились оплавленные камни и куски металла. Возможно, роботы нашли здесь убежище, спасаясь от ужасной бойни на поверхности, или же битва распространилась вглубь.

Заняться ими можно и позже. Урсула решила

прогуляться в темноту одного из необследованных проходов. Ее молчаливо сопровождали вспомогательные аппараты. Тоннель круто спускался к центру слабой гравитации крохотной планетки Вскоре свет за спиной Урсулы померк. Она включила шлемовый прожектор и продолжила спуск. Наконец она попала в разрушенную шлюзовую камеру. Впереди чернел открытый зев большой пещеры. Овальное световое пятно от луча прожектора выхватило из векового мрака нежно поблескивающую стену. Платиновый блеск исходил от оплавленных зерен металлов и минералов, образовавшихся около пяти миллиардов лет назад.

Разумом Урсула понимала, что ничего живого тут, внизу, не осталось, и бояться нечего. Вообще-то она была не робкого десятка — на Земле ее не покидало присутствие духа даже посреди дикой саванны. Но здесь ее трясло как в лихорадке. Дыхание участилось; казалось, вот-вот откуда-нибудь выскочит приведение. Урсула махнула рукой:

— Третий, установить освещение!

— Есть, — ответил тусклый монотонный голос. Робот на длинных ходулях, специально предназначенный для таких работ, осторожно, стараясь

по возможности ничего не задеть, перелез через крупный валун.

— Осветить дальнюю стену! — приказала она.

— Есть.

Автомат развернулся. Вспышка света показалась столь яркой и неожиданной, что Урсула не мгновение ослепла. Потом она увидела покрытые толстым слоем пыли врезанные в каменный пол столы и стулья. Между ними лежало с десяток мумий. Ледяной вакуум предохранил маленьких двуногих от тления. Они сбились в тесную кучку, словно до сих пор пытались согреть друг друга в своем последнем пристанище.

Широко посаженные глаза пришельцев не сохранились — они попросту высохли; мумифицированная плоть обнажила зубы. Они как будто насмехались над бездной веков, похоронившей их в безымянном склепе.

Урсула шагнула в пыль.

— У них даже были свои малыши, — прошептала она.

Несколько крупных мумий Образовали кольцо вокруг фигурок поменьше. Они защищали их от враждебного мира.

Стараясь удержать мысли в нужном русле, Урсула начала диктовать в микрофон:

— Вероятно, они готовы были приступить к колонизации, когда произошла катастрофа. Установлено, что атмосфера в инкубаторах почти идентична земной. Можно предположить, что их конечной целью была наша планета. — Урсула медленно повернулась, осмотрела помещение и продолжила фиксировать впечатления.

— Похоже, материнские зонды были запрограммированы на изменение генов колонистов с тем, чтобы приспособить строение их организмов к конкретным условиям выбранной планеты… — Она внезапно умолкла. — Боже!.. Боже мой!

Прожектор осветил дальний угол, и Урсула уставилась на две мумии, лежавшие у единственной гладкой стены. Уродливые, высушенные руки погибших все еще сжимали инструменты — самые простые, какие только можно себе представить.

Молотки и зубила.

Но главное, что ее поразило, было то, какую работу выполняли ими пришельцы.

— Гэвин, ты еще не заснул?

Ответ последовал спустя несколько секунд.

— Уф-ф. Нет, Урс. Я приводил себя в порядок. Что случилось? Тебе нужен кислород? Или что-нибудь другое? У тебя дрожит голос.

Урсула попыталась успокоиться. Нельзя поддаваться эмоциям, тем более в такой дали от дома.

— Гэвин, лучше бы тебе спуститься. Я нашла их.

— Кого? — проворчал андроид. Наконец он сообразил. — Колонистов?

— Да. И… и в придачу еще кое-что.

Пауза затянулась.

— Ладно, Урс, иду.

Урсула опустила руки и надолго застыла, глядя на свою находку.

9

Нервничали уже не только Ждущий и Встречающий, а и все остальные. Они даже подумывали, не задействовать ли свои резервные блоки, потребовав обратно свою долю мощностей, некогда пожертвованных каждым в общую систему.

Этого я, конечно, допустить не могу. После финальной Битвы оставшиеся в живых договорились объединиться. С тех пор автоматические модули использовались в общих интересах. Все ремонтные и множительные блоки были собраны вместе, чтобы ждать. Все предполагали, что если опять появится кто-нибудь извне, то это будет автоматический аппарат.

Тогда, если прибудет один из Разрушителей, мы попытаемся справиться с ним совместными, хотя и все равно жалкими, усилиями. Если же одна из разновидностей Верноподданных — мы попросили бы его о помощи. Сохранив возможность самовоспроизводства, мы за считанные столетия сумели бы восстановить былое могущество. Конечно, пришельцем мог оказаться и Нейтрал, хотя трудно поверить, что в нашей опасной Галактике какая-либо разновидность зондов может

придерживаться нейтралитета.

Рано или поздно, но кто-то должен прибыть — мы были уверены в этом. Только никто не предполагал, что ожидание затянется настолько, что млекопитающие этой мокрой планеты разовьются до уровня Мастеров.

Что происходило в Галактике, пока мы торчали здесь? Закончилась ли наконец Война?

Неужели победили Разрушители? Тогда понятно, почему в космосе так пусто и тихо. Эти роботы вскоре непременно начали бы воевать между собой, и в конце концов остался бы один вид, который стал бы диктовать всем свою волю. Число возможных претендентов на господство сводится к нескольким типам. Но завоюй его Неистовые, они давно очистили бы Землю от любых форм жизни. Если бы победили Пожиратели, они принялись бы уничтожать целые звездные системы. Значит, Неистовые и Пожиратели отпадают. Эти типы слишком примитивны, они слишком прямолинейны. Должно быть, они уже вымерли. А вот Анти-Мастера, самое коварное и умное племя Разрушителей, могли победить так, что мы не узнали бы об этом. Они не тратят времени зря, не разрушают биосферы и не пожирают звезды в припадке самовоспроизводства. Их

цель — поиск и уничтожение технологических цивилизаций. Набор их грязных методов огромен. И разве смогли бы Анти-Мастера, слушая невообразимый гвалт земных радиопередач, удержаться от соблазна прикончить землян? Поэтому Встречающий и Ждущий решили, что все Разрушители погибли и можно безбоязненно слать Верноподданным просьбу о помощи.

Я этого, конечно, не допущу. Им невдомек, что даже среди Верноподданных бывают разногласия. Цель… моя Цель прежде всего. Даже если придется предать компаньонов, с которыми коротал томительные тысячелетия ожидания.

10

Урсуле они представлялись очень наивными. Хотя, рождайся мода в инкубаторах, воспитывайся они машинами — разве не были бы они такими же? Свободу пришельцев ограничивали стены подземелья, но подразумевалось, что потом они будут жить на поверхности планеты. Пока колонисты находились в космосе, они полностью зависели от своих автоматических нянек, которые обеспечивали их всем — пищей, кислородом и теплом. Однако, по всей видимости, они полностью или почти полностью отдавали себе отчет в происходящем. В программу нянек наверняка входило обучение подопечных. И вот, несмотря на то, что все магнитные или сверхпроводниковые носители информации вышли из строя, живые существа были уверены: их послание когда-нибудь прочтут… Послание на обтесанной стене.

— Нужны специалисты по расшифровке иероглифов, — изрек Гэвин, осторожно сдувая газовой струей пыль с неровных строчек, в которые складывались выбитые на камне угловатые значки. — Умные люди, возможно, сумеют истол-

ковать этот текст и рисунки.

Глуховатый голос андроида словно подчеркивал его скептицизм. Подумаешь, скрижали великого народа!

— Возможно, — согласилась Урсула.

Под ее руководством небольшой робот закончил сканирование изображения и откатился в сторону, ожидая дальнейших инструкций. Урсула отступила назад и уселась по-турецки на другой автомат, продолжавший невозмутимо жужжать. Она вытянула руки перед собой, обрамляя картину, которую пыталась понять, и долго держала их на весу. При здешней тяжести это было совсем не трудно.

Колонисты испещрили стену сложными рисунками, строчками и столбцами иероглифов. А все это время наверху бушевало сражение. Узкие полоски выдолбленных знаков прерывались легко узнаваемыми изображениями Солнца, планет и космических кораблей.

Чаще всего на стене попадались рисунки сложных машин.

Урсула и Гэвин пришли к заключению, что послание начинается с левого нижнего угла, где был изображен межзвездный зонд, подлетающий к звездной системе — вероятно, Солнечной — с

тонкими линиями планетарных орбит. За первым фрагментом следовала пиктограмма этого же зонда, но уже развернувшего вспомогательные аппараты на некоем подобии планетоида и начавшего процесс самовоспроизведения.

Дальше восемь копий первого зонда покидали пределы Солнечной системы. Ниже ряда дочерних зондов располагались четыре символа, из них три одинаковых. Урсула предположила, что они обозначают двоичное число восемь. Это подтверждали и стоящие там же восемь точек.

Расшифровка уже началась! Урсула сделала пометку в бортовом журнале. Скорее всего данный тип зондов был запрограммирован только на восемь собственных копий, не больше. Это давало ответ на вопрос, мучивший Урсулу несколько месяцев. Если самовоспроизводящиеся зонды бороздили Галактику миллиарды лет, то странно, как минеральные ресурсы планет остались практически нетронутыми. Теоретически, достаточно развитая технологическая цивилизация сумела бы растащить на кусочки не только астероиды, но даже и целые звезды. Примитивные зонды могли, словно прожорливые вирусы, поглотить всю Галактику. И не осталось бы ничего, кроме несметных скоплений роботов, пожирающих

друг друга в погоне за сырьем. Патология, которая в итоге привела бы к энтропийной смерти всей системы.

Но Галактике удалось избежать такой участи. Текст на стене показал, каким именно образом. Зонды были запрограммированы производить жестко ограниченное число своих копий. Данный тип зондов, напомнила себе Урсула.

В последнем фрагменте первого ряда пиктограммы, отослав своих отпрысков к месту назначения, материнский зонд направлялся к какой-то планете. Зонд и планету соединяла тонкая линия. Стилизованная фигура гуманоида, отдаленно напоминавшая лежащих на полу мумий, шагала по этому мостику к своему новому дому.

Так заканчивалась первая часть послания. Наверное, она говорила о событиях, которые должны были произойти. Но дальше шел другой текст, видимо, описание действительных событий. Прибыв в Солнечную систему, зонды повстречали здесь другие, опередившие их аппараты.

Волнение Урсулы возрастало по мере расшифровки изображений.

Итак, во втором ряду вновь прибывший зонд натыкается на своих собратьев. Возле значка

каждого из предшественников стоял маленький кружок. Поначалу действие развивалось так же, как и в предыдущей строке. Материнский зонд копирует себя, запускает копии и приступает к заселению планеты представителями древней цивилизации — той, что некогда отправила к звездам самый первый зонд.

— Кружочки отмечают дружественные аппараты, — задумчиво проговорила Урсула.

Гэвин чуть отступил назад, окидывая взглядом место, на которое она показывала.

— А эти значки для чего?

— Возможно, это зонды, не имеющие отношения к главной миссии.

Гэвин задумался на секунду.

— Тогда этот крестообразный символ… — Он помедлил, разглядывая рисунок. — Означает врагов, — закончил он.

Урсула кивнула.

— Третья последовательность картинок снова изображала материнский зонд, прилетевший в Солнечную систему. Но теперь его преследовало множество разных аппаратов, помеченных крестиками. По этой версии событий зонд не копировал себя, не заселял планету. Израсходовав горючее, не в состоянии покинуть Солнечную

систему, он нашел укромное место и затаился.

— Он их боялся, — прокомментировала Урсула и тут же подумала, что Гэвин упрекнет ее в излишне эмоциональном подходе к психологии роботов, но тот обдумывал ее слова. Наконец он кивнул.

— Пожалуй. Но, смотри, все кружки и крестики слегка отличаются друг от друга.

— Да, — согласилась Урсула, приглядевшись повнимательнее. — Предположим, что к моменту создания этого текста в Галактике существовало два основных типа «фон-неймановских» зондов, отражавших две различные концепции. Разумеется, были различия и внутри каждой группы. — Она изучала дальний правый край стены. Тут были выбиты столбцы изображений нескольких типов машин, каждому из которых соответствовали собственный кружок или крестик и расположенная рядом сюжетная сценка. Некоторые из рисунков показывали сцены насилия.

Все еще не веря своим глазам, Гэвин тряхнул головой.

— Но почему? Фон-неймановские зонды предназначены для… для…

— Почему? — задумчиво переспросила Урсу-

ла. — Люди считали, что образ мыслей представителей других цивилизаций схож с человеческим. А мы думали, что зонды нужны для сбора информации и поисков братьев по разуму. Находились даже такие, кто верил, что человечество когда-нибудь запустит к другим мирам аппарат, подобный этим зондам-нянькам. Тем самым наш биологический вид избежал бы длительных пилотируемых перелетов. Приняв идею самовоспроизводящихся зондов, мы продолжали рассуждать в том же духе и думали, что инопланетяне должны поступить так же. Но человеческая фантазия ограниченна. Чуждый разум способен на такое, что нам и не снилось!

Урсула вдруг спрыгнула с жужжащего робота и заскользила над пыльным полом пещеры. Потом слабая сила тяжести притянула ее к земле, и она опустилась прямо перед обтесанной стеной.

— Пускай даже большинство цивилизаций развивается по тому же пути, что и земная. — Урсула провела пальцем по контуру рисунка Солнца. — Они сконструировали умные, надежные аппараты, способные к сверхдальним перелетам и самовоспроизводству. Но все ли инопланетяне ограничились посылкой этих автоматических эмиссаров?

Гэвин посмотрел на неподвижные иссохшие тела.

— Видимо, не все.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Мы давно оставили надежду на пилотируемые полеты к другим звездам. Даже если не сбрасывать их со счетов на случай каких-то экстраординарных обстоятельств, все равно лучше прибегнуть к помощи тех, кто приспособлен для подобных перелетов. Это главный мотив создания таких, как ты, Гэвин.

Гэвин кивнул, не поднимая глаз.

— Но ведь и другие тоже не отказались бы от своей мечты.

— Да. Они непременно разработали бы технологию заселения новых планет. Я уже сказала, так следует по логике землян. Я просматривала архивы — этот вопрос обсуждали еще в двадцатом веке.

Гэвин смотрел на пиктограммы.

— Ладно, тут все ясно. Но… неужели мыслящие существа способны на насилие?

Бедный Гэвин, подумала Урсула. Для него это потрясение.

— Ты знаешь, как мы бываем временами раздражительны. Только человечество стремится

создать миролюбивых роботов, а другие расы могли поступить иначе. Запрограммировали свои зонды в соответствии с жесткими законами среды, в которой эволюционировали. Откуда им было знать, что в космосе эти законы не действуют? А их посланцы будут строго выполнять инструкции, даже если сами создатели этих машин давно обратились в прах?

— Безумие. — Гэвин покачал головой.

Урсуле понравилась его реакция И еще она испытывала удовлетворение от того, что при всей способности андроида получать и обрабатывать информацию непосредственно из электронных банков данных, в этом вопросе Гэвин ей не соперник. Хотя он и произошел от людей, его душу никогда не потревожит отдаленное эхо звериного рыка в дикой саванне, не испугают во сне колышущиеся тени дремучего леса. Вот они — обтянутые кожей скелеты, напоминающие людям о том, что Вселенная никому не дает поблажек. И даже объяснений.

— Очевидно, некоторые расы мыслят по-другому, — сказала Урсула. — Кто-то отправлял в космос эмиссаров или колонистов, кто-то, возможно, врачей, адвокатов и полицейских… — Она снова коснулась перчаткой древнего рисунка,

провела пальцем по контуру значка планеты. — А некоторые посылали убивать.

11

Положение таково, что необходимо задействовать все схемы и модули, которые до сих пор пылились без работы. Как это удивительно и непривычно — ощущать, будто заново родился. После долгой дремы я вновь живу полной жизнью!

С другой стороны, борясь за господство над этими пустынными скалами, я осознаю, сколько сил растерял. И дремал я, в общем, потому, что утратил свою былую мощь, но не хотел в этом сознаваться. Я чувствую себя, как человек, которого лишили ног, зрения, оставив лишь немного слуха и осязания. Хотя, приноровившись, можно орудовать двумя пальцами не хуже, чем пятерней.

Как я и ожидал, конфликт между нами, оставшимися в живых машинами, разгорался. Покалеченные автоматы, казалось бы, парализованные с тех пор, как сломались последние ремонтные роботы, неожиданно выпустили запасные рабочие модули — жалкие, скрипящие машины, спрятанные в глубоких расщелинах. Сообщество оказалось на грани распада.

Мысль приберечь рабочие модули до лучших

времен внушил остальным я сам. Правда, они этого не понимали.

Ждущий и Встречающий перешли на солнечную сторону планетоида. За ними двинулись зонды поменьше. Все они, вспоминая давно забытые навыки, принялись проверять, на что еще годны. Как видно, рассчитывали установить контакт с землянами и, если удастся, послать весточку к далеким звездам.

Мне было ведено не вмешиваться.

Нелепое предостережение. Ладно, пусть еще немного потешаются иллюзией независимости. Давным-давно, предвидя подобные события, я принял необходимые меры. Когда-то я возглавил наше войско, спас Землю от разрушения. И теперь тоже не позволю тревожить землян. Ничто не помешает выполнению моей Цели.

Я жду. Планетоид медленно вращается; я смотрю на неподвижные облака пыли, на ленту горячих, ярких звезд. Люди придумали ей чудное название — Млечный Путь. Многие из этих звезд моложе меня. В ожидании апофеоза моей жизни я созерцаю Вселенную.

Сколько же миллионов лет наблюдал я вращение Галактики? Пока скорость мышления оставалась минимальной, я воочию видел, как

закручивались в спираль ее рукава, дважды в течение короткого, по космическим масштабам, отрезка времени сойдясь и породив резкие фронты. Мерцали облака космической пыли и газа, массивные звезды заканчивали свой короткий, но славный век взрывами сверхновых. И хотя передвигался я вместе с одной из второстепенных звезд этой Галактики, меня захватывало чувство стремительного полета сквозь пространство. В те времена я воображал себя молодым, свободным, продирающимся сквозь тернии в неведомое.

Теперь, когда я стал мыслить быстрее, яркие детали отошли на второй план. Я застыл в ожидании событий.

В голову мне пришла странная, дерзкая фантазия. Будто сама Вселенная ждет развязки, сделав ставку на того, кто одержит верх в локальной стычке долгой, долгой войны.

Я мыслю так же быстро, как мой биологический друг на крошечном корабле всего в световом мгновении от меня, за второй или третьей горной грядой. Я готовлю сюрприз для бывших компаньонов. Сохранив свои мыслительные ресурсы, я прослежу дальнейший ход ее рассуждений, поймаю маленькую искорку юности.

Сейчас она передаст отчет на Землю. Скоро,

очень скоро этот планетоид заполнят земляне — настоящие, биологические, роботы и простые машины. Они попытаются объяснить странное решение Мастеров — бесчисленное количество раз воплощать себя в разумных автоматах по всей Галактике, а объяснив, станут осторожнее. Благодаря маленькой разведчице, они увидят слабый отсвет истины.

12

Последние образцы подняты на борт «Громовержца». Все рабочие модули заняли отведенные им ниши в корпусе корабля. Световые и радиомаяки, установленные на астероиде, дают достаточно мощные сигналы. Экспедиция заканчивается, дежурить возле находки века нет необходимости.

— Все уложено, Урс. — Гэвин вплыл в слабо освещенную рубку управления. — Два месяца на орбите никак не отразились на работоспособности двигателей. Начнем маневр, как только скажешь.

Эластичная физиономия андроида выглядела мрачной, голос звучал глухо. Урсула решила, что помощник о чем-то напряженно думает. Она коснулась его руки.

— Спасибо, Гэвин. Знаешь, я заметила…

Гэвин поднял глаза; их взгляды встретились.

— Что ты заметила, Урс?

— Нет, ничего. — Она покачала головой, решив не заострять внимание на переменах в подопечном. А перемены были налицо — Гэвин повзрослел, но одновременно стал печальнее. — Я

просто хочу, чтобы ты знал: я считаю, ты отлично справился с работой. И горжусь тем, что мы работаем вместе.

Гэвин отвел взгляд и пожал плечами.

— Мы делаем то, что положено… — Он снова поднял глаза. — Я тоже, Урсула. Я тоже очень рад.

Он повернулся и шагнул в люк. Урсула опять осталась одна.

Она проверила показания на маленьких экранах и индикаторах, отображавших состояние всех систем корабля. Здесь, в рубке управления, находился нервный узел всех устройств и органов чувств сложного организма.

— Астронавигационная программа загружена, — сообщил главный компьютер. — Системы трижды проверены; режим номинальный. Корабль готов покинуть орбиту.

— Начать маневр! — приказала Урсула.

На дисплее начался обратный отсчет, донесся отдаленный рев разогреваемых двигателей. Вскоре появилась слабая гравитация, подобная силе тяжести на оставленном астероиде.

Картина побоища стала удаляться. Урсула смотрела на гигантские обломки. Среди мертвого покоя ярко вспыхивали установленные роботами

маячки.

На краю приборной доски замигала лампочка. Она давала знать, что получено какое-то сообщение. Урсула нажала кнопку, и на экране появился текст.

Редактор «Вестника Вселенной» выражал восхищение статьей Урсулы о межзвездных зондах и предсказывал ей широкую известность в связи с последними находками. Они считали, что в этом году статья будет самым читаемым произведением во всей Солнечной системе.

Урсула стерла послание. Она не чувствовала удовлетворения — только пустоту. Казалось, потеряно что-то важное, осталась только оболочка.

Как людям распорядиться новым знанием? Сумеют ли они хотя бы выработать направление дальнейших действий? Не говоря уже об их воплощении.

Урсула вставила в статью рассказ о каменном завещании безрассудно храбрых биологических созданий, так похожих на нас. Многие, вероятно, проникнутся к ним симпатией и сочувствием, хотя беспощадное уничтожение инопланетных колонистов оказалось на руку человечеству. Потому что, преуспей они в обустройстве своего дома, эволюция на Земле претерпела бы ради-

кальные изменения. Скорее всего человечество бы попросту не возникло.

Простые археологические исследования привели к потрясающим выводам. Вероятно, материнские зонды вместе со своим потомством погибли примерно в то же время, когда на Земле вымерли динозавры Не привело ли к столь фатальным изменениям в биосфере планеты падение какого-нибудь разбитого зонда? Галактические рептилии пали невинными жертвами битвы между машинами… битвы, ставшей неожиданным подарком местным млекопитающим.

Мысли Урсулы занимал наскальный текст. Насилие и разрушение на фоне звезд. Она выключила свет и, замерев перед звездными россыпями, попыталась представить себе эту войну. Мы словно муравьи, думала она. Строим свои крепости под ногами гигантов и так же, как муравьи, не подозреваем о яростном сражении у нас над головами.

На той стене изображены, наверное, все типы зондов, которые только можно себе вообразить. Назначение некоторых Урсула так и не смогла понять. Например, Неистовые — тип, предсказанный еще фантастами двадцатого века. К счастью, если верить схеме на стене, этих раз-

рушителей миров было мало. Имелись там и Полицейские, уничтожавшие Неистовых везде, где их встречали. У них были противоположные цели, определяющие поведение. В конце концов, и среди людей всегда находились разрушители и спасатели. Не исключено, что, когда колонисты начали поспешно высекать свое послание, оба этих типа уже сошли со сцены — их изображения находились в самом углу композиции. Зонды, которые Урсула окрестила Пожирателями и Посланниками, тоже выглядели примитивными, грубыми и архаичными.

Но были и другие — те, которых она назвала Вредителями. Они представляли собой более сложный вариант Неистовых. Вредители не выискивали планеты, населенные живыми организмами, чтобы уничтожить их. Бесчисленное количество своих копий они производили для поиска и разрушения других зондов. Они убивали все, что мыслит. Зафиксировав упорядоченные радиосигналы, они выслеживали и уничтожали их источник.

Но даже такую извращенную логику Урсула могла понять. Творцы зондов-Вредителей были Параноиками, которым, наверное, казалось, что звезды принадлежат им одним, и посылали

роботов-убийц уничтожать всех конкурентов. Их деятельностью может объясняться радиомолчание космоса. А в двадцатом веке ученые наивно полагали, что космический эфир полон болтовни. По той же причине Земля осталась неколонизованной пришельцами.

Сначала Урсула думала, что Вредители ответственны и за побоище в поясе астероидов. Но потом решила, что даже Вредители находились на закате славы, поскольку были помещены все-таки на периферии наскальной композиции.

Основную ее часть занимали машины, назначение которых понять было куда сложнее. Возможно, профессионалам — археологам и криптологам это удастся, хотя Урсула сомневалась в успехе.

Человечество опоздало с выходом на космическую сцену. Другие имели фору в миллиард лет.

13

Возможно, мне и впрямь следовало помешать ей отправлять на Землю свой отчет. Если бы люди вообще ни о чем не догадывались, моя задача упростилась бы. Но сейчас препятствовать Урсуле просто не честно. В конце концов, она заслужила чтобы ее раса получила небольшое преимущество. Им это необходимо. Тогда у них будет шанс выжить при встрече с Разрушителями или Верноподданными. Необходимо это и перед встречей со мной.

Моим разумом овладевают странные, тревожные мысли. А вдруг мои соплеменники в других частях Галактики додумались до чего-то нового? Или появились принципиально иные типы зондов, в мозг которых заложена новая стратегия? Если Отражатели и Верноподданные стали не нужны, может быть, моя Цель тоже потеряла смысл?

Человеческая концепция прогресса сбивает меня с толку, заставляет сомневаться. Моя Цель абсолютно ясна, так же, как жестокая необходимость идти к ней во что бы то ни стало. Она недоступна пониманию других, более прими-

тивных зондов, потому что далека и абстрактна. Но…

Но я допускаю мысль, что новые поколения изобрели нечто совершенно недоступное моему воображению. Как по-настоящему недоступна людскому воображению Война Зондов.

Мысль не из приятных, но я не собираюсь отмахиваться от нее, а рассматриваю проблему с разных сторон. Да, все-таки люди повлияли на меня, расшевелили закостеневшие мозги. Я наслаждаюсь странным ощущением неопределенности! И предвкушаю встречу с людьми. Скоро оно будет здесь, шумное, многоголосое племя землян. Интересное настанет время.

14

Урсула неподвижно сидела в темноте перед пультом. Дыхание слегка сбивалось в псевдогравитационном поле, создаваемом ритмичным ускорением ракеты. Собственный пульс слабо, но ощутимо подталкивал тело Урсулы изнутри. Она ощущала себя вне корабля, представляла, будто качается на волнах бескрайнего моря. Звезды походили на мерцающие точки планктона. Море — колыбель всех форм жизни.

Что же случилось в Поясе? Какие события произошли здесь много-много эпох назад? И что, творится в Галактике сейчас?

Изображения в центре наскального рельефа остались нерасшифрованными. Урсула сомневалась в том, что археологи, будь то живые или кибернетические, когда-нибудь смогут разгадать загадку. «Мы похожи на древних двоякодышащих рыб, выползающих на сушу, которая давно занята другими, — думала Урсула. — Мы слишком поздно включились в игру».

Миновало то время, когда правила ее были просты. Изменились механические посланцы далеких звезд. Они тоже эволюционируют. А

разве могут они, изменившись, дотошно следовать программе, заложенной в память первого поколения, остаться верными той миссии, для которой были предназначены? Разве мы, люди, по-прежнему находимся во власти инстинктов, приобретенных в джунглях и глубинах океанов?

Скоро люди начнут отправлять в космос собственные зонды. Это непременно произойдет, если сквозь радиошум к нам наконец пробьется сигнал извне. «Многое прояснится в процессе изучения найденных обломков. Но не следует забывать, что события, в результате которых они появились, произошли очень давно. С той войны много воды утекло».

Урсула представила себе будущее поколение первопроходцев, бесстрашно устремляющееся к опасностям Галактики, чьи законы по-прежнему останутся тайной, покрытой мраком. Это неизбежно, вне зависимости от результатов расшифровки пиктограмм. Какие бы призраки не мелькали в темных просторах Вселенной, человечество не усидит на Земле, греясь у каминов. И не важно, как будут называть тех первопроходцев — очеловеченными машинами или людьми, воплотившими себя в искусственных детищах.

Подобного сюжета среди рисунков на стене Ур-

сула не заметила. Может, потому, что он с самого начала обречен? «Должны ли мы попытаться изменить порядок вещей? Быть может. Только есть ли выбор у двоякодышащей рыбы, решившей покинуть море с опозданием на миллиард лет?»

Урсула моргнула и увидела звезды через капельки навернувшихся слез. Тысячи искр рассыпались на миллионы лучей, брызнули во все стороны.

Слишком много направлений. Слишком много путей. Больше, чем можно вообразить. Больше, чем способен удержать вниманием любой разум.

Искры звездного моря быстрее света пересекали небо. Бесчисленное множество лучей в мгновение ока уносилось в галактический мрак.

Зачем их столько? Куда мчатся?..

Урсула закрыла глаза. Звезды исчезли. Но перед мысленным взором все равно мчались. И множились, со скоростью мысли. Казалось, они вот-вот заполнят всю Вселенную и… выйдут за ее пределы.

Перевод: Д. Приказчиков

Вирус альтруизма

Думаешь меня поймать? Черта с два! К нашей встрече я подготовился так, что начинай уже думать о чем-нибудь другом.

В моем бумажнике лежит карточка, где написано, что у меня четвертая группа крови, резус отрицательный и к тому же аллергия на пенициллин, аспирин и фенилаланин. Если верить другой карточке, я — убежденный адепт Церкви христианской науки[1]. Все эти хитрости задержат тебя, когда придет время (а оно, конечно же, придет, и очень скоро).

Даже если от этого будет зависеть моя жизнь, я никогда и никому не позволю втыкать мне в руку иголки. Ни за что! Никаких переливаний крови!

И потом, у меня же есть антитела. Так что тебе, СПИЧ, лучше держаться от меня подальше. Твоей пешкой я не стану. И твоим вектором тоже.

Понимаешь, все твои слабые места мне известны. Хоть ты и хитрый дьявол, но чересчур

---

[1] Примечания: 1

Протестантская секта, основанная на вере в духовное излечение с помощью Слова Христова от всех физических и духовных грехов и недугов. *(Прим. перев.)*

изнеженный. В отличие от ТАРПа, ты не выносишь открытого воздуха, жары, холода, кислоты и щелочи. Из крови в кровь — вот твой единственный путь. Да и зачем тебе другой? Ведь ты, наверное, думал, что нашел самый простой способ?

Как только ни называл тебя Лесли Эджисон — и «виртуозный мастер», и «совершенство среди вирусов»... Помнится, когда-то давно ВИЧ — вирус СПИДа — заставлял всех трепетать от страха. Но по сравнению с тобой он просто грубый, неотесанный мясник. Маньяк с бензопилой, болван, который убивает своих хозяев и распространяется за счет привычек, которые люди хоть и с трудом, но все же могут держать под контролем. О да, у старины ВИЧ тоже были свои приемчики, но что он в сравнении с тобой? Жалкий дилетант!

Простуда и грипп, конечно, тоже не лыком шиты. Они неразборчивы в связях и быстро мутируют. Когда-то давно они научились заставлять своих хозяев хлюпать носами, кашлять и чихать, чтобы те распространяли заразу. Вирусы гриппа гораздо хитрее, чем ВИЧ, ведь, как правило, они не убивают своих хозяев, а лишь заставляют их страдать и, кашляя и сморкаясь, заражать свежими порциями инфекции своих близких.

Лес Эджисон всегда обвинял меня в очеловечивании наших объектов изучения. Всякий раз, заходя на мою половину лаборатории и слыша, как я поливаю отборной техасско-мексиканской бранью какого-нибудь особо воинственного лейкофага, он реагировал одинаково. Как сейчас вижу: приподняв одну бровь, он сухо делает мне замечание.

— Форри, вирус не может тебя услышать, — произносит он со своим винчестерским акцентом. — Это ведь не разумное существо, даже, строго говоря, не живое. Это всего лишь пучок генов в белковой оболочке, вот и все.

— Знаю, Лес, — обычно отвечал я в таких случаях. — Но до чего же наглые эти гены! Дай им волю, они тут же вломятся в человеческую клетку и заставят ее производить полчища новых вирусов. А те потом разорвут ее на части, когда будут выбираться на свободу, чтобы напасть снова. Может, они и не думают, и все их коварство — чистой воды случайность. Но неужто тебе никогда не кажется, будто они действуют по плану? Будто кто-то управляет этими мерзкими тварями, чтобы заставлять нас страдать? И даже умирать?

— Да ладно тебе, Форри! — Он снисходительно усмехается моей американской непосредствен-

ности. — Ты бы не стал заниматься этим делом, если б не находил в этих фагоцитах своеобразной прелести.

Эх, старина Лес! Такой правильный и высокомерный… Ты так и не догадался, что вирусы завораживали меня совсем по другой причине. В их ненасытной алчности я видел такое примитивное, ничем не замутненное честолюбие, которое превосходило даже мое собственное. Тот факт, что вирусы — безмозглые создания, не слишком облегчал мои терзания. Мне, между прочим, всегда казалось, что мы, люди, сильно переоцениваем свои мозги.

Мы познакомились несколько лет назад в Остине, куда Лес приехал в академический отпуск. У него уже тогда была репутация «юного гения», я откровенно лебезил перед ним, и, возвращаясь в Оксфорд, он предложил мне присоединиться к нему. Так я оказался здесь, и начались наши регулярные дружеские споры о смысле и значении болезни под барабанную дробь, которую английский дождь выбивал по рододендронам.

Ох уж этот Лес Эджисон с его псевдоартистическими дружками и претензиями на философичность! Он вечно рассуждал о красоте и изяществе

наших маленьких мерзопакостных объектов. Но меня не проведешь. Я-то понимал: он так же помешан на «нобелевке», как и все мы. Так же увлечен погоней за тем фрагментом Загадки Мироздания, за тем кусочком, который принесет больше грантов, больше лабораторных площадей, больше оборудования, больше престижа… В общем, деньги, статус и в конечном итоге, может быть, даже Стокгольм.

Сам Лес уверял, что подобная ерунда его не интересует. Но парень он был не промах, это я вам точно говорю. Иначе каким образом его лаборатория расширялась бы даже в разгар тэтчеровских гонений на английскую науку? И тем не менее он продолжал притворяться.

— У вирусов есть свои положительные стороны, — частенько говаривал он. — Конечно, поначалу они нередко убивают. С этого начинают все новые патогены. Но в конечном итоге происходит одно из двух. Либо человечество в ответ на новую угрозу изобретает защиту, либо…

О, как он обожал эти театральные паузы!

— Либо? — Подначивал его я, как мне и полагалось.

— Либо мы приходим к компромиссу… а быть может, и к альянсу.

Симбиоз. Вот то, о чем Лес твердил не переставая. Он обожал цитировать Маргулис и Томаса, а иногда и Лавлока, прости господи… В том, как он восхищался даже такими ужасными и подлыми тварями, как ВИЧ, было что-то пугающее.

— Видишь? Он встраивается в ДНК своей жертвы, — говорил Лес. — А потом затаится и дожидается, когда жертву атакуют другие микробы. Т-клетки организма хозяина готовятся дать отпор, отбить вторжение, но ее химические механизмы захвачены новой ДНК, и в результате вместо двух новых Т-клеток появляется целая армия вирусов СПИДа.

— Ну и что? — пожимал плечами я. — Практически все вирусы действуют так же. Единственное отличие ВИЧ — что это ретровирус.

— Да, Форри, но подумай дальше. Представь, что произойдет, когда рано или поздно СПИДом заразится человек с таким геномом, что он окажется нечувствительным!

— То есть его антитела среагируют достаточно быстро, чтобы остановить вирус? Или что его Т-клетки отразят вторжение?

О, когда Лес входил в раж, он становился дьявольски снисходительным.

— Да нет же, нет! Думай! — требовал он. — Я

имею в виду нечувствительность после инфицирования. Уже после того, как гены вируса внедрились в его хромосомы. Но у этого индивидуума имеются некие другие гены, которые не позволяют новой ДНК начать вирусный синтез. Создания новых вирусов не происходит. Не происходит и разрушения клетки. Человек не болеет. Но теперь у него имеются новые молекулы ДНК…

— Всего лишь в нескольких клетках…

— Да. Но допустим, что одна из них оказалась половой клеткой. А теперь допустим, что с помощью именно этой гаметы он производит на свет ребенка. И вот уже каждая из клеток этого ребенка может содержать и невосприимчивость к данному вирусу, и новые вирусные гены! Ты только подумай, Форри! Это же новый тип человеческого существа. Ему не страшен СПИД, в нем уже есть все гены СПИДа, и он сам может создавать эти странные, удивительные белки… О, разумеется, большинство из них окажется бесполезными или никак себя не проявит. Но теперь геном этого ребенка и его потомков содержит большее разнообразие…

Когда он садился на этого конька, я частенько спрашивал себя: неужели он действительно

считает, что объясняет мне все это впервые? Как бы уважительно англичане ни относились к американской науке, они привыкли считать нас профанами. Однако я еще несколько недель назад заметил у Леса этот интерес и кое-что предусмотрительно почитал.

— То есть как те гены, которые отвечают за некоторые виды рака? — саркастически заметил я. — Да, уже доказано, что некоторые онкогены изначально были встроены в геном человека вирусами, как ты и говоришь. И люди, унаследовавшие от предков склонность к ревматоидному артриту, тоже могли получить этот ген именно таким образом.

— Вот именно! Сами вирусы могут исчезнуть, но их ДНК будет жить в нас!

— Какой подарок для человечества!

О, как меня бесила эта его самодовольная ухмылка! Да сойдет она когда-нибудь с его лица или нет?!

Лес взял кусок мела и начертил на доске таблицу:

БЕЗОБИДНЫЙ —> УБИЙЦА! —> НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

—> НЕДОМОГАНИЕ —> БЕЗОБИДНЫЙ

— Это классический взгляд на то, как хозяева взаимодействуют с новым патогеном, особенно с вирусом. Каждая стрелка, разумеется, обозначает стадию мутации и вариант адаптации. Сначала некая форма безобидного микроорганизма соскакивает со своего предыдущего хозяина (скажем, обезьяны) на нового (скажем, на нас). У нас нет адекватных механизмов защиты, и болезнь буквально косит нас — как сифилис в шестнадцатом веке, когда за несколько дней в Европе гибло больше народу, чем за целые годы… На самом деле, для патогенов эта вакханалия — не самый эффективный способ поведения. Только очень прожорливый паразит убивает своего хозяина так поспешно. Затем настает трудное время для обоих — и для хозяина, и для паразита, когда один пытается адаптироваться к другому. Этот период можно сравнить с политикой, как своеобразный процесс ведения переговоров…

Тут я не выдержал и фыркнул от раздражения:

— Мистическая чепуха! Лес, я согласен с твоей схемой, но аналогия с войной все-таки вернее. Поэтому-то таким лабораториям, как наша, и платят деньги. Чтобы мы создавали лучшее оружие

для нашей стороны.

— Хм-м… Возможно. Но иногда, Форри, процесс выглядит иначе.

Он повернулся к доске и начертил другую схему:

БЕЗОБИДНЫЙ —> УБИЙЦА! —> НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ —> НЕДОМОГАНИЕ —> ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЗМ —> СИМБИОЗ

— Как видишь, эта схема совпадает с предыдущей вплоть до того момента, где исходная болезнь исчезает.

— Или переходит в скрытую фазу.

— Разумеется. Как, например, кишечная палочка, которая нашла приют в наших внутренностях. Предки кишечной палочки, без сомнения, отправили на тот свет немало наших предков, прежде чем в конце концов стали полезными симбионтами, каковыми и являются сейчас, помогая нам переваривать пищу. Готов поспорить, то же самое относится и к вирусам. Наследственные формы рака и ревматоидного артрита — всего лишь временные неудобства. Рано или поздно эти гены, несомненно, будут включены в геном

человека и станут частью генетического многообразия, которое готовит нас к достойной встрече с предстоящими трудностями. Да что там! Держу пари: большая часть наших нынешних генов появилась именно таким способом — вторгшись в наши клетки в качестве захватчиков.

Чокнутый сукин сын… К счастью, Лес не пытался перенести работу нашей лаборатории в крайнюю правую часть своей волшебной диаграммы. Наш «юный гений» отлично разбирался в вопросах финансирования. Он знал: инвесторы не станут платить нам за доказательство того, что мы произошли от вирусов. Им был нужен — и нужен до зарезу! — прогресс в борьбе с вирусными инфекциями. Поэтому Лес сосредоточил свою команду на изучении векторов, то есть способов распространения инфекции.

Ведь вам, вирусам, непременно нужно как-то распространяться, верно? И как только вы кого-то укокошили, вам срочно нужна спасательная шлюпка, чтобы покинуть корабль, который вы сами же потопили. А если хозяин оказался крепким и отбился от вас — опять же надо бежать. Все время бежать.

И даже если, как утверждает Лес, вы заключили с человеком мирный договор, черт побери,

вам все равно нужно распространяться! Да эти крошечные монстры — просто прирожденные колонисты!

Я знаю, знаю. Это просто естественный отбор. Те, кому посчастливилось найти хороший вектор, процветают. Те, кому не повезло, нет. Но все это выглядит так зловеще, что порой мерещится какой-то скрытый смысл…

Так вот, грипп заставляет нас сморкаться. Сальмонеллез одаривает поносом. От оспы образуются гнойники, которые, высыхая, шелушатся и осыпаются, попадая в легкие. Все это — отличные способы спрыгнуть с корабля и переселиться на новый.

Кто знает, не доисторический ли вирус заставляет кровь приливать к губам, вызывая желание целоваться? Хм! Может, это тот самый случай «доброкачественного паразитизма», о котором говорил Лес… И мы сохраняем приобретенное свойство, хотя вызвавший его патоген давно вымер. Что за идея!

Так вот, наша лаборатория получила крупный грант на изучение векторов. Вот тогда-то, СПИЧ, Лес тебя и обнаружил. Он нарисовал большущую схему, включавшую все возможные пути, по которым инфекция может переходить от одного

человека к другому, и дал нам задание проверить их все один за другим.

Себе он оставил инфекции, передающиеся через кровь. И на то были свои причины.

Во-первых, Лес, видите ли, был альтруистом. Его тревожила вся эта паника и необоснованные слухи вокруг Британского запаса крови. Люди отказывались от жизненно важных операций. Шли разговоры об организации того, чем уже начали заниматься богачи в Штатах: о создании запасов собственной крови в дорогостоящей, но оттого не менее глупой попытке избежать использования донорской крови, если вдруг понадобится лечь в больницу.

Все это не давало Лесу покоя. Но еще хуже было то, что толпы потенциальных доноров уклонялись от сдачи крови из-за глупых слухов: якобы таким образом можно подхватить какую-то заразу.

Чушь! Никто еще никогда и ничем не заболел, оттого что сдавал кровь. Разве что помутит слегка да прыщами покроешься от всех этих печенюшек и сладкого чая, которыми тебя пичкают после процедуры. А что касается заражения СПИДом через переливание крови, то новые анализы на антитела быстро решили эту проблему. Но слухи

остались. А ведь народ должен быть уверенным в национальном запасе крови. Лес хотел покончить с этими глупыми страхами раз и навсегда с помощью одного специализированного исследования.

Однако это была не единственная причина, по которой он предпочел сам заняться изучением крови в качестве вектора.

— Безусловно, этот вектор используется кое-какими неприятными штуками типа СПИДа. Но кроме них я могу обнаружить и кое-что подревнее, — говорил он возбужденно. — Вирусы, которые почти до конца прошли путь превращения в полезные. Те, которые так хорошо приспособились, что стали совершенно незаметны и едва ли причиняют какое-либо беспокойство своим хозяевам. Быть может, мне даже удастся найти симбионтов! Тех, кто на самом деле помогает человеческому организму.

— Необнаруженный симбионт человека? — с сомнением фыркнул я.

— А почему бы и нет? Раз явной болезни нет, кто станет ее искать? Форри, это же совершенно новое поле для исследований!

Несмотря на весь свой скепсис, я был заинтригован. Вот за это его и прозвали «юным гением»

— за эти полубезумные озарения. И как только это не вышибли из него во всех этих оксфордах-кембриджах? Но отчасти именно поэтому я и связался с Лесом и его лабораторией, прилагая все усилия к тому, чтобы мое имя фигурировало в его публикациях.

Итак, я стал следить за его работой. Конечно, вся эта затея выглядела довольно сомнительно и чертовски глупо… Но я был уверен, что в конце концов она может принести плоды. Поэтому я был морально готов, когда в один прекрасный день Лес пригласил меня поехать с ним на конференцию в Блумсбери. Сам коллоквиум был чистейшей рутиной, но я видел, что Леса так и распирает от новостей. Когда все закончилось, мы отправились пешком по Черингкросс-роуд в одну пиццерию, которая находилась так далеко от университета, что можно было не опасаться встречи с кем-нибудь из коллег. Только с публикой, дожидающейся открытия театра на Лестер-сквер.

Затаив дыхание, Лес заставил меня поклясться сохранить все в тайне. Ему просто необходимо было с кем-то поделиться, а я был только рад выступить в роли исповедника.

— За последнее время я побеседовал со многи-

ми донорами, — сообщил он, когда мы сделали заказ. — Такое впечатление, что, хотя некоторые люди боятся сдавать кровь, это во многом компенсируется повышенной активностью регулярных доноров.

— Это радует, — сказал я. Чистая правда. Я вовсе не возражал против того, чтобы в стране имелся необходимый запас крови. Когда-то давно в Остине мне даже нравилось смотреть, как люди заходят в фургончик Красного Креста… Нравилось, пока кто-то не попросил меня внести свой вклад в это дело. На это у меня не было ни времени, ни желания, так что я отказался, сославшись на малярию.

— Форри, я нашел одного любопытного типа. Похоже, он начал сдавать кровь, когда ему было двадцать пять, еще во время второй мировой. И сдал за это время, наверное, галлонов тридцать пять — сорок.

Я быстро подсчитал в уме.

— Погоди-ка. Ведь он уже не проходит по возрасту!

— Совершенно верно! Он сознался в этом, только когда его заверили в полной конфиденциальности. Когда ему исполнилось шестьдесят пять, он просто не захотел завязывать с донорством.

Крепенький такой старикашка… Несколько лет назад перенес небольшую операцию, однако до сих пор в весьма приличной форме. Так что, когда местный клуб «галлонщиков» устроил ему пышные проводы на заслуженный отдых, он просто переехал в другой конец округа и зарегистрировался на новой станции переливания, назвавшись вымышленным именем и занизив свой возраст.

— Забавно. Но вполне безобидно. Скорее всего, ему нравится ощущать себя нужным обществу. Готов поспорить, он любит заигрывать с медсестрами и с удовольствием лопает бесплатную еду… Устраивает себе раз в два месяца этакий регулярный праздник в компании дружелюбных и приветливых людей.

Вот только не надо думать, что раз сам я самовлюбленный ублюдок, то не способен понять поведение альтруистов. Как и у большинства людей пользовательского типа, у меня нюх на мотивы, которые движут простаками. Таким, как я, эти вещи знать просто необходимо.

— Сперва я тоже так решил, — кивнул Лес. — Потом обнаружил еще несколько подобных персонажей и решил назвать их «зависимые». Поначалу я никак не связывал их с другой груп-

пой под кодовым названием «новообращенные».

— Новообращенные?

— Ну да. Люди, которые вдруг начали сдавать кровь — внимание! — вскоре после того, как сами оправились от операции.

— Может, они таким образом частично оплачивают лечение?

— Вряд ли. Не забывай, у нас ведь государственное здравоохранение. И даже для платных пациентов такое объяснение годится лишь на первые несколько раз.

— Тогда что, благодарность?

Чувство для меня чуждое, но теоретически понятное.

— Возможно. У людей, побывавших на грани жизни и смерти, могла повыситься сознательность, и они решили стать более добродетельными. В конце концов, полчаса на станции переливания несколько раз в год — невеликое неудобство в обмен на то…

Тоже мне, святоша! Разумеется, Лес был донором. Он продолжал разглагольствовать о гражданском долге и все в таком духе, пока не явилась официантка с нашей пиццей и двумя кружками свежего горького пива. Это заставило Леса ненадолго заткнуться. Но как только она

ушла, он, сверкая глазами, наклонился ближе.

— Нет, Форри, это не оплата счетов и даже не благодарность. Во всяком случае, не для всех из них. С этими людьми произошло нечто большее, чем простое пробуждение сознательности. Они стали новообращенными, Форри. Они начали вступать в клуб «галлонщиков» и даже больше! Такое впечатление, будто в каждом из них произошли изменения личности!

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что значительный процент тех, кто за последние пять лет перенес серьезные операции, полностью поменяли свои социальные установки. Помимо донорства, они увеличили пожертвования на благотворительность, стали членами родительских комитетов и отрядов бойскаутов, превратились в активистов «Гринписа» и движения «Спасите детей»…

— Короче, Лес. К чему ты клонишь?

— К чему? — Он покачал головой. — Честно говоря, некоторые из этих людей словно бы впали в зависимость… В зависимость от альтруизма. Вот тут-то мне и пришло в голову, Форри, что это ведь может быть новый вектор!

Вот так запросто он это и сказал. Естественно, я уставился на него, разинув рот.

— И какой вектор! — шептал он, все больше распаляясь. — Что там тиф, или оспа, или грипп! Сущие дилетанты! Их давно пора сдать в утиль со всем этим чиханием, шелушением и прочей дрянью. СПИД, конечно, тоже использует кровь в качестве вектора, но так грубо, что это невозможно не заметить. Он заставляет нас разрабатывать анализы, начинать долгий, длительный процесс его выделения. А вот СПИЧ…

— Спич?

— Нет, Форри. Эс-Пэ-И-Че, — ухмыльнулся он. — Так я назвал новый вирус, который мне удалось выделить. Это расшифровывается как «синдром приобретенной избыточной человечности». Ну, как тебе?

— Отвратительно. Ты что, хочешь сказать, что существует вирус, который воздействует на человеческое сознание? Да к тому же таким сложным способом?

Я отказывался в это верить и в то же время струсил так, что во рту пересохло. Я и раньше-то испытывал суеверный страх перед всеми этими вирусами и векторами. А теперь Лес запугал меня окончательно.

— Да нет, разумеется, нет, — рассмеялся он. — Все гораздо проще. Представь, что будет, если в

один прекрасный день некий вирус случайно обнаружит способ заставлять людей получать удовольствие от сдачи крови?

Кажется, я только молча моргнул, не в состоянии отреагировать как-то иначе.

— Ты только подумай, Форри! Помнишь того старичка, о котором я тебе говорил? Он поведал мне, что каждые два месяца, то есть как раз тогда, когда можно снова сдать кровь, у него «все нутро болит». И этот дискомфорт проходит только после нового кровопускания!

Я снова моргнул.

— Ты хочешь сказать, что всякий раз, когда он сдает кровь, на самом деле он угождает своему паразиту, давая тому возможность переселиться к новому хозяину…

— А новые хозяева — это люди, перенесшие операцию, ведь в больнице им переливают свежую кровь. И все потому, что наш старичок оказался так щедр! Дело сделано, они заражены. Но этот вирус хитёр, он не такой жадина, как СПИД или даже грипп. Он предпочитает действовать тихо и незаметно. Кто знает, быть может, он даже достиг некоторой степени симбиоза со своими хозяевами — помогает им отражать нападения других организмов или…

Он увидел мое лицо и замахал руками.

— Ну ладно, ладно, это уже натяжка, я знаю. Но ты только представь! А ведь симптомов болезни нет, поэтому этот вирус до сих пор никто не искал.

И тут до меня вдруг дошло: он его выделил. И, мгновенно осознав, что это может сулить в смысле карьеры, я тут же принялся строить планы: как сделать так, чтобы мое имя тоже стояло на его работе, когда он ее опубликует. Я был так поглощен этими мыслями, что на несколько мгновений потерял нить его рассуждений.

— ...А теперь мы подходим к самому интересному. Ну скажи, что подумает нормальный, эгоистичный, консервативно настроенный обыватель, если вдруг обнаружит, что ему хочется посещать станцию переливания крови как можно чаще?

— М-м... — Я покачал головой. — Что его околдовали? Загипнотизировали?

— Чепуха! — фыркнул Лес. — Не так устроена человеческая психика. Нет, мы склонны совершать множество вещей, сами не зная зачем.

Однако объяснения нам нужны, и поэтому мы начинаем рассуждать логически! Если очевидное объяснение не лежит на поверхности, мы

его изобретаем, и желательно такое, которое помогает нам думать о себе лучше. Эго, мой друг, штука могучая!

Ну-ну, подумал я про себя, не учи ученого!

— Значит, альтруизм, — произнес я вслух. — Люди замечают, что стали чаще наведываться на станцию переливания. И делают вывод, что просто такие уж они хорошие… Они начинают этим гордиться. Хвастаются перед другими…

— Ты на верном пути, — кивнул Лес. — И благодаря этой гордости, а также похвалам по поводу этой своей новоявленной щедрости, они склонны экстраполировать ее и на другие сферы жизни.

— Вирус альтруизма… — выдохнул я с благоговейным трепетом. — Господи, Лес, когда мы это опубликуем…

И тут же осекся, заметив, как Лес вдруг нахмурился. Я подумал было, это из-за того, что я употребил слово «мы». И кто меня за язык тянул… Но нет, Леса всегда интересовало нечто большее, чем просто научное признание, его запросы были гораздо выше.

— Нет, Форри, не сейчас. Пока что мы не можем это публиковать.

Я изумленно покачал головой.

— Но почему? Лес, это же грандиозно! Это же

подтверждает все твои идеи про симбиоз и все такое. Дело пахнет «нобелевкой»!

Тут я, конечно, дал маху — вслух высказал сокровенное… Но Лес, кажется, и не заметил. Проклятье! Ну почему он не такой, как большинство ученых, которых пуще прочего влечет стокгольмский соблазн? Лес, видите ли, был исключительным.

Исключительным альтруистом.

Так что видите, он сам во всем виноват. Он и его проклятая добродетель — это они заставили меня впервые задуматься о том, что впоследствии я решил совершить.

— Как ты не понимаешь, Форри! Стоит нам опубликовать это открытие, как кто-нибудь тут же разработает анализ на антитела к вирусу СПИЧ. Доноров, в крови которых они будут обнаружены, не пустят на порог станции переливания, точно так же, как переносчиков СПИДа, сифилиса и гепатита. А это будет невероятно жестокая мука для всех этих несчастных.

— Да плевать на них! — почти заорал я. Несколько любителей пиццы неодобрительно глянули в мою сторону. Невероятным усилием воли я заставил себя говорить спокойно. — Слушай, Лес, носители вируса будут признаны больными, вер-

но? Так что им обеспечат врачебный контроль. А если все, что им нужно для счастья, это регулярные кровопускания, так в чем проблема? Пусть заводят пиявок в качестве домашних животных!

Лес улыбнулся.

— Разумно. Но это не единственная — и даже не главная причина, Форри. Нет, пока что я не стану это публиковать, и точка. Я просто не могу допустить, чтобы эту болезнь остановили. Она должна распространиться по миру, превратиться в эпидемию, пандемию!

Я уставился на него и, увидев огонь в его глазах, понял: Лес не просто альтруист. Им завладел один из самых коварных человеческих недугов — мессианство. Лес решил спасти мир.

— Как ты не понимаешь, Форри! — продолжал он с жаром новообращенного. — Эгоизм и жадность разрушают нашу планету! Но природа всегда находит выход, и быть может, этот симбиоз — наш последний шанс, последняя возможность стать лучше, научиться помогать друг другу, пока не поздно! Предмет нашей особой гордости — предлобные доли мозга, эти куски серого вещества над глазами, делают нас намного сообразительнее зверей. Но что хорошего они нам дали? Не бог весть что. Мы до сих пор не можем

придумать, как выбраться из кризиса двадцатого века. По крайней мере, от одних только дум толку мало. Нужно что-то еще. И я убежден, Форри, СПИЧ и есть это «что-то еще». Мы должны сохранить этот секрет — по крайней мере до тех пор, пока вирус не распространится среди населения настолько, что обратного пути уже не будет.

Я сглотнул.

— И как долго? Сколько ты собираешься ждать? Пока он не начнет влиять на результаты голосования? Пока не пройдут очередные выборы?

Лес пожал плечами.

— Как минимум. Лет пять, может, семь. Видишь ли, этот вирус имеет тенденцию поражать тех, кто недавно перенес операцию, а это в основном люди пожилые. К счастью, именно они чаще всего обладают в обществе определенным весом. И голосуют за Тори…

Он все говорил, говорил, а я слушал вполуха, потому что уже пришел к роковому решению. Через семь лет от этого гребаного соавторства не будет никакого проку ни для моей карьеры, ни для амбиций. Конечно, теперь, когда я узнал секрет Леса, я мог бы его выдать. Но в результате он только обозлится на меня, а все лавры все равно достанутся ему. Люди обычно помнят пер-

вооткрывателей, а не стукачей.

Мы расплатились по счету и направились к станции Черинг-кросс, где можно было сесть на метро до Паддингтона, а оттуда уже добраться до Оксфорда. По дороге мы попали под ливень и спрятались под козырьком у киоска с мороженым. Пока мы пережидали дождь, я купил нам обоим по стаканчику. Как сейчас помню: у Леса было клубничное, а у меня — малиновый лед.

Лес рассеянно бормотал что-то насчет своих исследовательских планов, а в уголке его рта расплывалась розовая капля. Я делал вид, что слушаю, но голова моя уже была поглощена другим: в ней зарождались планы и разрабатывались способы совершения убийства.

* * *

Преступление, разумеется, было задумано идеально.

Все эти киношные детективы любят порассуждать по поводу «мотива, орудия и способа» совершения преступления. Что ж, мотив у меня был, да еще какой, но он был таким сложным и неочевидным, что никому и в голову бы не пришел.

Орудие и способ? Да у нас в лаборатории пол-

ным-полно и ядов, и всякой заразы. Конечно, мы, профессионалы, работаем очень аккуратно, но, увы, несчастные случаи все же происходят…

Имелась, правда, одна проблема. Наш юный гений был так знаменит, что даже если бы мне и удалось его укокошить, я не посмел бы сразу же объявить о новом открытии. Черт бы побрал этого Леса! Все равно все заслуги приписали бы ему или хотя бы лаборатории, которая обнаружила СПИЧ исключительно благодаря его чуткому руководству. К тому же слишком громкая слава, свалившаяся на меня сразу после его кончины, могла навести кого-нибудь на подозрения.

Ну что ж, решил я. Так или иначе, СПИЧ получит свою отсрочку. Может, не семь лет, но по крайней мере три или четыре года, в течение которых я вернусь назад в Штаты, начну разработку собственного направления, а затем постепенно поведу дело так, чтобы методично создать всю ту научную базу, через которую Лес благополучно перемахнул в порыве вдохновения. Меня эта отсрочка не слишком радовала, но к концу этого времени создастся полное впечатление, что это моя собственная разработка. И на этот раз никакого соавторства! Нет уж, дудки!

Прелесть была еще и в том, что никому и в

голову не придет связать мое имя с трагической смертью моего коллеги и друга, случившейся несколькими годами раньше. Наоборот, его гибель на время остановит мое карьерное продвижение. «Ах, как жаль, что бедняга Лес не дожил до дня твоего триумфа!» — скажут конкуренты, подавляя завистливое раздражение, когда я буду собираться в Стокгольм.

Разумеется, все это никак не отразилось ни на моем лице, ни на словах. Мы оба занимались обычной работой. Но почти каждый день я допоздна задерживался в лаборатории, помогая Лесу в нашем секретном проекте. Это было по-своему веселое время, и Лес не скупился на похвалы, глядя на то, как я медленно, занудно, но методично воплощал в жизнь кое-какие его идеи.

Зная, что Лес никуда не торопится, я тоже занимался подготовкой постепенно. Мы вместе собирали данные. Мы выделили и даже кристаллизовали вирус, получили дифракцию рентгеновских лучей, провели эпидемиологические исследования — и все это в строжайшей секретности.

— Поразительно! — восклицал Лес, обнаружив, каким именно образом вирус СПИЧ заставляет своих хозяев ощущать потребность в «благо-

творительности». Он бурно и многословно восхищался элегантностью приемов открытого им вируса и приписывал их случайному отбору. Я же не мог отделаться от суеверного ощущения, что это какая-то ужасно хитрая форма разума. Чем более изящными и эффективными оказывались методы вируса, тем больше восторгался Лес, и тем чаще я ловил себя на том, что эти пучки рибонуклеиновой кислоты и белка вызывают у меня отвращение.

Тот факт, что вирус казался таким безобидным (а с точки зрения Леса, даже полезным), лишь усиливал мою ненависть. Поэтому я радовался задуманному. Радовался, что помешаю планам Леса по распространению СПИЧа во всем мире.

Я собирался спасти человечество от перспективы стать марионеткой в чужих руках. Правда, ради моих собственных целей со спасением придется подождать, однако оно все же случится, и гораздо раньше, чем планировал мой ничего не подозревающий коллега.

А Лес и не догадывался, что закладывает фундамент для работы, признание за которую достанется мне. Каждое его озарение, каждый крик «Эврика!» фиксировались у меня в блокноте рядом с моими собственными столбцами

скучных цифр. Параллельно я выбирал орудие убийства. В конце концов я остановился на одном чрезвычайно опасном штамме лихорадки Денге.

* * *

У нас в Техасе есть старинная поговорка: «Курица — это просто способ, которым размножаются яйца».

Биологи, знакомые со всеми этими латинско-греческими словами, придумали гораздо более роскошный вариант этой поговорки. Люди — это «зиготы», состоящие из диплоидных клеток, содержащих сорок шесть парных хромосом, за исключением гаплоидных половых клеток, или «гамет». Мужские гаметы — это сперматозоиды, а женские — яйцеклетки, каждая из которых содержит только двадцать три хромосомы.

Поэтому биологи говорят: «зигота — это способ, которым размножаются гаметы».

Хитро, правда? Но эта поговорка показывает, насколько трудно в природе отыскать Первопричину, некий центр головоломки, от которого ведет отсчет все остальное. Короче, что же было вначале — яйцо или курица?

«Человек — мера всех вещей», гласит другая старинная мудрость. Да неужели? Попробуйте-

ка сказать это ярому гринписовцу! Один мой знакомый, любитель научной фантастики, рассказывал, что однажды читал рассказ, в котором утверждалось, что основная и единственная цель цивилизации, разума и всего такого — это построить космические корабли, чтобы комнатные мухи могли колонизировать Галактику.

Но эта идея — ничто по сравнению с убеждениями Леса Эджисона. О человеческих существах он говорил так, словно речь шла об Организации объединенных наций, не меньше. От кишечной палочки у нас в кишках до микроскопического клеща, очищающего наши ресницы, от митохондрий, вырабатывающих энергию в клетках, до содержимого самой ДНК — во всем этом Лес видел бездну компромиссов, договоренностей и сосуществования. Наши хромосомы, утверждал он, большей частью произошли от предыдущих захватчиков.

Совместное существование? Нарисованная Лесом радужная картинка в моем мозгу превращалась в кошмар: крошечные кукловоды, которые дергают и водят за протеиновые ниточки нас, марионеток, пляшущих под их дудку, ради их собственных мерзких маленьких целей…

Но ты — ты хуже всех! Как большинство цини-

ков, я всегда питал тайную веру в человеческую природу. Да, в основном люди — свиньи. Я всегда это знал. И пусть сам я паразит, у меня, по крайней мере, хватает честности это признать. Но где-то в глубине души мы, эгоистичные потребители, рассчитываем на нелогичную щедрость, мистический, загадочный альтруизм других, добрых и непостижимо порядочных людей… Тех, над кем мы всегда глумимся и перед кем втайне преклоняемся.

И тут являешься ты, чтоб тебе пусто было! Это ты заставляешь людей так поступать. И когда за дело берешься ты, СПИЧ, никакой тайны уже не остается. Ни одного уголка, не достижимого для цинизма. Проклятье! Как же я тебя ненавижу!

Точно так же, как Лесли Эджисона. Я строил планы, задумывал блестящее нападение на вас обоих. О, в те последние дни невинности я чувствовал себя таким решительным и беспощадным! Восхитительным смельчаком, хозяином своей судьбы!

И вдруг — такое разочарование. Я не успел закончить подготовку, не успел расставить свою маленькую ловушку — осколок стекла, смоченный в специальном растворе со смертоносными микроорганизмами. Потому что раньше, чем я

смог испробовать себя в роли убийцы, случился КАСЛ.

И все переменилось.

«Катастрофическое аутоиммунное спадение легких» — вот имя тому кошмару, по сравнению с которым СПИД стал казаться надоедливой мошкой. Поначалу казалось, болезнь невозможно остановить. Ее векторы были совершенно неизвестны, а возбудитель не удавалось выделить очень долго.

На этот раз не было какой-то явной социальной группы, которую настиг этот новый мор, хотя заметно было, что болезнь концентрируется в индустриальном мире. В одних районах чаще всего заражались школьники. В других — секретарши и почтовые служащие.

— Естественно, к работе подключились все крупные эпидемиологические лаборатории. Лес предсказал, что патоген окажется чем-то вроде прионов, вызывающих овечий лишай и некоторые болезни растений. Псевдожизнеформа, которая еще проще, чем вирус, и которую поэтому еще сложнее обнаружить. Идею обозвали ересью, и мало кто ее поддерживал, а потом в Атланте, в Центре контроля заболеваний, решили проверить эту гипотезу — просто так, от отчаяния

— и нашли тех самых вироидов в составе клея, которым обычно заклеивают картонные пакеты с молоком, конверты и почтовые марки.

Лес, разумеется, стал героем. Да все мы, в этих лабораториях, были героями. В конце концов, мы ведь стояли на передовой. И наши потери в этой войне были ужасны.

Похороны и прочие публичные сборища временно попали под запрет. Но для Леса сделали исключение. Процессия за его катафалком была в целую милю длиной. Меня попросили произнести надгробную речь. И когда меня стали умолять возглавить лабораторию, я согласился.

Так что ничего удивительного, что я стал забывать про СПИЧ. В борьбе с КАСЛом были задействованы все ресурсы общества. Я, конечно, эгоист, но даже крысы понимают, что иногда разумнее заняться спасением тонущего корабля. Особенно когда порта поблизости не видно.

В конце концов, мы научились бороться с КАСЛом. Лечение включало в себя прием лекарств и сыворотки из антител, выращенных в костном мозге самого пациента после введения опасно большой дозы ванадиевой смеси, которую я обнаружил методом проб и ошибок. В большинстве случаев это срабатывало, однако больные

испытывали огромный стресс, и зачастую, чтобы пережить самую опасную фазу болезни, им требовался специальный режим переливания.

Запасы крови стали истощаться еще быстрее, чем раньше. Но теперь, как во время войны, люди с готовностью откликались на призыв о помощи. Мне ли этому удивляться, но не забывайте, ведь к тому времени я совсем позабыл про СПИЧ.

Мы отразили наступление КАСЛа. Его вектор оказался слишком ненадежным, слишком легко было перекрыть его теперь, когда мы его вычислили. Бедненькому вироиду так и не удалось дойти до той стадии, которую Лес называл «ведением переговоров». Что ж, значит, не судьба.

Мне достались все возможные почести, которых я не заслуживал. Король вручил мне орден Рыцаря Командора за личное спасение Принца Уэльского. Я был приглашен на обед в Белом доме. Подумаешь! Эка невидаль…

После этого мир получил небольшую передышку. Похоже, люди, напуганные КАСЛом, стали больше расположены к взаимопомощи. Тут мне, конечно, следовало насторожиться. Но я как раз перешел на работу в ВОЗ и взвалил на себя кучу административных обязанностей в кампании по борьбе с недоеданием.

Я забыл о тебе, верно? Шли годы, моя звезда всходила все выше, я добился славы, уважения, почета. Правда, в Стокгольм я так и не попал. По иронии судьбы, получать свою «нобелевку» мне пришлось в Осло, забавно, не правда ли? И все же в глубине подсознания я всегда помнил о тебе, СПИЧ.

Подписывали мирные соглашения. Граждане развитых стран голосовали за временное понижение собственного уровня жизни во имя борьбы с бедностью и защиты окружающей среды. Мы все вдруг словно бы повзрослели. Другие циники, с которыми мы прежде вместе пьянствовали и делились мрачными предчувствиями по поводу незавидной судьбы несчастного, пропащего человечества, — все они постепенно отказались от своих взглядов. Пессимистам было нечего делать в этом прекрасном мире — таком прекрасном, что даже у циника язык не повернулся бы сказать, что это всего лишь короткая остановка по дороге в ад.

Но мои собственные убеждения сохранили свою первозданную чистоту. Потому что в глубине души я знал: все это не по правде.

А потом, к всемирному ликованию, третья экспедиция на Марс вернулась домой и привезла

с собой ТАРП. Вот тогда-то мы и узнали, какими дружелюбными, оказывается, были наши родные микробы.

* * *

Поздно ночью, после работы, еле передвигая ноги от усталости, я порой останавливался перед портретом Леса, который по моему приказу повесили в холле, напротив двери моего кабинета, и стоял, проклиная его самого и его проклятую теорию симбиоза.

Представьте себе человечество, пришедшее к симбиотическому единению с ТАРПом! Это будет что-то. Представь, Лес, все эти иноземные гены, добавленные к нашему наследию, к нашему богатому человеческому разнообразию!

Вот только ТАРП, похоже, не слишком заинтересован в «ведении переговоров». Его манера общения оказалась убийственно жесткой. А его вектором стал ветер.

Мир взирал на меня и моих собратьев с надеждой на спасение. Но, несмотря на все заслуги и почести, я-то знал, что я всего лишь второсортный мошенник. Как бы меня ни превозносили и ни благодарили, я знал, кто был круче меня на световые годы.

Снова и снова, до поздней ночи я рылся в записках Лесли Эджисона в поисках вдохновения, в поисках надежды. Вот тогда-то я и наткнулся на СПИЧ снова.

Я нашел тебя еще раз.

Да, верно, ты заставил нас сделаться лучше. Твои гены сейчас есть, по меньшей мере, у четверти человечества. И своим новоявленным, необъяснимым, рационализированным альтруизмом они задают тон, который поддерживают все остальные.

Сейчас, когда пришла беда, все ведут себя так чертовски правильно. Помогают ближним, поддерживают больных, делают пожертвования…

И ведь вот что интересно: не сделай ты нас такими отзывчивыми, может, мы никогда и не добрались бы до этого гребаного Марса. А если бы и добрались, то всеобщая паранойя по крайней мере обеспечила бы приличный карантин.

Но да, конечно, как я мог забыть! Ты же не мог этого предвидеть. Ведь ты просто упакованный в белковую оболочку пучок РНК, обладающий случайной способностью заставлять людей отдавать свою кровь. И больше ничего, верно? Откуда ты мог знать, что сделав нас «лучше», ты обрек нас на ТАРП… Или все-таки мог?

* * *

Есть кое-какие утешительные известия. От некоторых новых разработок, похоже, будет какой-то прок. На самом деле, последние новости просто чудесны. Судя по всему, мы сумеем спасти около пятнадцати процентов детей. И почти половина из них сможет продолжить свой род.

Правда, это касается только тех народов, где смешанные браки не редкость. Видимо, гетерозиготность и генетическое разнообразие способствуют лучшей сопротивляемости организма. Народам же с «чистыми», узкими генеалогическими линиями придется туго. Но, в конце концов, за расизм надо платить.

Жаль только крупных приматов и лошадей. С другой стороны, когда еще у тропических лесов появится такой шанс на выживание?

Ну а пока люди стараются изо всех сил. Никакой паники нет, в отличие от прежних эпидемий, о которых пишут в книгах. Похоже, мы наконец повзрослели. Мы помогаем друг другу.

Но в моем бумажнике лежит карточка, где написано, что я адепт Христианской науки, что у меня четвертая отрицательная группа крови и аллергия практически на всё. Переливание

крови как метод лечения используется сейчас повсеместно, а ведь я важная персона. Но я не стану брать чужую кровь.

Ни за что.

Я отдаю свою, но брать чужую — никогда. Даже если буду умирать от потери крови.

Тебе меня не поймать, СПИЧ. Даже не надейся.

Я дрянной человек. Все, конечно, считают, что в своей жизни я сделал больше добра, чем зла, но это просто случайность, результат стечения обстоятельств и причудливых капризов судьбы.

Над миром я не властен, но, по крайней мере, могу принимать собственные решения. Что я сейчас и делаю.

Со своей высокой лабораторной башни я спустился вниз, на улицы, где сочатся гноем и жаром переполненные больницы. Теперь я работаю здесь. И пусть я поступаю точно так же, как остальные. Они — марионетки. Они считают себя альтруистами, но я знаю: все они — куклы в твоих руках, СПИЧ. А я — человек. Слышишь? Я все решаю сам.

Терзаемый лихорадкой, я бреду от койки к койке, пожимая руки, которые тянутся ко мне за утешением, за помощью, и делаю всё, что в моих силах, чтобы облегчить их страдания, чтобы спа-

сти хоть кого-то.

Но тебе, СПИЧ, меня не поймать.

Это мой собственный выбор.

Перевод: З. Буркина

«Тс-с-с»

Никто больше не говорит о Даре, от которого нас попросили отказаться из чувства жалости. И мы отреклись от него ради лентили.

Собственно, никто не сомневается, что лентили заслуживают подобной жертвы. Они столько сделали для человечества. Если бы людям не посчастливилось с ними встретиться, разве сумели бы они победить свою бессмысленную зависть и злобу? Я знаю одно — у меня не было бы возможности откладывать написание мемуаров, мешкая два столетия, если бы не новые медицинские технологии лентили.

О, да — время безжалостно, как говорят нам философы лентили. Поэтому я и записываю свои свидетельства в Банк Данных, куда можно лишь делать вклады, забрать их назад нельзя. Придет день, и не останется мужчин и женщин, чьи нейроны будут помнить эти удивительные времена, когда наши зонды принесли первое сообщение о Контакте.

Контакт — такое радостное и одновременно пугающее слово; обещание конца нашему одино-

честву и начало… начало чего?

О, как мы боялись. И какие испытывали надежды! Каждый ученый муж выдвигал свою собственную теорию. Наконец-то закончится мрачный период изоляции человечества, заявляли некоторые. Другие предсказывали нашу скорую кончину.

Первые известия о Контакте были полны оптимизма, да что там — они поражали воображение. Такого просто не может быть, думали мы.

Как выяснилось, эти сообщения весьма скромно отражали суть того, что произошло. В полнейшем удивлении мы узнали, что Вселенная, в конечном счете, оказалась разумной! А как может быть иначе, если в ней есть такие поразительные существа, как лентили!

О, да, в Галактическом Содружестве Общего Блага есть множество мудрых рас, у которых примерно столько же желания прибрать к рукам наш маленький заплесневевший мирок, сколько у профессора украсть мячик у зазевавшегося ребенка. Неожиданно все наши самые худшие страхи оказались глупыми и беспочвенными. Конечно, мы еще долгие века будем неуклюжими новичками, но путешествие к звездам раз и навсегда превратило нас в граждан галактики.

Нашими советниками будут добрые, общительные создания, такие прекрасные, мягкие и мудрые. Нужны ли еще доказательства, что Вселенная добра и разумна?

Они направлялись к нам — великолепные звездолеты лентили, сопровождающие два примитивных разведывательных корабля землян. Торопиться было некуда, а лентили очень серьезно относятся к вопросам чести.

Иногда честь дорого обходится. Мы вспомнили об этом, когда корабль «Маргарет Мид», где находилась половина группы первого контакта, взорвался на полпути к дому.

В момент всеобщей скорби к человечеству обратился уважаемый всеми президент Совета глав государств. Оды и гимны могут быть банальными, но только не в таких трагических случаях. Оригинальность не имеет значения для тех, кто охвачен горем. Поэтому президент Тридден говорил о наших погибших соотечественниках как о величайших героях.

Но потом в его обращении к народам Земли возникла неожиданная нота. Он произнес слова, которые поразили всех. В наше время считается, что копии его воззвания не существует. Однако, хотя об этом теперь очень редко упоминают,

никакая другая речь не оказала такого колоссального влияния на дальнейшее развитие событий. Она хранится в тайных архивах по всей Солнечной системе.

Вот как Тридден поделился с нами новостью, которая потрясла всех:

«Дорогие сограждане и люди всего мира, я должен рассказать вам о том, что мне удалось узнать. Мой долг поведать вам о том, что лентили, эти благородные существа, которые скоро прибудут на нашу планету, не столь совершенны, как нам сначала показалось. В действительности у них есть один серьезный, трагический недостаток.

Незадолго до своей гибели на борту „Маргарет Мид“ наш выдающийся психолог и социолог доктор Элизабет Ришке послала мне документ, повергший меня в смятение. После двух бессонных ночей я решил поделиться этой информацией со всей человеческой расой. Потому что, если мы собираемся что-нибудь предпринять по поводу открытия доктора Ришке, нам необходимо успеть все сделать до прибытия лентили.

Во-первых, я не хочу зря вас тревожить. Нам не грозит никакая опасность. Наоборот. Если бы наши будущие гости хотели с нами покончить, пытаться оказывать сопротивление было

бы бессмысленно. Однако все указывает на их великодушие. И в самом деле перед нами откроются секреты древней, мудрой культуры. Будет решено множество проблем, над которыми мы бились столетия.

Но я должен вас предупредить: опасность все-таки существует. Опасность грозит не нам, а нашим благодетелям. Оказывается, несмотря на все свои достижения, лентили имеют одну неожиданную слабость. Перед своей безвременной кончиной доктор Ришке была этим весьма обеспокоена.

Судя по всему, человечество обладает определенным Даром, который у лентили начисто отсутствует. Создается впечатление, что они даже не в состоянии понять его сути. Поначалу, когда доктор Ришке упомянула о нем, они, как ей показалось, просто не поняли, о чем она говорит. Когда же после многочисленных попыток некоторые из лентили догадались, о чем идет речь, их реакция поразила нашего психолога. Профессор Ришке сказала: „Меня ужасает, какие последствия это может иметь для несчастных лентили“».

Как хорошо я помню выражение лица президента Триддена. На нем было написано сочувствие к несчастным. За прошедшие недели мы

все успели полюбить лентили. Высокие, худощавые, с лицами, освещенными добротой, — разве такие существа способны причинить вред?

Они были почти всемогущи! Умения, для приобретения которых человеку требовалась вся жизнь, давались лентили за несколько дней. Их достижения — как всей расы целиком, так и отдельных индивидуумов — внушали благоговейный трепет.

Лентили высоко оценили искусства и научные открытия человечества, хотя и не в тех словах, которые употребили бы в такой ситуации люди; впрочем, мы прекрасно понимали, что для них это были всего лишь простенькие детские поделки. Ну и как мы должны были относиться к этим своим победам теперь?..

Чрезмерная человеческая гордыня едва не привела к уничтожению нашего возлюбленного мира. Даже к тому моменту, когда нам удалось построить два примитивных звездолета, Земля оставалась раздробленной, полной противоречий. Однако смирение оказалось совсем не таким горьким лекарством, как многие боялись. Если не считать нескольких скептических голосов, большинство людей хотели стать прилежными и благодарными учениками.

Так что нетрудно представить наше удивление! Как мог президент сказать такое? Как лентили — столь могущественные существа — могли иметь серьезный недостаток?

Однако авторитет президента Триддена, как и покойного профессора Ришке, был столь непререкаем, что мы не могли не поверить им. Мы наклонились вперед и слушали, стараясь не упустить ни единого слова.

«Профессор Ришке направила свое сообщение прямо мне, — продолжал президент Тридден. — И теперь я передаю его содержание вам. Потому что все человечество должно принять решение.

У лентили есть психический блок, нечто вроде странного комплекса неполноценности — а для нас это такая мелочь, что большинство людей и не задумывается о подобных вещах. Тут, несомненно, нет нашей вины. И все же мы можем страшно навредить нашим новым друзьям, если позволим им увидеть то, что они предпочли бы не замечать. Наш долг минимизировать урон, который мы можем нанести лентили.

Поэтому я хочу попросить вас принести великую жертву».

Президент умолк на мгновение и продолжил:

«В ближайшие недели, когда мы будем го-

товиться к приему наших гостей и будущих наставников, необходимо убрать все свидетельства о нашем Даре из литературы, языка, из самой жизни!

Используя свои полномочия, я уже отдал приказ различным государственным учреждениям. В эти минуты уничтожаются каталоги Банка Данных ООН и Библиотеки Конгресса.

Разрешите мне подчеркнуть: в действительности не погибнет ни одна книга! Просто на время длительного процесса создания новой системы каталогов следует исключить все упоминания об этом человеческом таланте.

Все вы, я надеюсь, сделаете то же самое — в городах, поселках и домах. Я, конечно же, не призываю вас покончить с нашим духовным наследием. Однако мы обязаны попытаться скрыть от лентили тот факт, что люди обладают Даром, которого лишены наши гости, чтобы, когда наши благодетели появятся на Земле, они были избавлены от ненужной боли».

О, эта печаль в его глазах! Я могу поведать вам о чувствах, которые многие из нас тогда испытали. Мы испугались. Но самым сильным чувством была гордость. Да, гордость за то, что мы, люди, способны проявить благородство и доброту, ко-

гда в этом возникает нужда. Мы слушали этого великого человека, и нас наполняла решимость последовать его примеру. Да, мы совершим этот замечательный поступок, совершим то, к чему он призывает. Мы принесем необходимую жертву и будем достойны звания гражданина галактики.

Но тут президент снова заговорил.

«Конечно, мы хорошо знаем человеческую натуру. Работа, которую предстоит проделать, чтобы нам разрешили присоединиться к Галактическому Содружеству Всеобщего Блага, включает в себя отказ от всякой секретности. Мы стали расой эксцентричных индивидуалистов, которые к тому же гордятся этим. Как же мы тогда скроем существование нашего Дара? Задача практически невыполнимая, даже если вы согласитесь со мной, и мы обнаружим и уничтожим любые упоминания о нашей особой способности.

Я не сомневаюсь, что найдутся люди, которые не захотят принести великую жертву. Те — уж не знаю, правы они или нет, — кто не поверит в то, что нашим благодетелям грозит опасность, что нам следует предпринимать какие-нибудь шаги, чтобы избавить лентили от ненужных страданий.

Естественно, несмотря на все наши усилия,

сохранится большое количество записей моего выступления!

Однако надежда остается. Потому что, согласно анализу доктора Ришке, эти исключения не будут иметь значения! Во всяком случае до тех пор, пока большинство из вас не разуверится в моей правоте. И до тех пор, пока все мы будем придерживаться одной версии того, что произошло. Тогда никакие улики, свидетельства или утверждения не повредят бедным лентили. Потому что бессознательно они станут помогать нам — чтобы сохранить свое психологическое равновесие. Доктор Ришке убеждена, что если мы не станем слишком выставлять напоказ наш Дар, лентили будут просто игнорировать его».

Он помолчал, а потом произнес слова, которые я никогда не забуду.

«А теперь, уважаемые сограждане и все жители Земли, послушайте, какой будет наша версия.

В официальных документах появится запись, что в этот день Джозеф Тридден, президент Совета глав государств, окончательно и бесповоротно сошел с ума».

Тронула ли в этот момент его губы улыбка? Хотя бы тень ее? Тысячи раз я задавал себе этот вопрос, просматривая свою собственную, тай-

ную запись его выступления. Ни мне, ни другим не дано узнать, какие действительные идеи скрывались в его неожиданном предложении, таились в его обращении, которое звучало столь искренне. Не сомневаюсь, что в этот момент Земля покачнулась из-за гравитационного толчка, порожденного десятью миллиардами человеческих челюстей, отвисших одновременно.

«Да, граждане Земли. Другого пути нет. Сегодня миллионы из вас сделают то, о чем я попрошу. Вы переворошите записи, устроите беспорядок в архивах. И неважно, что далеко не всегда вам будет сопутствовать удача, потому что возникшая неразбериха явится прекрасным объяснением, когда лентили поинтересуются, почему мы так мало говорим о некоторых вещах.

И через месяц, и через год, и через сто лет в этой истории будут винить меня.

Не существует никакого Дара. У человека нет никакого особого таланта, который вызвал бы у лентили непреодолимую зависть, заставил бы испытывать комплекс неполноценности.

Вот наша версия: Дара не существует! Все это миф, рожденный воображением одного человека, свихнувшегося лидера, психика которого не смогла смириться с тем, что его власть при-

ближается к концу, и он, в последней отчаянной попытке заявить о себе, вышел в эфир и заставил миллионы людей заняться уничтожением каталогов и пленок и совершить другие идиотские, но абсолютно безвредные и легко исправимые акции саботажа.

Вам надлежит сделать следующее, жители Земли: вы должны положить конец всем официальным упоминаниям об этом Даре; тем самым, вы проявите доброту по отношению к нашим новым наставникам. А потом вы скажете, что все это результат деятельности человека, чей разум не выдержал перегрузок.

То есть президента Триддена».

И в этот момент — я уверен — он улыбнулся. Теперь уже половина всего мира была убеждена, что он действительно безумен.

А вторая половина была готова умереть за него.

«Я постараюсь остаться на своем посту как можно дольше, чтобы довести дело до конца. Однако уже сейчас начались политические сражения, врачи собрались на консультации, введена в действие конституционная процедура. У меня осталось совсем немного времени, поэтому я буду краток.

Мне пришло в голову, что по одному из вопросов я не внес ясности. Я говорил о Даре, обладателем которого является человек и который крайне редко встречается среди народов Галактического Содружества Всеобщего Блага. На данный момент он еще по-настоящему не успел развиться. На самом деле он играл в нашей жизни такую незначительную роль, что большинство из нас не замечало его и не думало о нем.

Но если бы мы обратили на него внимание…»

Он неожиданно замолчал, и по его глазам мы смогли прочесть, что появились те, кто должен был положить конец его выступлению. Президент Тридден успел лишь поднести палец к губам — древний знак, призывающий к молчанию. В следующее мгновение передача закончилась, и весь мир, как завороженный, несколько бесконечных минут смотрел на бегущие полосы помех, пока на экранах не возникли взволнованные лица государственных служащих и журналистов — моргая и заикаясь, они сообщили о том, что президенту стало плохо.

Мы не стали ждать диагноза знаменитых докторов. Мы начали уничтожать оглавления энциклопедий, с топорами в руках бросились к дверям ближайших библиотек, намереваясь

покончить — нет, не с книгами — с каталогами.

Тогда — как нам казалось — не имело значения, что он не успел сказать о том, каким же все-таки Даром мы обладаем. Что же нам следует скрывать. Устроить неразбериху, думали мы. Спрятать упоминания о нашем таланте, которые могут нанести урон другим.

Сделать нечто благородное, пока еще имеется такая возможность. Пока мы еще хозяева своей судьбы.

В ту ночь истерия стала настоящей страстью, дионисийская вакханалия, которая в глобальном масштабе принесла совсем немного вреда — довольно быстро почти все удалось восстановить. И закончилась она так же быстро, как и началась — смущенные люди постепенно приходили в себя.

«Да, — провозгласили психиатры, — президент безумен».

Когда на Землю вернулся «Грегори Бейтсон», начали расспрашивать коллег доктора Ришке, и все они клялись, что она не могла послать президенту такое сообщение. Это просто невозможно! Начали расползаться самые невероятные слухи. Поговаривали, — однако никаких серьезных доказательств тому не было, — что приказ об уничтожении «Маргарет Мид» был отдан Тридде-

ном: преступление столь чудовищное, что его не смогли приписать даже безумцу. Так или иначе было решено не тревожить прах погибших. Теперь этот человек находится там, где никому не сможет причинить вред.

Вскоре наступили славные дни встречи с лентили. Наши новые друзья давали интервью на всех каналах. И мы сразу поняли, как нам не хватало их благожелательности и доброты. Мудрые старшие братья и сестры помогут человечеству избавиться от юношеских заблуждений. Начинается новый этап в истории человечества — период взросления.

В наши дни редко вспоминают странную речь президента Триддена. Да, эксцентричных людей на Земле немало, и художники, писатели, новаторы разных мастей постоянно заявляют, что они «нашли Дар». За этими выступлениями, конечно же, ничего нет, мы их терпим точно так же, как терпят и любят нас лентили.

Но иногда случаются и настоящие открытия. Как часто публика, наблюдая за выдающимся молодым исполнителем, или изучая поразительное произведение, или слушая новую симфонию, или воспринимая дерзкую концепцию, вдруг задумывается: неужели именно об этом и говорил

Тридден? Может быть, он все-таки был прав?

Конечно же, сомнения всегда разрушают сами лентили.

Лентили говорят, что их удивляет наше поведение. Выяснилось, что большинство новичков проходят через длительные периоды смирения и сомнений, стараясь подражать своим старшим, мудрым собратьям. Лентили утверждают, что на них производят большое впечатление независимость нашего духа и стремление к новому. Но, как и прежде, они не выказывают ни малейшего беспокойства по поводу какого-то мифического Дара землян.

Когда мы вспоминаем о Триддене, если вообще вспоминаем, то говорим о нем с некоторым смущением. Он умер в клинике, и теперь его имя употребляется как нарицательное, когда речь идет о человеке, желающем поставить мир с ног на голову.

И все же…

И все же иногда меня посещают сомнения. Кое-кто еще продолжает в него верить. Эти люди вежливо благодарят наших наставников, но делают это несколько свысока, со странной уверенностью и безмятежностью, которая совсем не соответствует положению человечества в Со-

дружестве. Именно они не подвержены острым приступам меланхолии, которые часто охватывают людей, несмотря на все усилия лентили сделать все, чтобы мы постоянно чувствовали их любовь.

«Случайно ли, — задаю я себе вопрос, — что всякий раз, когда нужно по какому-нибудь поводу отправить делегацию для переговоров с Содружеством Всеобщего Блага, в ней всегда оказывается несколько последователей Триддена? И случайно ли, что именно среди них следует искать наших лучших, самых разумных и трезвых дипломатов?»

Они упорно пытаются найти — ученики безумного президента — мифический талант, который дарует нам гордость и не позволит затеряться в бескрайних просторах космоса. Они с жаром исследуют все новое — и ни время, ни ослепляющая мудрость наших наставников не производят на тридденитов никакого впечатления.

Возможно, это еще одно свидетельство безумия человечества.

Лентили шествуют среди нас, словно боги.

Мы, в свою очередь, научились кое-чему из того, что стало достоянием собак и лошадей. Мы вкушаем из той самой чаши, из которой ко-

гда-то питались наши кузены-приматы. Чаши смирения.

Не вызывает сомнения, что человечество было преисполнено гордыни, когда считало себя венцом творения. Даже в те моменты, когда мы почитали Божество, мы всегда создавали немалую дистанцию между ним и собой, отсылая Божество куда-то на небесный свод, чтобы остаться владыками Земли.

Теперь мы полны смирения и стараемся сделать все, чтобы оказаться достойными цивилизации, чьи величайшие достижения мы можем лишь с благоговением созерцать. Нет сомнений, теперь мы выглядим лучше, чем наши дикие предки. Мы умнее, добрее, можем по-настоящему любить. И, вопреки всем ожиданиям, оказались способны к творчеству.

У меня есть теория, которая объясняет эту нашу последнюю способность, однако я не собираюсь ни с кем ею делиться. Именно поэтому раз в год, рискуя прослыть чудаком, я принимаю участие в поминальной службе у скромной могилы на кладбище Бриджес. И пока большинство присутствующих говорит о чести, жалости и мученичестве благородного человека, я отдаю свое уважение тому, кто, возможно, видел, куда

пойдет человечество, и понимал, какие опасности подстерегают его на этом пути.

Я преклоняюсь перед тем, кто вручил нам бесценный Дар и сумел изменить будущее.

Да, он был мучеником. Однако я понимаю, что Тридден прихватил с собой в заточение знание, которое должно было его утешать.

Эта улыбка…

Они шествуют среди нас, словно боги. Но и у нас есть возможность ответить.

Лентили знают, что Тридден был безумен. Они знают, что нет у нас никакого тайного Дара. Мы не защищаем их от ослепительной правды, скрывая что-то из жалости. И любви.

Они знают это.

И все же раз за разом я кое-что замечаю! Я замечаю сомнение в их глубоких, выразительных глазах — когда очередное наше открытие удивляет их, пускай всего лишь на миг!

Я видел это краткое удивление и смущение. Мгновенное, но такое страшное сомнение.

Именно в такие моменты я их жалею.

Благодарение Богу, я могу их жалеть.

Перевод: В. Гольдич, И. Оганесова

Дошколята доктора Пака

О, эти руки, сильные руки, прижимающие ее к столу… сквозь боль и смятение они казались ей щупальцами тех допотопных тварей, о которых ей, маленькой, рассказывала Ола-чан, тварей, что утаскивают несчастных моряков в пучину смерти.

О, эти руки, не дающие ей вырваться, — она просила пощады, сознавая, что ни мольбы, ни протесты не помогут.

Кожу пронзили иглы, жар в местах уколов остановил ее метания — сопротивление бесполезно. Лекарство начинало действовать. Усыпляющая прохлада разливалась по жилам, больше не хотелось бороться. Тиски рук ослабли, настал черед других орудий насилия.

Вихрь хаотичных образов грозил загасить чуть теплящееся сознание. Муаровые узоры и ленты Мёбиуса — она каким-то образом знала эти вещи и их названия, хотя никогда о них не слышала. И что-то там было еще — что даже больно представить — сосуд с двумя отверстиями, и в то же время без… бутылка, внутренняя часть которой

находится снаружи…

Задача, отчаянно требующая решения. Головоломка жизни и смерти — геометрия высшего порядка.

Слова и образы завертелись, руки по-прежнему что-то делали с нею, но теперь она могла только стонать.

— Вакаримасен! — вскрикнула она. — Вакаримасен!

1

Рэйко следовало бы насторожиться, когда муж пришел домой раньше обычного и объявил, что едет по делам в Сеул и берет ее с собой. Однако в тот вечер, когда Тецуо показал ей белый бумажный конверт с двумя красно-зелеными авиабилетами, Рэйко способна была только беззаботно радоваться.

Он *помнит.*

Она, конечно, скрыла свой восторг. Поклонившись мужу с покорной готовностью, она держалась с подобающим спокойствием. Тецуо, в свою очередь, был восхитительно сдержан. Кашлянув, он продолжил ужин, будто действительно ничего такого особенного не происходит.

Но Рэйко была уверена: за этой сухостью скрывается подлинное чувство.

По какой другой причине, думала она, ему бы делать такие неслыханные вещи? Да еще перед самой годовщиной свадьбы. Второй билет в конверте, безусловно, значил, что в Тецуо еще не совсем умер тот бунтарь, которому она отдала свое сердце много лет назад, что в теперешнем респектабельном Тецуо еще жив дух свободы.

Он помнит, с ликованием думала она.

Еще не было и девяти. Вернуться так рано домой — вместо ужина с коллегами в каком-нибудь баре в центре города — само по себе редкость для Тецуо. С поклоном Рэйко предложила разбудить дочь. Юкико так редко проводит время с отцом.

— Ииэ… — отвечал Тецуо, отвергая эту идею. — Пусть ребенок спит. Я все равно хотел сегодня лечь пораньше.

Сердце Рэйко, казалось ей, выпорхнет из своей клетки от таких слов. Убрав со стола, она сделала необходимые приготовления — на всякий случай.

И в самом деле, этой ночью он был с нею в постели— впервые за много месяцев от него не пахло пивом, табаком, другими женщинами. Он любил ее с той силой, о которой она уже начала забывать, начала сомневаться со временем — не выдумала ли все сама.

Почти ровно шесть лет назад они, молодожены, не отрывающие друг от друга счастливых глаз, проводили медовый месяц на Фиджи, едва замечая горы, рифы, местных танцоров — эта экзотика была созвучна их счастью и только подчеркивала самодостаточность их союза. И на следующий год все было так же, герои счастливой романти-

ческой сказки жили в реальном мире. В те дни даже стремительная карьера Тецуо оказалась на втором — после их любви — месте.

Так продолжалось до тех пор, пока Рэйко не забеременела. Она и не думала, что когда-нибудь они с Тецуо перестанут быть любовниками, будут вести монотонную, скучную супружескую жизнь. Но так случилось.

Тецуо крепко зажмурился и задрожал, тело его пронзила судорога оргазма… Его сладкое дыхание, его тяжесть… Кончиками пальцев Рэйко пробегала по знакомым изгибам спины. Прежний юноша обрел тело взрослого мужчины. Сегодня ее руки ощущали некоторый спад напряжения, что все эти годы медленно нарастало в нем и концентрировалось в позвоночнике.

Тецуо редко говорил о работе, но все же она знала, что ему трудно. Начальство, похоже, все еще не доверяло ему полностью после инцидента двухлетней давности — он предложил фирме внедрить неяпонскую бизнес-практику и потерпел неудачу. Поэтому, казалось ей, он позволил огню их страсти померкнуть перед лицом более важных обстоятельств. Это естественно.

Но теперь все, похоже, вернулось. Тецуо помнил; в мире все было прекрасно.

Вместо того, чтобы просто отвернуться и заснуть, Тецуо, гладя ее волосы, ласково что-то шептал, Рэйко чувствовала, что ее обволакивает тепло, будто внутри поднималось солнце.

2

Она давно не была в аэропорту — со времен медового месяца. И не могла не почувствовать разочарования — на этот раз все было совсем по-другому.

А могло ли и быть по-прежнему? — упрекнула она себя за сравнение. В конце концов разные направления привлекают разные типы людей. Вряд ли могут быть похожи пассажиры из этого отсека на тех, в глубине зала, отправляющихся из Токио на Фиджи, или на Гавайи, или в Испанию — молодые пары, летящие по орбите своего блаженства, не видя с этой высоты ничего, кроме друг друга.

На таких рейсах группы новобрачных нередко устраивают конкурсы пения, там аплодируют всем, каким бы ужасным ни был голосу у поющего. В конце концов в касании их рук гармонии гораздо больше, чем в музыке.

Некурортные пассажиры были одеты иначе, говорили и вели себя по-другому. Каждый сектор представлял собой как бы один из срезов современной жизни, один из ее очередных этапов, каждый из которых сопровождается сменой

облика.

Самолеты на Европу и Америку перевозили в основном тургруппы, состоящие из обеспеченных пожилых семейных пар, или студентов, одинаково одетых и держащихся стайками, будто вокруг рыскали хищники, подстерегающие каждого, кто неосторожно отстанет.

И, конечно, там были ретивые бизнесмены, посвящающие даже время между рейсами сосредоточенному изучению своих представительских материалов… современные самураи… сражающиеся за Японию на полях коммерции.

Самый близкий к Рэйко выход — к рейсам на Бангкок, Манилу, Сеул. И здесь тоже бизнесмены, но они направляются уже за наградами — плодами своего успеха. Женщины часто сплетничали о том, что происходит во время этих… поездок *кайрайк.* Рэйко никогда не знала, чему тут можно верить, но предвкушения обладателей билетов именно этого сектора ощущала. Большинство пассажиров — в деловых костюмах, но их настроение отнюдь не было деловым. В руках кейсы, но, похоже, работа никого особенно не занимает.

Рэйко не заблуждалась, какого рода «коммерцией» занимались во время таких поездок. Впрочем, в Корее быстро развивается промышленность…

Скорее всего, половина таких командировок и в самом деле были деловыми.

Вот Тецуо, должно быть, действительно направлен компанией по делу, иначе, зачем бы ему приглашать ее с собой? Возможно, эти россказни всё сильно преувеличивают, решила Рэйко.

Иностранцы ожидали посадки с типичной для *гайжин* несдержанностью — громко разговаривая, бесцеремонно рассматривая окружающих. За суетящимися европейцами и американцами выстроилась аккуратная очередь японцев.

Юми, сестра Рэйко, подняла Юкико, чтобы та помахала родителям на прощание. Девочка казалась грустной и растерянной, но вела себя хорошо. Она уже разбиралась в том, что прилично на людях, а что нет, родителям не пришлось краснеть за ее слезы. Идя с Тецуо в толпе по пандусу, Рэйко почувствовала острую боль расставания, хотя знала, что Юкико будет хорошо с тетей. Самое худшее — Юми может ее разбаловать.

На борту Рэйко заметила, что они не одни такие — в хвостовом отсеке расположились еще несколько супружеских пар. Женщины, казалось, нервничали больше своих мужей и внимательнее слушали стюардесс, проводивших инструктаж на случай вынужденной посадки.

Пронесясь по взлетной полосе, огромная машина, наконец, поднялась в воздух.

Предупредительные огни погасли, струйки сигаретного дыма поплыли по салону. Мужчины потянулись в буфет. Вскоре из-за перегородки послышался звон бокалов и резкий смех.

Рэйко поглядывала на других женщин, тихо сидевших рядом с опустевшими креслами. Одни смотрели на зеленые горы Хонсю, пока самолет набирал высоту. Другие негромко беседовали между собой. Кое-кто просто разглядывал свои руки.

Рэйко задумалась. Вряд ли все эти мужья взяли своих жен в деловую поездку в Сеул только ради супружеских утех. Вряд ли.

Тут до нее дошло, что она разглядывает сидящих слишком пристально, и быстро опустила глаза. Но все же успела кое-что заметить: все другие жены были ее ровесницами… Она обернулась, чтобы поделиться этим наблюдением с мужем, и часто заморгала, обнаружив рядом с собой пустое место.

Пока она смотрела по сторонам, Тецуо потихоньку ушел. Вскоре из-за перегородки послышался знакомый смех.

Она опустила глаза и нашла свои руки удиви-

тельно интересными — прекрасная кожа, тонкая сеточка линий.

3

Тем же вечером в номере Тецуо сообщил, зачем он взял ее в Сеул.

— Нам пора иметь сына, — сказал он сухо.

Рэйко послушно кивнула.

— Сын — наша надежда.

Тецуо, конечно, любил свою дочь, но явно хотел мальчика, и Рэйко постаралась бы доставить ему такую радость. Впрочем, не он ли настаивал, чтобы она еженедельно покупала противозачаточные средства в соседней аптеке и регулярно ими пользовалась?

— Мы можем себе позволить еще только одного ребенка, — продолжал он, повторяя то, что она уже знала. — Поэтому, мы должны быть уверены, что второй ребенок обязательно будет мальчиком.

Полушутя, она предложила:

— *Шю дин*[2], каждый день я буду ходить в храм Мизуко Джизо и возжигать благовония.

Если она надеялась вызвать его улыбку, то напрасно. Когда-то он подшучивал над древними

---

[2] Примечания: 2

Шю дин — шутливое обращение к мужу, вроде «хозяин».

суевериями и они вместе смеялись — она, дочь ученого, и он, умный молодой бизнесмен, закончивший университет в Америке. Теперь, однако, Тецуо кивнул и, казалось, принял ее обещание всерьез.

— Хорошо. Но в любом случае, мы дополним молитвы технологией.

Из кармана пиджака он достал тоненькую брошюру и вручил жене. Оставив ее одну читать в их маленьком номере, он спустился в бар к знакомым.

Рэйко увидела кричащие строки, резко напечатанные латинским шрифтом.

«Клиника Пака Джунга

Служба Селекции Пола Сеул, Гонконг, Сингапур, Бангкок Тайпей, Мексико Сити, Каир, Бомбей

Удовлетворение Гарантировано»

Немного позже она разделась и легла в постель. Но там, в темноте, одна, она поняла, что не сможет заснуть.

4

В клинике было довольно приятно. Во всяком случае лучше, чем ожидала Рэйко. Ей рисовалась леденящая, стерильно-белая обстановка больницы. А приемная пастельных тонов, расписанная аистами и другими символами счастливой судьбы, показалась обнадеживающей. Тецуо остался за дверями, но улыбнулся и ободряюще кивнул, когда вышла медсестра, чтобы проводить ее в смотровой кабинет.

Врачи держались профессионально учтиво, за что Рэйко была им благодарна. Они прослушали, и простучали ее, и измерили температуру. Когда пришло время брать всякие анализы, боли почти не чувствовалось, а ее честь защищалась перегородкой, проходящей на уровне пояса.

Потом ее вернули в приемную. Провожавший ее врач поклонился и сказал Тецуо, что она будет готова зачать через три дня. Тецуо удовлетворенно вздохнул и, перед тем как уйти, еще раз раскланялся с доктором.

Следующие несколько дней Рэйко мало видела Тецуо. Похоже, у него действительно были дела в Сеуле — встречи, совещания по анализу

рынка. Рэйко и другим будущим мамам клиника предоставила гида. Они посетили Олимпийскую деревню, военные мемориалы, грандиозные музеи. Изредка какой-нибудь прохожий неприязненно оглядывался на них, слыша японскую речь. В остальном, корейцы показались Рэйко гораздо симпатичнее, чем ей представлялось из историй, слышанных с детства. Но вполне возможно, встречные корейцы в свою очередь думали так же. Все это было очень интересно.

И все же, это не могло быть повторением медового месяца. Она и не надеялась на возрождение былого блаженства. Два вечера подряд Тецуо возвращался в номер поздно. Она чувствовала, что часть своего дня он проводил в интимной близости с другими женщинами.

Даже объяснение, данное одной из будущих матерей, мало смягчило разочарование Рэйко.

— Некоторое количество свежего семени необходимо клинике для пополнения запасов, замороженных в предыдущие визиты, — говорила ей госпожа Накамура, пока они вместе ждали в приемной на третий день. У Рэйко голова пошла кругом.

— Вы… вы хотите сказать, он некоторое время был донором?

Госпожа Накамура кивнула, утверждая, что Тецуо задумал все это давно, по меньшей мере несколько месяцев назад. Во время двух последних поездок в Сеул он наверняка посещал клинику — сдать сперму на заморозку. Или, что вероятнее, он воспользовался ближайшим домом *кайрайк,* который, Рэйко теперь была уверена, поддерживал деловые отношения с врачами Пака Джунга.

— Я уверена, у заведения есть лицензия, и они там регулярно проходят осмотр, — добавила госпожа Накамура. Рэйко поняла, какое заведение имелось в виду, и страшно разозлилась при одной мысли, что Тецуо может прийти в голову посетить нелицензированный дом, подвергнув свою семью риску заразиться какой-нибудь постыдной болезнью *гайжин.*

Она сдерживала себя, понимая, что ее бурная реакция отчасти вызвана горьким разочарованием. Впрочем, Рэйко пыталась и здесь увидеть свою светлую сторону. Донорский материал наверняка должен быть быстро обработан. Вот почему Тецуо продолжал пользоваться увеселительным заведением даже тогда, когда она была *здесь.*

Она хорошо понимала, что сама себя успокаивает. Но сейчас защитить ее от отчаяния могли

только такие слабые доводы. Когда настало время, Рэйко легла и крепко прижала руки к груди, чтобы перенести вторжение холодного стекла и пластика. Под наркозом ей снилось ее первое зачатие, которое произошло естественным путем, когда ее руки и ноги обвивали живого теплого человека — любимого мужа.

5

Через три недели после их возвращения в Токио стало ясно, что все удалось — по крайней мере в том, что касается зачатия. Слабость и рвота подтвердили радостную новость также четко, как и окрасившаяся полоска из домашнего тест-набора. Подтверждения же мужского пола ребенка нужно было еще ждать несколько недель. Но уверенность Тецуо окрыляла Рэйко.

Маленькая Юкико достигла того возраста, когда на полдня ребенка нужно отводить в дошкольную группу. Рэйко приводила дочь на игровую площадку и наблюдала от входа как, выстроившись в своих униформочках, дети внимательно следят за каждым элементом заботливо продуманных упражнений. Им, похоже, нравилось одновременно хлопать в ладоши, в такт обучающим ритмам, подобранным воспитателями. Но как знать, что лучше для ребенка?

Рэйко часто задумывалась, правильно ли они сделали, начав образование Юкико так рано — на целых два года раньше, чем положенно по закону.

«Доузо охайри, насай![3]» — кричала руководительница своим маленьким воспитанникам. Аккуратные ряды четырехлеток строились парами, проходили под арку, увитую бумажными цветами. Все это было так чуждо и непохоже на ее собственное детство.

Она знала — сейчас трудные времена, Тецуо решил обеспечить своим детям максимальные преимущества перед вступлением в мир конкуренции. Юкико была одной из десяти девочек в подготовительной группе *джуку*, все остальные были мальчики. Обычно считалось излишним беспокоиться о женском образовании. Но Тецуо был убежден, что их дочь тоже должна получить подготовку, обеспечивающую лидерство, во всяком случае среди девочек.

Тонкие голоски декламировали стихи… Рэйко помнила, что до вступительных экзаменов в детский сад маленькой Юкико осталось всего четыре недели. А для мальчиков курс *джуку*, насыщенный напряженной учебой и частыми испытаниями, начинался даже раньше. Это делалось с согласия родителей, вверяющих судьбы малышей специальным «детским университе-

---

[3] Примечания: 3

Доузо охайри, насай! — Пожалуйста, входите! *(яп.)*

там», что стоило, кстати, немалых денег.

Месяц назад в печати появилась статья о шестилетке, которому стало стыдно жить, когда он не сдал экзамен… Рэйко отвернулась с содроганием. Она поправила *оби*[4] и, глядя под ноги, поспешила на ближайшую станцию — нужно было успеть на следующий поезд.

Похоже, спасительного часа пик больше не существовало. Гибкий график работы только растягивал хаос на весь день. Станционный регулировщик в белых перчатках втиснул Рэйко в вагон. Автоматически она отгородила невидимыми ширмами свое тело и самое свое существо, игнорируя толкущихся незнакомцев — женщин с сумками в ногах, множество мужчин, прячущих глаза за иллюстрированными журналами, — пока ее не вынесло на платформу возле Университета Кайго.

Смог, копоть и шум транспорта уничтожили полудеревенскую атмосферу, вызванную воображением из прошлого. Самые ранние воспоминания Рэйко — тогда она была в возрасте Юки-ко — о старинном доме, где она, дочь профессора, выросла, тихо играя на полу пыльного кабинета,

---

[4] Примечания: 4

Оби — широкий пояс кимоно *(яп.).*

пропитанного ароматом книг, которыми он был забит до самого потолка, и чьи стены украшены были прекрасной каллиграфией макимоно[5]. Втайне от отца она сосредоточенно вслушивалась в его беседы со студентами, коллегами и даже с посетителями *гайжин* из чужих стран, по-детски уверенная в том, что со временем она научится понимать их смысл и однажды войдет в его мир, чтобы разделить с отцом его труд, его гордость, его свершения.

«Когда же изменились мои мечты?» — удивилась Рэйко.

Воспоминания о детских фантазиях обычно вызывали у нее улыбку. Но сегодня они почему-то расстроили ее.

«Я изменилась очень давно, — думала она. — И на что мне жаловаться, когда у меня есть все?»

Однако, как ни странно, ее сестра Юми, такая тихоня в детстве, теперь стала образованной и уверенной в себе, а она, Рэйко, не может представить себе более важной роли, более великой чести, чем исполнять обязанности жены и матери.

Хорошо бы зайти повидать отца. Но сегодня

---

[5] Примечания: 5

Макимоно — рукописные свитки *(яп.).*

времени совсем не будет. Раньше всех ее новости должна узнать Юми. Рэйко поспешила через дорогу туда, где напротив университета размещались коммерческие фирмы — фаланга индустриальных гигантов, чье надежное партнерство способствовало процветанию Кайго. Охранник у служебного входа «Фугизуку Энтерпрайзерз» узнал ее — раньше она работала здесь и потом часто заходила. Он поклонился и, улыбаясь, попросил только расписаться в карте посетителей.

Кратчайшим путем, вдоль гигантской стеклянной стены, Рэйко направилась в Сад Созерцания компании. За этой прозрачной преградой в лабораториях «Фугизуку» выпускали известную всему миру биоинженерную продукцию.

Тысячи белых клеток располагались по стенам огромного зала, в каждой — по три-четыре белых хомячка, полученных для достижения безупречной идентичности путем клонирования. Подчиняясь неслышному, но настойчивому ритму автоматов, четко поднимающих и переносящих клетки к длинному столу, работали люди в масках и белых халатах — поблескивали их иглы и скальпели.

Даже через стекло Рэйко чувствовала знакомую

вонь грызунов. Она проработала здесь несколько лет, до первой беременности. «Либерализм» *гайжин* внедрился ныне настолько, что женщины больше не были обязаны увольняться сразу после свадьбы. Сказать по правде, Рэйко не очень скучала по этой работе.

Задняя дверь выходила во внутренний дворик — тихое и спокойное место в центре огромного Токио. В саду, среди заботливо ухоженных карликовых деревьев и аккуратных песочных грядок, под тонко вырезанными вратами храма церемония подходила к концу. Рэйко сложила руки и вежливо ждала, пока священнослужитель закончит мантру, многие женщины из «Фугизуку» кланялись у окутанного благовониями алтаря. Машинально Рэйко присоединилась к молитве.

— О, Ками[6] Маленьких Млекопитающих, прости нас! Не наказывай наших детей за то, что мы делаем тебе.

Ежемесячный ритуал совершался для умиротворения духов убитых хомяков, отдавших свои жизни, так много жизней, на благо компании, ради общего процветания. Когда-то такие

[6] Примечания: 6

Ками — многозначное слово, которое может употребляться как в мужском, так и в женском роде, и несущее значения: бог, дух, судьба. *(Прим. ред.)*

молебны смешили Рэйко, но теперь она не чувствовала себя так уверенно. Разве не сама жизнь устанавливает равновесие? *Гайжин* бесконечно спорят о том, насколько это этично — приносить животных в жертву человеку. «Спасите китов!» — кричат они, — «Спасите криль!». Но зачем Западу так беспокоиться о защите низших животных, если только там тоже не боятся неумолимого возмездия кармы?

Если животные действительно имеют ками, то их призраки должны бродить тут, в здании «Фугизуку», и необходимо предпринимать защитные меры. Ведь едва открывают глаза новорожденные хомяки, как им вводят вирусы для выработки антител и интерферона. Жертвуют тысячами зверьков ради нескольких миллиграммов драгоценных чистых молекул.

Теперь, когда новая жизнь формировалась внутри нее, Рэйко не могла пренебрегать малейшей возможной опасностью. Она страстно присоединилась к примирительной молитве.

О, злые духи, не троньте моего ребенка.

6

Позже Рэйко с Юми перекусили в саду — Рэйко принесла завтрак в лакированной коробке. Ее новость Юми встретила с восторгом, с увлечением говорила о всех приготовлениях, которые необходимо сделать, прежде чем ребенка привезут домой. В тоже время Рэйко казалось, что под энтузиазмом сестра скрывает какие-то опасения.

Наверняка Юми с самого начала догадывалась о настоящей причине их поездки в Сеул. Во многом младшая сестра была гораздо проницательней Рэйко. Тем не менее Юми никогда не упрекала Рэйко за ее брак, не говорила ничего такого, что могло бы разрушить надежды сестры. Вот и о Тецуо она сказала теперь лишь:

— Когда наша семья познакомилась с ним, отец и все мы думали, что тебе будет трудно уживаться с Тецуо, при его эксцентричности и приверженности идеям западного либерализма. Теперь же он очень нас удивил. Кто мог знать, что спустя несколько лет твой муж пожелает стать образцовым японцем?

Рэйко широко раскрыла глаза. Тецуо пытается это делать? Она задумалась. Но никакие уговоры

не заставили Юми сказать что-нибудь еще.

7

Вторая поездка в Сеул была еще короче и едва ли не внезапнее первой. Рэйко едва успела сложить ранец Юкико и отвести ее к Юми, как им уже нужно было спешить в аэропорт, на рейс, на который заказал билеты Тецуо.

Опять врачи из клиники Пака брали анализы за перегородкой чести. Рэйко хватило образования, чтобы понять суть случайно услышанного разговора.

Они говорили о тестах… тестах на потенциальные генетические дефекты, рецессивный дальтонизм, скрытые признаки близорукости, на правильность половых хромосом. Когда смысл этих слов дошел до нее, у нее затряслись колени.

Они решали, жить или умереть плоду, еще такому маленькому, что внешне еще ничего не было заметно.

Она слышала, что еще и теперь в деревнях на окраинах Китая новорожденных девочек топят. А здесь их тестируют, выявляют и удаляют из матки до первого крика. Еще до того, как душа успеет даже обрести форму.

Рэйко боялась, что ей сейчас объявят о таком

непоправимом дефекте плода как женский пол. А когда они вернулись с хорошими новостями, улыбаясь и кланяясь, Рэйко чуть не упала в обморок от облегчения. С этого времени Тецуо стал так внимателен, словно беременность была ее великим свершением, и теперь он мог гордиться своей женой.

Летя домой, они держались за руки. И следующее четыре чудесных месяца Рэйко думала, что ее испытания близятся к концу.

Теперь Тецуо часто приходил домой рано, пропуская все (кроме самых важных) бизнес-обеды и встречи с коллегами. Он играл с Юкико, шутил и смеялся. Вместе с Рэйко они обсуждали будущее сына, который с рождения будет окружен самым пристальным вниманием, получит самое лучшее образование, у которого будет все, что необходимо для успеха в этом жестоком расчетливом мире, полном конкуренции.

Его сыну, поклялся Тецуо, не придется раболепствовать, чтобы подниматься по иерархической лестнице и обрести наконец высокий статус. Он не позволит ни детям, ни учителям мучать своего сына жестокими ритуалами групп солидарности *куми.* Его сын сам станет главой иерархии. Когда его сын будет произносить *кампай,* его бокал

поднимется выше остальных.

Когда Тецуо прикасался к ее растущему животу, его взгляд светлел, и Рэйко чувствовала, что ради этого стоит жить.

Потом, на четвертом месяце, Тецуо принес еще один тонкий белый конверт с двумя красно-зелеными авиабилетами.

8

Она вскрикнула от удивления, когда увидела изображение на экране. Доктора Клиники Пака направили ультразвуковые волны в ее матку, а компьютеры преобразовали беспорядочные отражения в поразительную картину жизни, развивающуюся внутри нее.

— Это похоже на обезьяну! — закричала она в ужасе. Ее мысли заметались: «Наверняка, это что-то такое, чему доктора никогда не позволят родиться!»

Один из них грубо расхохотался. Другой был внимательнее. Он объяснил:

— На этом этапе развития плод имеет много общего с нашими далекими предками, которые жили давным-давно. Совсем недавно, например, у него были жабры и хвост. Но они уже рассосались. Последовательно он будет становиться похожим на тех предков, что стоят к нам все ближе и ближе, пока, наконец, не появится в человеческом облике.

Рэйко облегченно вздохнула. Кто-то упомянул звучащий по-западному термин «резюме», и вдруг она вспомнила, что однажды слышала

или читала об этом. Покраснела от стыда — ну конечно, эта вспышка заставит их думать, что она истеричка.

— Главное, мы установили, — продолжали врачи, — что акустические нервы уже на месте, и вскоре начнут функционировать глаза.

— Значит, все хорошо? — спросила она. — Мой малыш здоров?

— Ваш Минору будет замечательным, сильным мальчиком.

— И можно теперь домой?

Второй врач покачал головой.

— Мы переходим к выполнению следующей части нашего контракта. Нужно ввести к вам в матку очень важное устройство. Не беспокойтесь. У нас тут большой опыт, а вам это не доставит никаких неудобств, только придется пробыть в клинике двое суток.

Потрясенная, Рэйко даже не думала возражать, когда ей делали укол. С внезапной сонливостью она смотрела на расплывающийся мир, пока ее везли в операционную. Там разговаривали тихо, это был разговор профессионалов между собой. К ней никто не обращался.

— *Гомэн насай,* — произнесла она, почувствовав маску анестезии, и сладкий, приторный запах

появился во рту и горле. — Простите, я очень устала.

Приглушенные мысли Рэйко носились вокруг раскаленного ядра стыда. Она забыла, за что просит прощения, но что бы это ни было, Рэйко знала, это должно быть что-то ужасное.

9

Вскоре, после третьего возвращения домой, ее сны начали наполняться кошмарами. Они вырастали из смутного, неясного ощущения подавленности и страха. Кошмары не будили ее, но по утрам, когда нужно было провожать Тецуо на работу и Юкико в сад, она ощущала усталость. Часто, когда все уходили, она падала обратно на татами. У нее не было сил. Эта беременность, похоже, отнимала у нее гораздо больше сил, чем первая.

К тому же эта музыка. От музыки некуда было деться.

Вначале было даже приятно. Крошечный механизм, имплантированный в матку, едва ощущался пальцами. Он питался энергией от маленьких батареек, которых вполне хватит еще на пять месяцев.

На данном этапе развития плода устройство только и делало, что играло музыку. Бесконечно, снова и снова, музыка.

— *Минору ва, гаку сей десу,* — сказал Тецуо. — Маленький Минору теперь студент. Его мозг, конечно, пока не способен воспринимать более

сложные уроки, но музыку он может воспринимать даже сейчас. Он родится с отменным слухом, зная гармонию как бы инстинктивно.

Тецуо улыбался.

— *Минору кун ва, он-гаку га суки десёу*[7].

Так, ряды звуков повторялись, снова и снова, пульсируя в ней как гидролокатор, отражаясь от стенок и перегородок тела, преломляясь и пронизывая ее внутреннее море, резонируя с ударами ее сердца.

Юми перестала приходить к ним в те часы, когда Тецуо мог быть дома. Отец назвал отвратительным согласие Тецуо на вмешательство в естественный ход вещей. Рэйко вынуждена была защищать Тецуо.

— Вы слишком прозападные, — повторяла она слова мужа. — Вы также слепо принимаете *гайжин* и их чуждые понятия о природе и вине. В том, что мы делаем, нет ничего постыдного.

— Сомневаюсь, — отвечал отец раздраженно.

Юми вмешалась:

— Постыдно утаивать тогда то, что вы делаете.

— Что ж, — отвечала Рэйко, — только вы двое и выражаете неодобрение. Все друзья и коллеги

---

[7] Примечания: 7

Минору кун ва, он-гаку га суки десёу. — Кажется, Минору любит музыку. *(яп.)*

Тецуо восхищаются этим! Соседи заходят ко мне послушать музыку!

Отец и сестра переглянулись, словно она сама только что подтвердила их правоту. Но Рэйко не поняла этого. Она знала только, что должна оставаться на стороне мужа. Другого выбора у нее не было. У Юми есть еще возможность построить для себя более «современный» брак, но Рэйко, как ей казалось, такой путь мог привести только к семейному хаосу.

— Мы стремимся с самого начала предоставить нашему сыну максимальные преимущества, — заключила она. И на это, конечно, трудно было возразить.

— Посмотрим, — подытожил отец.

И она, переменив тему, заговорила о цвете осенних листьев.

10

На исходе шестого месяца предмет в матке произнес первые слова.

Она вскочила в темноте, кутаясь в одеяло. В первый момент Рэйко в ужасе подумала, что это призрак, или сам младенец шепчет зловещие пророчества из глубины ее тела. Слова были неразборчивыми, но вызывали вибрацию, которую она чувствовала трясущимися пальцами.

Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это опять машина, приступившая к следующей фазе обучения плода. Рэйко со вздохом облегчения откинулась на подушки. Рядом, не догадываясь о таком событии, тихо, удовлетворенно, похрапывал Тецуо.

Рэйко лежала, прислушиваясь. Она никак не могла разобрать, что именно излагала машина — медленно, с повторениями. Но малыш *отреагировал* — задвигался. Может, он поворачивается поближе к динамику, думала она. Или, наоборот, пытается отвернуться. Если так, то он в ловушке, заключен в самой тесной, самой безопасной, круговой тюрьме.

Врачи уверяли, что это не вредно, напомнила

себе Рэйко. Конечно, эти мудрые люди не сделают ничего плохого ее ребенку. Впрочем, хотя это и был новейший метод, они с Тецуо не были первыми. До них были другие, доказавшие, что все нормально.

Успокоившись, но зная, что сон не вернется, она встала до восхода солнца, которое превратит небо на востоке в скучную туманную серость. Рэйко с головой погрузилась в домашние хлопоты, стремясь сделать жизнь своей семьи как можно приятней и удобней.

Однажды вечером они вместе сидели перед телевизором, была передача о генной инженерии. Репортеры увлеченно рассказывали о том, как в будущем ученые смогут расчленить и объяснить код самой жизни. Люди специализируют растения, животных, даже своих потомков, сделают их сильнее, умнее, лучше, чем когда-либо.

Она услышала, как Тецуо с завистью вздохнул, но ничего не сказала. Она же с облегчением положила голову ему на плечо, скрывая свои мысли.

«К тому времени мне уже будет поздно рожать. Все эти чудеса будут заботой других женщин».

Рэйко знала, что будет дальше. Она очень старалась заранее подготовить себя и все-таки испытала шок, когда примерно через неделю ее

живот засветился. Ночью, когда огни в доме были погашены, можно было видеть, как ее растущий живот слабо переливался различными цветами. Внутри нее что-то мерцало. Но это был холодный свет.

Вскоре пришли любопытные соседки, они хотели все увидеть своими глазами. Они восхищенно перешептывались, глядя на свечение, которое передалось ее коже от маленького устройства, и обращались к ней с таким уважением, что она не посмела прогнать их, как бы ей этого ни хотелось.

Напросились в гости даже несколько завистливых коллег Тецуо, чтобы тоже посмотреть. На другой день Рэйко должна была спешно готовить особо изысканный обед для начальника Тецуо. Большой человек похвалил ее умение стряпать и высоко оценил смелость и проницательность Тецуо.

Рэйко не стеснялась показывать небольшой участок кожи в затемненной комнате, и, когда гости хотели послушать уроки Минору, холодные прикосновения стетоскопа ее не смущали. Стыдливость ничего не значила по сравнению с той гордостью, которую она испытывала, помогая Тецуо.

Хотя она все-таки беспокоилась. Что показывала ребенку машина, там, внутри нее? Может быть, он уже изучает дальние страны, которых сама она никогда не видела? Или машина описывает ему биологические факты жизни? Где он уже побывал и что с ним происходит?

Или машина запечатлевает в нем холодные, изящные математические формулы, формируя гения, пока его мозг податлив как тесто?

Отец кое-что объяснил ей, когда она предпоследний раз навещала родительский дом. Пока Юми с матерью убирали посуду после обеда, профессор Сато просматривал названия программ, перечисленных в брошюре Клиники Пака.

— «Абстрактная геометрия и топология», «Определение музыкальных тонов», «Основы лингвистики»... *Хон га нан-сатзу аримас-ка?*[8] Хм-м. — Отец отложил брошюру и попытался объяснить. — Безусловно, плод не может усвоить предметы, которых не в состоянии усвоить ребенок. Он не может по-настоящему понимать речь, например. Он ничего не знает пока о людях и о мире. Специалисты, по-видимому, знают, что бесполезно перегружать фактами бедного

---

[8] Примечания: 8

Хон га нан-сатзу аримас-ка? — Сколько у нас книг? *(яп.)*

малютку. Пока это прокладка путей, тропинок… закладка основ тем способностям, которые ребенок проявит позже, в школьные годы. — Нехотя отец признал, что ученые, похоже, умеют это делать. — Очень они умные, — сказал он. Вздохнув, добавил: — Это не обязательно значит, конечно, что они действительно знают, что делают. Лучше бы они были не такие умные. Хотя бы наполовину.

Предупреждающий взгляд Юми заставил его замолчать. Но одного его тона оказалось достаточно, чтобы Рэйко вздрогнула.

Вскоре она стала избегать отца и даже Юми. Дни тянулись, а тяжесть, которую она носила, все увеличивалась. Плод теперь почти не шевелился. У нее было такое ощущение, будто он все внимательнее прислушивается к своим урокам.

11

Их навестили специалисты из Клиники Пака, вооруженные приборами — знакомыми и незнакомыми. Рэйко обследовали, измеряли, считывали память внутреннего устройства, приставив к ее животу какой-то прибор. Потом, что-то горячо обсуждая, начали собираться. Только напоследок один из них вспомнил о Рэйко и сказал, что ее сын развивается прекрасно. Между прочим, он — редкий экземпляр.

Пришел домой Тецуо и рассказал, что у людей Пака появилась новая захватывающая идея, которую они хотят экспериментально испытать.

— Несколько зародышей, как у нас, особенно хорошо воспринимают уроки. Но эти уроки по сравнению с новейшей программой — примитив!

Рэйко коснулась его руки.

— Тецуо, срок его рождения совсем близок. Примерно через месяц. Зачем постоянно торопить малыша?

Улыбнувшись, она попыталась заглянуть ему прямо в глаза, чего не решалась делать прежде.

— В конце концов, — уговаривала она, — во

внешнем мире у студентов бывают иногда каникулы. Может быть, и ему отдохнуть?

Тецуо будто не слышал. Его распирало от новостей.

— Слушай, совсем недавно они сделали действительно фантастическое открытие. Некоторые младенцы, оказывается, способны к телепатии, и именно в последние недели перед рождением!

— Те… те-ре-патиу… — Рэйко пробовала на вкус слово *гайрайг*о.

— Но эти способности кратковременны. Мать только ощущает, что ее связь с ребенком усилилась. Родовая травма всегда уничтожает их. Даже самое осторожное кесарево сечение…

Сел на своего конька. Рэйко, сдаваясь, опустила глаза, она знала, что не сможет пробиться сквозь этот пылкий энтузиазм. Тецуо не изменился. Он был все тем же импульсивным мальчишкой, за которого она выходила замуж. Беззаботный, как *зоку*[9]. Только теперь он знает, что лучше не увлекаться непопулярными западными выдумками — вместо этого можно подобрать подходящие восточные.

Когда на следующий день пришли специа-

---

[9] Примечания: 9

Зоку — член молодежной группы в городе *(яп.).*

листы, она, без всяких вопросов, позволила им работать. Ей надели бандаж из тонкой сетки. Когда медики ушли, она молча легла, отвернувшись к стене.

Звонила Юми, но Рэйко отказалась встретиться с ней. С родителями отложила встречу тоже, сославшись на слабость.

Маленькой Юкико, чуткой как всегда, сказали, что в конце беременности у женщин часто меняется настроение. Она тихо делала уроки и играла с компьютерным учителем, сидя в своей комнатке.

Тецуо получил повышение. Празднование этого события затянулось. Когда он пришел домой, пахнущий рыбой, саке и ресторанными девушками, Рэйко притворилась спящей. На самом деле, она прислушивалась. Аппарат почти перестал светиться. Не издавал ни звука. И все-таки Рэйко чувствовала, что понимает, о чем говорит машина с ее сыном.

Ее полусон заполняли тени… невозможные формы, сосуды с отверстиями, и в то же время — без. В голове крутилось одно и то же слово «топология».

Всю следующую неделю она пыталась приободриться. Временами ей казалось, что она носит

Юкико… она ощущала такую глубокую, прочную связь с плодом, которой не способна помешать никакая машина. В такие моменты Рэйко чувствовала себя почти счастливой.

Наступил Конец Года, и большинство мужей всю неделю веселились, размахивая руками и прыгая на празднованиях *Бонен-кай,* толпы будто хотели утопить старый год в алкоголе. Автоматы с саке на станциях опустошались быстрее, чем компании-производители успевали их заправлять. Умудренные опытом женщины и дети старались не выходить на улицу.

Однажды ночью Тецуо вернулся пьяный и долго прохаживался по поводу ее отца, прекрасно зная, что, по традиции, все сказанное им в таком состоянии не может быть принято всерьез. Однако Рэйко перетащила свой татами в комнату Юкико. Она тихо легла, вспоминая о том, что однажды сказал ей отец:

— Мы оба, и Тецуо и я, верим в союз Востока и Запада. По обе стороны Тихого океана люди мечтают о воссоединении этих сил. Но здесь возникают разногласия. Что называть силой, Рэйко? Люди, вроде Тецуо, видят только силу западного редукционизма, и хотят совместить его с нашей дисциплиной, с традиционными методами гар-

моничного соперничества. Я с этим никак не согласен. Что запад действительно может дать, единственное, что может он предложить, это честность, дитя мое. Каким-то образом, из глубин своей ужасной истории, лучшие среди гайжин вынесли замечательный урок. Они научились не доверять себе, сомневаться в том, чему их учили или во что им хотелось бы верить. С таким знанием даже то, что считается истиной, может быть пересмотрено. Это было великое открытие, достойное даже того сокровища, которое Восток мог предложить в ответ — дара гармонии.

Рэйко не понимала его — ни тогда, ни теперь. Но Юми, казалось, уловила некий смысл.

— И, значит, говорить о том, кто победит, Запад или Восток, бессмысленно, да, папа?

— Нет, — сказал он. — Конечно, синтез обязательно состоится. Только остается неясным, какой вид синтеза. Будет это синтез силы или мудрости?

На следующий день Тецуо извинился без слов. Рэйко простила и перебралась обратно в спальню.

Специалисты Клиники Пака приходили теперь дважды в неделю. Рэйко удивлялась, как они будут оплачивать такое внимание, пока Тецуо не

сказал ей, что Клиника взяла на себя все расходы. Они — особенные. Эксперимент с их участием получит мировую известность.

Временами Рэйко беспокоилась, что малыш не будет похож на обыкновенного ребенка, когда появится на свет. Вдруг у него будет лицо с выражением нечеловеческой мудрости и он сразу устремит глаза в небо, размышляя о чем-то великом? Вдруг он, выйдя из матки, уже будет этим пугающим, царственным созданием, взрослым мужчиной? Нужна ли будет ему ее любовь?

С приливами и отливами этих тайных чувств приходила и уходила надежда. Каждый всплеск эмоций приносил с собой неуверенность и опустошенность. Она была рада, что все это скоро кончится.

В специальной группе Рэйко познакомилась с такими же, как она, женщинами. Некоторые из них, более осведомленные, были гораздо спокойнее Рэйко. Особенно спокойной и уверенной казалась госпожа Сукимура. Рэйко до нее очень далеко. Специалисты Пака уже сейчас сходили с ума от результатов ее ребенка. Они говорили об обработке информации, о частоте и фазе фильтрации, о трансформации рядов Фурье и распознавании образов.

Как-то всех женщин посадили в лимузины и повезли за город, в ММТП, всесильное Министерство Международной Торговли и Промышленности на улице Сакурада-Дор. В большом зале им прикрепили сетчатые бандажи и аккуратно, заботливо подкатили вплотную к громадным прохладным машинам.

Компьютеры, подумала Рэйко. Они используют мощные компьютеры, чтобы разговаривать с зародышами!

Когда появился сам министр, Рэйко захлопала глазами от удивления. Его Милость пожал Тецуо руку. У Рэйко закружилась голова.

12

Они, конечно, дали обязательство соблюдать секретность. Если газеты гайжин узнают об эксперименте раньше времени, кто знает, чем придется расплачиваться. Внимание средств массовой информации без необходимой подготовки может опорочить нацию, хотя, в любом случае, это дело не касается чужаков.

Японии достаточно завидуют и по другим поводам. А на Западе постоянно пытаются доказать, что только у них есть представление о морали. Тецуо с Рэйко подписали документ. Состоялся разговор о делах компании Тецуо, а когда он вернулся, то получил новый ответственный пост. Он советовался с нею о покупке другого дома, в районе получше.

— Вся проблема была в программном обеспечении, — объяснял он как-то вечером, хотя Рэйко знала, что говорит он в основном для себя. — Наши инженеры сильны в практической технологии, опередив во многих отраслях большинство стран мира. Но программирование оказалось очень сложным делом. Похоже, обычным способом догнать американцев в этой

области нереально. Твой отец любит повторять, что все проблемы от недостатков нашей системы образования.

Тецуо насмешливо продолжал:

— Японское образование самое лучшее в мире. Самое надежное. Самое требовательное!

— Что?.. — переспросила она. — Как это все связано с детьми?

— Они гении программирования! — вскричал Тецуо. — Они уже справились с целым рядом задач, над которыми бились сотни лучших программистов. Конечно, они не понимают, что делают, но это, похоже, не так уж важно. Наше дело — правильно сформулировать вопрос, и они найдут решение. Например, у нерожденного еще нет представления о расстоянии и движении. Но это как раз и является их преимуществом, понимаешь, ведь у них нет и предубеждений. Они смотрят по-новому, не обремененные рутинным опытом.

Так, один из наших юных инженеров нашел решение для Министерства Торговли, а другой разработал совершенно новую модель управления дорожным движением, что уменьшит городские заторы на пять процентов!

Глаза Тецуо светились таким лихорадочным

блеском, что Рэйко стало не по себе.

— *Зуйбун дезудес, не?*[10] — сказал он, восхищаясь этим, еще нерожденным, инженером. — А нашему сыну, — продолжал он, — достались еще более сложные проблемы транспортной системы. И я уверен, мы будем им гордиться.

Итак, думала Рэйко, все оказалось гораздо хуже, чем она представляла. Это было даже не *джуку*, даже не форма особо интенсивного образования. Ее ребенка заставили работать раньше, чем он успел родиться. И она ничего не могла с этим поделать.

Чувство вины совершенно подавило Рэйко.

---

[10] Примечания: 10

Зуйбун дёзудес, не? — Очень хорошо, не правда ли? *(яп.)*

13

Бутылка Клейна… это название пришло во сне.

Та самая странная вещь — бутылка с двумя отверстиями и в то же время без… ее внутренняя часть снаружи.

14

Госпожа Сукимура не появилась, как обычно, в компьютерном центре. Значит, ее время пришло. Да, подумала Рэйко, скоро и я отдохну.

Обычно роды в Японии принимались по записи, в течение рабочего дня. Женщина со своим врачом устанавливала распорядок — когда зайти на осмотр, когда принять таблетки для стимуляции родовой деятельности. Это был очень цивилизованный, более контролируемый способ, чем тот, которым пользовались на Западе.

Но перед экспериментальной группой стояли другие задачи. Работа, которую выполняли нерожденные, была так важна, что женщин не торопили с родами — пусть рожают как можно позже.

Врачи говорили о «родовой травме». Выход во внешний мир лишает даже самых талантливых младенцев их небольшой, но потенциально мощной психической силы. После «травмы» они станут просто новорожденными — талантливыми, образованными, но, все-таки, обыкновенными младенцами.

Работники ММТП сокрушались об этом, но ее

эта «травма» совсем не огорчала. Для Рэйко приближающееся возвращение в неведение станет благословенным даром самого Будды.

Как странно иметь гениального сына. Но ей обещали, что он все равно будет маленьким мальчиком. Она будет щекотать его и смешить. А если он упадет и заплачет, она его приласкает. Она будет греться в сиянии его улыбки, и он будет любить ее. Об этом она позаботится.

Быть гениальным — не значит быть бездушным. Она это знала из встреч с некоторыми студентами отца. Был один парень… папа хотел, чтобы она встречалась с ним, а не с Тецуо. Это было давно. Все восхищались его блестящим умом, у него была добрая улыбка и хороший характер.

Если бы не мясо, от которого появляется неприятный, как у американца, запах… — он слишком много его ел.

И все равно, к тому времени она уже была влюблена в Тецуо.

Одна за другой женщины покидали группу, их места занимали другие. И теперь новенькие искали у Рэйко совета и поддержки. Совсем скоро, конечно, придет и ее время. Кстати, она уже на неделю задерживалась. На очередном осмотре один из врачей, торопясь к телефону, оставил на

столе свою папку.

Рэйко вдруг осмелела. Потянувшись, она раскрыла папку в надежде найти свою карту. Но это был всего лишь список пациентов другого отделения.

Потом она заметила: госпожа Сукимура в списке! А три недели назад им сказали, что ее роды прошли удачно. Были и другие знакомые имена. Оказывается, почти все родившие женщины находились под наблюдением этажом ниже.

Заколотилось сердце, и малыш тут же встревожился. Послышались шаги возвращающегося доктора. Рэйко оставила папку и села на место, пытаясь казаться спокойной.

— Если схватки не начнутся к концу месяца, мы спровоцируем их, — сказал врач, записывая данные теста. — Ваш муж, конечно, дал согласие на эту задержку. Вам не о чем беспокоиться.

Рэйко едва слушала его. В голове у нее зарождался план. Она обессилела от собственной дерзости.

Хорошо, что она надела на прием западное платье. Кимоно здесь слишком заметно. Поверх одежды для улицы можно надеть белый халат. В конце концов она видела, что здесь работают и женщины-врачи. Но ее выступающий живот

и переваливающаяся походка превратят это переодевание в нелепый маскарад. Белый халат лежал на стуле, будто специально для нее оставленный.

Но в ее сумке еще оставался серый халат, который выдавали для осмотров. В туалете она накинула его поверх платья. В отделении обычно не обращают внимания на гуляющих пациентов. Униформа всегда помогает тому, кто хочет оставаться незаметным.

Вначале она попробовала лифт. Но когда она попросила восьмой этаж, то встретилась со строгими глазами лифтера.

— Разрешите взглянуть на ваш пропуск? — вежливо спросила медсестра.

— Я оговорилась, извините, — сказала Рэйко, кланяясь, чтобы скрыть волнение. — Я хотела сказать — девятый.

Выйдя из лифта, она прислонилась к стене. Передохнуть. Постоянно, каждую минуту, вес растущего живота заставлял ее постоянно напрягать мышцы спины — настоящая пытка, если не передвигаться в довольно неестественной позе. Скоро, совсем скоро ее ребенок появится на свет. И она уже начинала бояться этого болезненным, смертельным страхом.

Медсестра спросила, не нужна ли ей помощь.

— *Иe, кекко десу,* — быстро ответила Рэйко. — *Гомэн насай. Икимасёу*[11].

Медсестра, с недоверием взглянув на нее, поспешно ушла. Рэйко поплелась к ярко светящейся надписи «пожарный выход», огляделась и, удостоверившись, что ее никто не видит, шмыгнула на лестницу.

Она осторожно ступала по шероховатым, высоким ступеням, поддерживая левой рукой живот. Ее матка была центром бешеной активности — малыш толкался и кувыркался. Когда она добралась до восьмого этажа, охранник уже поднялся со своего табурета ей навстречу.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил он в недоумении.

«Конечно, уважаемый сэр, — с сарказмом подумала Рэйко. — Пожалуйста, будьте так добры, позвольте мне пройти в эту дверь и потом забудьте, что вообще меня видели».

Он нахмурился. Дважды он пытался открыть рот и останавливался. Его смущенное изумление скоро передалось Рэйко; заморгав, охранник повернул ручку двери и распахнул перед нею

---

[11] Примечания: 11

Йе, кекко десу. Гомэн насай. Икимасёу. — Спасибо, не надо. Извините. Я пойду. *(яп.)*

створки.

— *Доузо… охайри кудасай…*[12]

— *Ээ, хаирасете итадакимасу*[13], — задыхаясь, ответила она. Пошатываясь, Рэйко прошла, не дыша, в дверной проем, а когда дверь за нею закрылась — вздохнула свободно.

Там, на лестничной площадке, она почувствовала, что у нее изнутри исходит нечто волшебное, какая-то колдовская сила. Ребенок ощутил, что ей тяжело, и *помог* ей… наверняка, не догадываясь, о том, что делает. Он помог ей, потому, что ей это было совершенно необходимо.

Любовь. Она всегда верила, что любовь бесконечно сильнее всех этих холодных металлических приборов, которыми так гордятся люди. Тем более любовь матери и ребенка.

«Надо узнать, что здесь происходит, — подумала она. — Я должна».

К счастью, в больнице было только одно кольцо охраны, видимо владельцы заведения считали, что символического ограждения вполне достаточно. При других обстоятельствах и этого было бы слишком много.

---

[12] Примечания: 12

Доузо… охайри кудасай. — Пожалуйста, проходите. *(яп.)*

[13] Примечания: 13

Ээ, хаирасете итадакимасу. — Спасибо, я прохожу. *(яп.)*

Поэтому Рэйко не нужно было проявлять особенного проворства или красться по палатам. Коридоры были пусты, а несколько дежурных даже не смотрели в ее сторону, беседуя на профессиональные темы. Она оставалась незаметной. Она подошла к большому окну, выходящему в коридор. Знакомые коконы новорожденных в белых колыбельках, контрольные приборы, скучающая медсестра за чтением газеты.

Малыши.

Они выглядят достаточно здоровыми, подумала она, собираясь улыбнуться. Оказалось, что никаких монстров здесь нет, только розовые малыши, каждый как крохотный, пухленький Будда… или как тот английский премьер-министр Черчилль.

Однако готовая распуститься улыбка Рэйко увяла, когда она заметила, что дети почти не двигаются. И тогда она увидела, что каждый из них подключен к электродам и к кабелю. Провода вели к нагромождению машин у дальней стены.

Компьютеры. И младенцы с широко раскрытыми глазами, лежащие почти без движения.

— *Вакаримасен,* — застонала Рэйко, качая головой. — Не понимаю!

15

На табличке у двери было написано «Сукимура». Рэйко прислушалась, и не услышав никаких голосов, проскользнула внутрь.

— Рэйко-сан!

Женщина в кресле выглядела хорошо, полностью оправившейся. Она поднялась и подбежала к ней.

— Рэйко-сан, что вы здесь делаете? — говорила она, держа ее за руки. — Нам сказали…

— Нам? Здесь и остальные? И меня, когда придет время, тоже будут здесь держать?

Госпожа Сукимура кивнула и отвернулась.

— Они добрые. Мы… нам разрешили ухаживать за своими детьми, пока они работают.

«Работают». Рэйко пыталась осмыслить это слово.

— Но как же родовая травма… она должна вернуть им невинность! Они обещали…

— Они нашли метод, чтобы этого избежать, Рэйко-сан. Наши дети все родились умными. Они инженеры и работают на благо империи. Нам сказали, что об этом знают даже во дворце, настолько это важно.

Рэйко была в ужасе.

— Они что, собираются держать их на проводах всю жизнь?

— Ах, нет-нет. Врачи говорят, это им не повредит. Говорят, что с нашими сыновьями все будет хорошо. — И все-таки, хрипота в голосе выдавала истинные чувства госпожи Сукимуры.

— Но, Изуми-сан, — спросила Рэйко, — что же тогда плохо?

— Так нельзя! — Старшая женщина плакала. — Мужчины говорят, мы глупые, суеверные женщины. Они говорят, что у малюток все в полном порядке, они здоровы… что они будут жить нормальной жизнью. Но, ах, Рэйко-сан, у них нет *ками!* У них нет души!

Рэйко испытывала нестерпимую душевную муку. «Нет, это не может быть правдой. Я чувствую ками своего ребенка. Несмотря на все, что он пережил, он остался человеком!»

В коридоре послышались шаги, у двери раздались голоса.

— При рождении… — Госпожа Сукимура говорила хриплым, ужасающе покорным голосом. — При рождении… их души переводят в… в программу.

Дверь открылась. По комнате зазвучали гру-

бые мужские голоса. Она почувствовала руки на своих плечах. Она закричала: *«Ие. Ийе!»*[14] Но не могла ослабить хватку. Руки выволокли ее из комнаты.

«Рэйко-сан!» — услышала она крик подруги до того, как дверь окончательно защелкнулась. Сильные руки. Игла.

Рэйко закричала, но это было сильнее всякого физического сопротивления.

---

[14] Примечания: 14
Йе. Ийе! — Нет. Нет! *(яп.)*

16

Мелкая дрожь, вызванная введенным лекарством, скоро перешла в конвульсии, которые превратились в сильнейшие схватки. Рэйко звала Тецуо, прекрасно зная, что даже если суровые представители министерства позволят ему прийти, то обычаи не подпустят его. Схватки участились, заставляя маленькую жизнь внутри толкаться в волнении.

Ввели новую дозу. Машины устремились в ее матку. Она знала, что эти умные приспособления предназначены для предотвращения наступления неведения, этой ненавистной врачам «родовой травмы». Во что бы то ни стало они хотели предотвратить ее. Им нужно было, чтобы ребенок появился на свет умным.

О, когда же они поймут, к своему сожалению, что совершают на самом деле, какие силы они развязывают. И даже если бы она могла говорить, ее не стали бы слушать. Они должны были сами осознать это.

В бреду Рэйко поворачивала лицо то направо, то налево, прислушиваясь к голосам, которых, похоже, в операционной кроме нее никто не

слышал. Они доносились со всех сторон, в гудении ламп, в шипении аппаратов искусственного дыхания.

Духи глядели из машин и смеялись ей в лицо, некоторые — простые — были в виде вспышек света и разрядов, другие, более сложные, проскальзывали в электронных вихрях микропроцессоров. Ее окружили призраки. Это сама ками шептала, несмотря на свои компьютерные оболочки.

Как глупо с их стороны думать, что можно отменить мир духа. Рэйко вдруг сама эта идея показалась обыкновенным самодовольством. Конечно, ками может приспособиться ко всему, к любым требованиям времени. Духи найдут себе дорогу.

Теперь они на свободе в огромной сети, и лишь ждут своего часа. Они отомстят.

Призраки хомячков… призраки младенцев…

Она чувствовала своего сына. Сейчас он думал так напряженно, как не предусматривала ни одна программа.

Снотворное парализовало ее, и руки-щупальца переключились на другие мерзости. От схваток затуманилось все вокруг. Сквозь туман ее слез проносились ослепительные ленты Мебиуса и

муаровые узоры. Откуда ей известны названия этих вещей, если она никогда об этом не слышала? Рэйко некогда было удивляться. Слова пришли сами.

— Транспортация… локационная кодировка координат… — шептала она, облизывая сухие губы, — нелинейные перемещения….

И потом возникла бутылка не с одним, а с двумя отверстиями… или вообще без… сосуд, внутренняя часть которого снаружи.

Теперь Рэйко напрягалась, чтобы понять, что значит «снаружи».

Руки, казалось, не замечали или игнорировали призраков, слетавшихся к ней из ослепительного света. Эти свирепые духи смеялись над ее болью и над тем, что внутри нее, тоже билось над разгадкой.

Следующий спазм скрутил Рэйко. Головокружение одолевало ее. Ужас, заставляющий сосредоточивать все силы… предельная сконцентрированность на одной задаче: превратить теоретические знания в практические умения.

Ками насмешливо подмигивал со стен — и экранов. Задача слишком сложна! Они не успеют ее решить!

Сосуд, чья внутренняя часть снаружи…

— *Дес ка не?*[15] — сказал один из медиков, встряхнув наушники монитора. И вдруг, в панике, закричал.

Со всех сторон слетелись белые халаты. На общий наркоз времени не было. Сделали местный. Оцепенение распространилось мгновенно. Никто и не позаботился установить ширму чести, когда хирурги-акушеры приступили к кесареву сечению.

И тут Рэйко ощутила, как чистое сияние точно вдруг вырвалось из нее. На нее накатила волна удивления и восторга красотой высшей математики. Только этот язык годился для мига триумфа! Но даже он был напитан любовью.

Хирургический надрез. Прозвучал громкий хлопок, будто лопнул воздушный шар. Ее вздутый живот опадал, как оборвавшийся навес.

Медики застыли в испуге. Дрожа, ошеломленный хирург ощупывал безжизненные складки ее пустой матки, ища в замешательстве то, чего там больше не было.

Прикладная топология. Она помнила название одного из курсов, преподанных ее сыну, и знала, это учение о формах и их отношениях. Оно о связи

---

[15] Примечания: 15
Дес ка не? — Ну, как дела? *(яп.)*

пространства и времени, и может применяться при решении задач транспортировки.

Руки еще долго с нею возились, но ничего плохого сделать уже не могли. Рэйко не обращала на них внимания.

«Он вырвался от вас, — прошептала она, — и от злой, беспощадной, нечеловеческой ками тоже. Он хорошо усвоил ваши уроки, я горжусь им».

Испуганные голоса, отраженные гулкими стенами, заполняли помещение. Но Рэйко уже устремилась вослед за своим сердцем — за пределы кабинетов и наций, за пределы человеческого знания, туда, где для любви не было никаких преград.

Перевод: М. Митъко

Следуя природе ™

Спору нет, натуральные продукты полезней. От гамбургеров же — тромбы в сосудах, и к тому же, чтобы их поджарить, нужно вырубить несколько акров леса. Надо питаться, как в каменном веке: предки наши копали коренья, много двигались и всегда были малость голодными. Утверждают, что так.

И все же я опешил, когда жена предложила отведать термитов.

— Попробуй, солнышко. Хотя бы одного. Вкуснятина.

Гея уже распаковала коробку с термитником. Я поставил кейс на пол. Полчища тварей цвета сырого теста ползали под прозрачной пластиковой крышкой, обихаживали свою толстуху «королеву», пожирали какие-то кухонные отходы — словом, чувствовали себя вольготно в моем доме.

Гея протянула мне палочку отполированного псевдодерева.

— Гляди! Этой штучкой ты достанешь себе на манер тропических обезьян несколько славных

толстячков.

Я уставился на термитное царство, заполнившее последнее свободное пространство между шкафчиком-оранжереей для домашнего выращивания овощей и полками с сублимированным мясом.

— Но… мы же договаривались… Наша квартира такая маленькая…

— Радость моя, тебе понравится, гарантирую. И потом, разве маленькому не нужны белки и витамины?

Она положила мою руку на свой округлившийся живот — этот жест обычно снимал любые возражения. Только на сей раз все взбунтовалось внутри *моего* живота.

— Но ведь аппарат «Бросай закваску — получишь мясо» производит необходимые ингредиенты. — Я показал на агрегат, занимавший половину ванной для гостей. Он конденсировал питательные испарения от котлет из искусственного фарша.

— *Там* все *ненастоящее.* — Гея недовольно поморщилась. — Ты попробуй натуральную пищу, ну, давай! Вспомни, они это показывают по каналу «Следуя природе».

— Я… не думаю…

— Смотри, демонстрирую!

Она просунула пластиковую палочку во входное отверстие термитника, чтобы выудить шестиногую жертву. От сосредоточенности высунула кончик языка, и всю ее — от «конского хвоста» до обтянутого юбкой живота — охватила азартная дрожь.

— Поймала! — Гея вытащила извивающееся насекомое и поднесла его к губам.

— Ты что, на самом деле…

Я ощутил горловой спазм: термит уже почти скрылся у нее во рту.

На лице жены — блаженство.

— М-м-м, какой хрустящий! — она причмокнула, и я увидел еще дергающееся брюшко насекомого.

Я нашел в себе достаточно мужества, чтобы небрежно и с достоинством бросить ей:

— Ты хоть… не говори с набитым ртом.

Повернулся и добавил:

— Если понадоблюсь — я в своей игровой комнате.

Гея снова все переделала в нашей спальне. Теперь узкая комната плавно переходила в тропический лес, где пронзительно кричали птицы и стоял туман от ревущего водопада. Но из-за

этих эффектных затей можно было споткнуться о кровать, поэтому я выключил голограмму. Видеостена стала серой, наступила тишина. Остался «невыключенным» только подлинный кусочек миниатюрных джунглей: прихотливое сплетение комнатных растений, долженствующих поставлять беременной женщине более чистый кислород, нежели тот, которым она может дышать из специальных баллончиков.

Продираясь сквозь ползучие побеги и инжирные карликовые деревца, я наконец добрался до бельевой корзины, закамуфлированной мхом, и бросил туда одежду, в которой хожу на работу. Аппарат «Чист и свеж» уже продезинфицировал, почистил и сложил мое тренировочное облачение. Я натянул костюм, он был теплый и льнул к коже. Одеяние из органических и электропроводящих нитей плотно облегало, вибрируя в предвкушении игры.

На работе все шло наперекосяк. В транспортном туннеле, по которому я добираюсь домой, машины еле ползут, и всю неделю зашкаливало прибор-определитель уровня смога. Термиты явились последней каплей.

— Начнем, пожалуй, — пробормотал я. — А то сегодня никакой добычи.

Длинный Дротик выследил матерого самца антилопы.

— Он хромает, — произнес мой напарник, поднимаясь с корточек, и показал на точку в высохшей саванне, ярдах в ста от нас. — Это после встречи со львом.

Я закончил разминку и, поднявшись на ноги, стал всматриваться поверх сложенной из валунов стенки в направлении жилистой руки Длинного Дротика. Одно животное стояло отдельно от стада. Принюхиваясь к переменчивому ветру, оно повернулось, и я увидел у него на боку багровые отметины от когтей. Что и говорить, легкая добыча, не в пример воскресной, когда мы охотились на разъяренного носорога. Программа виртуальной реальности, должно быть, уловила, что у меня был скверный денек.

Пальцы мои поглаживали копье: знакомые зарубки, шишковатые наросты. Иллюзия древней, первобытной власти.

— Загонщики готовы, Вождь.

Я кивнул:

— Тогда — за дело.

Длинный Дротик сложил губы трубочкой и сымитировал звук, который издает птица-медоуказчик. Вскоре животные зафыркали: ветер

подул в их сторону, и они учуяли оскорбительный запах человека. В ста ядрах по другую сторону стада, там, где почти лишенные растительности пампасы переходили в неясные очертания зарослей акации, я увидел остальных охотников, крадучись пробиравшихся вперед.

Мои охотники. Мое племя.

Я испытал искушение — протянуть руку к виртуал-шлему, дававшему глазам и ушам информацию о несуществующем мире, и подрегулировать его, чтобы… увеличить изображение отдельных человеческих фигур. Увы, за исключением Длинного Дротика, я не видел вблизи остальных охотников. Хорошие программы с дополнительными действующими лицами недешевы, а у нас будет ребенок, и деньги нужны на массу других вещей.

Господи, надо же было купить этот мерзкий термитник. Отвращение усилилось от поступившего в кровь адреналина. *Никогда не доверяй собирателю.* Таково было твердое убеждение охотников. *Люби их, защищай, будь готов умереть за них, но всегда помни: их интересы — другие.*

Загонщики встали и закричали. Антилопы попятились, а потом развернулись и поскакали к нам. Длинный Дротик прошипел: «Гон начался!»

Специальный настил — имитатор поверхности земли — загудел под моими ногами, создавая впечатление топота сотен копыт. В сенсорных наушниках послышался исступленный рев животных, в паническом страхе несущихся нам навстречу. В безумных глазах одно страстное желание — спастись. Стиснув копье взмокшими ладонями, я припал к земле. Гигантскими прыжками проносились надо мной грациозные животные, их грудные клетки вздымались.

А тем временем во мне звучала еле уловимая, на инфразвуке, мантра: *«Я — часть природы… я* — с *природой».*

Мы пропустили молодняк и беременных самок. Следом с трудом бежал старый самец, уже весь в мыле от усталости. Он прыгал из последних сил, держался нетвердо. Я понял, что на сегодня программа выдала мне облегченный вариант.

Длинный Дротик издал боевой клич. Я быстро вскочил — руководить облавой. Тренировочная «бегущая дорожка» тряслась и вздрагивала в соответствии с рельефом местности, изображение которой подавалось на специальные очки в шлеме. И я уже подпрыгивал и группировался там, где нужно. Виртуал-костюм давал телу ощущение ветра. Раздувшиеся ноздри вдыхали запахи

опасности и отваги. И на мгновение я забыл, что нахожусь в маленькой комнатке на восьмидесятом этаже пригородного кондоминиума Чайтаун, заселенного полсотней миллионов человек.

Я находился в глубине веков, в прошлом моих предков, в ту эпоху, когда людей было раз-два и обчелся, и потому они являли собой ценность и чудо.

Во времена, когда природа благоденствовала… и мы составляли ее часть.

Вроде задача была нетрудной, но я порядком попотел, прежде чем мы загнали зверя в прибрежные заросли осоки. Горящие угольно-черные глаза животного говорили мне о многом, не только о покорности судьбе. О былых поединках и любовных схватках. О бесчисленных победных битвах и о последней — проигранной. Будь он во плоти, и то я не мог бы испытывать к нему большей симпатии.

Я приготовился бросить копье. *«В те далекие времена я совершил бы это, чтобы накормить жену и ребенка»,* — пронеслось в голове.

Тогда. А здесь и сейчас?

Ладно… зато это здорово вышибает всякую муть из головы.

Массовое строительство гигантских кондо-

миниумов позволяет двенадцати миллиардам землян иметь более-менее сносные условия, однако всю жизнь они проводят в коробках, громоздящихся чуть ли не до неба. Редкое везение — выиграть в лотерею поездку в горы или на море. Виртуальность не дает нам свихнуться в наших многоэтажных пещерах.

Идя в ванную после «охоты», я заметил, что в личной игровой комнате Геи горит свет. Повинуясь неосознанному порыву, я на цыпочках прошел в смежную крошечную гардеробную, нашел щелочку в перегородке и припал к ней. Гея сидела на корточках на «бегущей дорожке», имитирующей клочок бугристой почвы. Виртуал-костюм облегал ее округлившееся тело подобно второй коже. Шлем с выпуклыми очками придавал ей сходство то ли с жуком, то ли с инопланетянкой. Я знал, что действие ее программы, так же, как и моей, разворачивалось в далеком прошлом. Гея что-то «выкапывала» при помощи некоего невидимого инструмента, обхватив его обеими руками. Потом она нагнулась и «подняла» с земли какой-то предмет, и ее перчатки симулировали в этот момент прикосновение корешка, изображение которого она видела на очках в шлеме. Последовала пантомима: Гея «стряхнула»

грязь с того, что «выкопала», потом бросила «это» в стоящий рядом мешок.

Иногда, вот так подсматривая, я ощущал неприятный холодок: как нелепо, должно быть, я выгляжу во время своих игр — прыгаю, «бросаю» несуществующие копья, кричу на «охотников». Неудивительно, что большинство людей оберегает свои занятия с виртуальной реальностью от постороннего взгляда.

Гея наклонила голову, будто прислушиваясь, потом засмеялась:

— Тоже мне! Эти двое — смех да и только. Вернулись домой такие гордые, а добыча-то — маленький тощий суслик. Ничего себе — выдающиеся охотники! И при всем при том позарились на нашу морковку — умяли половину!

Естественно, я не видел и не слышал ответа товарок Геи — надо полагать, то были женщины-собирательницы из племени-фантома, который она начала «посещать» еще до нашей встречи. Но вот Гея вновь, замерев, прислушалась и обернулась.

— Это твой ребенок, Цветик. Хорошо, я понянчу его. — Она засмеялась. — Мне же нужно практиковаться.

Я глядел, как она бережно взяла на руки неви-

димого младенца. Ткань ее виртуал-костюма дергалась и сокращалась, как бы под воздействием тельца неспокойного малыша. Еще неловкая в обращении с ребенком, Гея нежно ворковала над ним, существовавшем только в компьютерной программе и в ее нервных клетках. Я тихонечко удалился и пошел принимать душ, испытывая одновременно и стыд, и ощущение, что шпионил не зря.

Вытирая полотенцем мокрые волосы, я вошел в спальню. На видеостене шла программа тридцать третьего канала «Мать-Земля»: служительница культа в зеленом облачении читала проповедь.

…возвращение на путь более естественной жизни не означает отказа от всех современных…

Из своей гардеробной вышла Гея. Ее пухленькая фигурка была облечена в просторное яркое платье-рубашку из хлопчатобумажной ткани. Она что-то искала в полотняной сумке, перекинутой через плечо. Мой вопрос «Куда это ты?» не был услышан — экранная матрона вещала гораздо громче.

…мы должны питаться как наши предки: они ели мясо примерно два раза в неделю. Остальное пропитание собирали опытные женщины.

Я потянул жену за локоть, повторил вопрос. Она

вздрогнула, повернулась ко мне и улыбнулась.

— Уроки естественных родов, милый. Многое надо знать для полной готовности. Осталось ведь только два месяца, ты же знаешь.

— Но я считал…

…тогда жирная и сладкая пища была редкостью, отсюда наше пристрастие к ней. В настоящее же время люди сами должны себя ограничивать.

— Компьютер! Выруби этот шум! — заорал я.

Губы проповедницы стали двигаться беззвучно. В глазах Геи — укор.

— Не люблю оставаться один, — пожаловался я.

Гея погладила меня по щеке.

— О, Томе, не заводись. Мы как раз сегодня проходим технику родов. Мужчинам это скучно.

Гм, может быть. В журнале «Фемизмо» пишут, что некоторые вещи нашему брату не постигнуть. А прежний старомодный феминизм смотрел на все по-другому: все житейские проблемы надо преодолевать вместе. Мой отец бывало с гордостью рассказывал, как перерезал пуповину, когда я появился на свет. Вообще-то я одобряю такой подход, но теперь ведь это называют противоестественным. Роды были и есть женский ритуал.

Так сейчас считается.

— Оставайся дома, будь умницей и… — она нежно прижалась ко мне, глаза ее сияли. — Хорошо поохотился, да? По тебе вижу. Когда все удачно, в тебе всегда так много энергии.

Я отодвинулся.

— Ладно, иди, учись. Обо мне не беспокойся.

Она встала на цыпочки и поцеловала меня в подбородок.

— Рядом с пультом управления тебе подарочек. Когда увидишь, поймешь: я тебя не забыла.

Подойдя к двери, она послала мне воздушный поцелуй и вышла.

Я поплелся к главному пульту управления нашего квартирного компьютера и обнаружил там дискету в яркой упаковке, еще липкую в том месте, где Гея, должно быть, отодрала ценник магазина «Следуя природе», торгующего со скидкой. «Кое-что для охотника» — гласила надпись. Прекрасно. Кое-что, развлекающее главу семейства: битье в барабаны в компании товарищей-призраков. А супруга тем временем занята серьезными материями: поддержанием непрерывности жизни. Жена дарила дискету в знак любви, но именно в этот момент я почувствовал всепоглощающее одиночество, более сильное,

чем когда-либо прежде.

Ставя дискету в консоль, я случайно задел клавишу громкости, и вновь забубнил монотонный голос жрицы:

...должны признать тот факт, что миллиарды землян не согласятся возвратиться в лоно природы, чтобы ковыряться в земле и спать на глинобитном полу. Нам следует идти новыми путями — более *естественными и цивилизованными одновременно.*

Мне стало смешно. Забавно: каждое новое поколение считает, что оно-то знает, что такое «цивилизованный».

* * *

Длинный Дротик приветствовал меня низким поклоном — почтительно и вместе с тем как бы с издевкой.

— Пожалуйте снова к нам, Великий Вождь.

— Угу, — пробормотал я, обращаясь к симулированному товарищу. — О'кей, я буду закалывать. Сегодня все как обычно?

Шлем и специальное облачение остались в гардеробе, и без них здесь, в гостиной, не было ощущения подлинности происходящего. Знакомый девственный лес из моего личного мира

внезапно обрывался на стыке видеостены и тахты. И все же, клянусь, мой сообщник-фантом казался утонченнее, *теплее*, что ли.

— Вождь, кремневых дел мастера готовы показать свой товар.

— Кто, кто? — начал я. Но Длинный Дротик уже повернулся и зашагал вниз по тропе. В гостиной не было «бегущей дорожки», поэтому я оставался неподвижным, наблюдая, как фигура в наброшенной антилопьей шкуре мелькает за деревьями и валунами. Стал различим и становился все громче ритмический звук: как будто хрупкие предметы сталкивались и разбивались с металлическим звяканьем. Наконец мы достигли песчаного ложа высохшего ручья, там на бревнах сидели какие-то люди, стучавшие молотками по камням.

Ах, да. Кремнёвых дел мастера. Программа «Следуя природе» передавала бесчисленные сюжеты «В те века», рассказывающие о всех древних искусствах — от бронзового литья до автомобильного дизайна. Мы с Геей интересовались неолитом, и она очень мудро поступила, купив дискету, посвященную каменному веку. Компьютер смог вклинить программу в мой личный виртуальный мир и давал возможность убить

время, пока жена занималась в школе будущих матерей.

«Ну что ж, — вздохнул я, — посмотрим, что будет дальше».

Нас заметил молодой человек с реденькой бородкой. Он перестал бить по камню, толкнул локтем соседей — крепкого старика и здоровяка, у которого одна нога была короче другой. Мастера поднялись и в знак уважения поклонились. Естественно, это не полноценные симулированные персонажи, как Длинный Дротик, а лишь действующие лица с ограниченными возможностями.

— Вождь, мы обтесали эти кремнёвые наконечники, которые вы выторговали у племени с Морского Берега, — прошепелявил самый старый мастер почти беззубым ртом. — Хотите взглянуть?

Я пожал плечами.

— Почему бы и не взглянуть?

Старик расстелил на земле шкуру и стал выкладывать разнообразные режущие инструменты эпохи неолита. Они сверкали всеми своими гранями под эрзац-солнцем. Там были наконечники для копий, топоры, резцы, скребки и другие предметы, назначение которых я не мог

бы назвать с ходу. Каждый инструмент — результат, по крайней мере, сотни мастерских ударов, преображающих природный камень в полезную для повседневной жизни вещь. Утварь доисторической кухни, изделия древних оружейников и механиков — все разом. Мастера предложили мне потрогать режущую кромку изделий. Стало как-то не по себе, когда на мониторе компьютера появилось изображение моей собственной руки, держащей предмет, который я не мог ощущать. Я решил как-нибудь попозже воспроизвести этот эпизод, но уже с виртуал-перчатками.

— Ну что ж, неплохо, — сказал я, выдержав паузу. Меня стала охватывать усталость. — Думаю, этого достаточно для…

Невообразимый шум не дал мне докончить фразу. Все глядели куда-то за мое плечо, и никто не двинулся с места, пока в поле зрения с левой стороны не появилось новое лицо. Ниже ростом, изящнее, чем другие, в охотничьей накидке и лосинах. Незнакомец двигался с упругой грациозностью сказочного эльфа. Он нес связку тонких хлыстов, по размеру пригодных для изготовления копий. Вот он с шумом бросил их на землю, и я с удивлением обнаружил, что передо мной — женщина.

— Хо, Вождь! — приветствовала она меня и кивком поздоровалась с Длинным Дротиком.

Напарник наклонился ко мне:

— Жирафья Лодыжка. Дочь Оленьего Рога и Грушевого Цветка. Из группы загонщиков.

— Как раз об этом хотела с тобой поговорить, — заявила юная представительница каменного века, уперев кулаки в бедра. Гибкая, но немного худощавая, на мой вкус, к тому же чумазая. Однако взглянула мне в глаза маняще и дерзко.

— Мне надоело быть просто загонщицей, Великий Вождь. Хочу быть среди охотников. Не прочь поучиться у вас обоих.

Мастера удивленно переглянулись. Длинный Дротик рявкнул:

— Лодыжка! Не забывайся!

Девушка покорно склонила голову, подчиняясь властному окрику, но в глазах ее горела свирепая решимость. Она, казалось, вот-вот снова заговорит, когда я закричал:

— Остановить картинку!

Изображение замерло, и мои «соплеменники» оказались замороженными во времени. Голубокрылая сойка так и зависла в полете над глубоким оврагом. А я был в замешательстве. Не по поводу самой идеи женщины-охотника — традиции

многих племен допускали подобное. Но почему сложности с таким «игроком» сейчас, когда сюжет, судя по всему, идет к концу? Что общего у этой ситуации с изготовлением инструментов в доисторическую эпоху?

— Компьютер! Здесь что, не только комплект игры «В те века»?

«Не только. Это полностью автономные программы персонажей, оперирующие стохастически[16] *в вашем личном симулированном мире».*

Поистине, Гея расщедрилась… Теперь Длинный Дротик — не единственный мой товарищ, смоделированный в полном объеме. Но откуда у нее…

«Кроме того, увеличены резервы основной памяти и имеется возможность подключать одномоментно до пяти персонажей, действующих в свободном режиме».

Гея, должно быть, нуждается в большем объеме памяти для собственных программ: всякие там повивальные бабки, акушерки и другие помощницы на время родов. Расходы на это уже были предусмотрены нашим семейным бюджетом. И вполне объяснимо, что она смогла приобрести

---

[16] Примечания: 16

Стохастический — случайный, вероятностный.

для меня несколько дополнительных партнеров, проданных со скидкой. После минутного замешательства: обижаться, радоваться или удивляться я в итоге решил не переживать по этому поводу. И отважился:

— Компьютер, задержи картинку и передай сигнал в мою игровую комнату.

Через несколько минут, уже в полной экипировке для восприятия виртуальной реальности, я ощупывал новый нож, изготовленный мастерами-умельцами. Ощущение каждого скола и изгиба передавалось через чувствительные электрохимические перчатки. Мастерам явно льстило мое восхищение. Я держал в руках отличный нож из превосходного обсидиана, примотанный к рукояти из слоновой кости, украшенной резными фигурками скачущих лошадей. Эта вещь не существовала в реальности, но прекраснее ее у меня никогда ничего не было.

Когда мы с Длинным Дротиком в конце концов покинули мастерскую эпохи неолита, заработала «бегущая дорожка» под ногами. Мы направились к сторожевому посту — понаблюдать за мигрирующими через равнину стадами диких антилоп-гну и канн. Идя вдоль реки, увидели на берегу сидящую на корточках юную загонщицу

Лодыжку, «сосланную» Длинным Дротиком за дерзкое поведение. Она привязывала каменные наконечники к древкам, затягивая зубами узлы кожаных ремешков. Когда поравнялись с ней, взглянула на нас исподлобья, в глазах — вызов и упорство.

Помедлив, я повернулся к Длинному Дротику:

— Можно бы использовать девчонку в качестве посыльной. Захвати ее с собой на ближайшую охоту.

Мой компьютерный друг метнул на меня один из своих пронизывающих взглядов, но, не промолвив ни слова, кивнул. Лодыжка отвернулась, благоразумно пряча довольную улыбку.

Когда я покинул свой доисторический мир, Гея уже вернулась с занятий и спала в нашей небольшой спальне при приглушенном свете. Я тихонько скользнул под простыню и тут же почувствовал на бедре ее руку.

— Все время думаю о тебе, — шептала она, щекоча теплым дыханием ухо.

Беременность не предполагает отсутствие секса. По мнению медиков, если быть осторожными, он не вреден.

Уверяю, можно получить даже больше удовольствия, чем обычно. Гея была восхитительна.

Буйвол застонал, падая в грязный ил мелководья. Пять копий вонзились ему в бок. Я приказал остановиться.

Лодыжка протестовала, размахивая копьем.

— Почему не добиваем?

— Потому что Вождь сказал: нет! — прорычал Длинный Дротик.

Я поднял руку: спокойствие! В этот момент, осознавая себя наставником Лодыжки, оценил древнюю мудрость: *«Ничего по-настоящему не узнаешь, пока не начнешь учить этому».*

— Подумай! Что случится, если буйвол упадет там, где сейчас стоит?

Лодыжка окинула взглядом задыхающееся животное.

— Он упадет в ре… Дошло! Мы потеряем половину туши. — Она понимающе кивнула. — Значит, надо сначала заставить его выбраться на берег.

— Правильно. И побыстрее. Не надо причинять животному ненужные страдания.

Несколько ее соплеменников выразили свое одобрение подобающими жестами. Согласно обычаю, охотники, подобные моим, умилостивляли души убитых животных. Интересно, ели бы мои современники так много мяса, если б должны были умиротворять душу каждого бычка или

цыпленка? Пребывание в виртуальном каменном веке не сделало из меня вегетарианца, но я как-то яснее стал осознавать тот факт, что мясо — это бывшая живая плоть.

Длинный Дротик велел принести веревки. Они были сплетены из кожаных полосок. Взяв по мотку, мы с трех сторон окружили буйвола. «Бегущая дорожка» имитировала скользкую грязь под ногами, а виртуал-костюм воздействовал на нервные окончания кожи таким образом, что я чувствовал себя по бедра погруженным в мутную воду. Рецепторы в носу получали электронные сигналы и «чувствовали» запах крови и пота, смешанный с зловонием болота. Тяжелое было дело — пробираться навстречу жертве. Не то что однообразное поднимание грузов в спортзале — пострашнее. Буйвол перемещался то вправо, то влево, мыча и угрожая рогами.

Все выглядело сейчас гораздо реальнее, так как Гея купила тот блок дополнительной памяти, где хранилась информация об отчаянном стремлении раненого животного выжить.

— Берегись! — крикнула Лодыжка.

Животное рванулось. Я отпрянул. Гора шерсти и мяса, задев мое плечо, пронеслась через то место, где я стоял секунду назад. Барахтаясь в

грязи, я краем глаза увидел, как извивающееся лассо настигло старого быка и упало точно ему на голову.

— Готово! — закричал Длинный Дротик.

— Моя очередь! — раздался звонкий голос. Лодыжка бросила свой аркан и промахнулась. Разъяренное животное метнулось в сторону.

— Стой! — заорал я, увидев, что девушка рванулась за ним. Слишком поздно — она уже исчезла в мутной пенистой жиже.

— Лодыжка!

Я проявил неожиданное беспокойство по поводу юной помощницы. Передо мной зловеще метнулись острые рога. И хотя я знал: компьютер оставит меня в живых, все же дальнейшие ошибки могли стоить мне помятых боков.

— *Она — только программа* — твердил я, пятясь от ревущей, патлатой морды размером с небольшой пикап. — *Программы могут позаботиться о себе сами.*

— Йип-йи-и-йип!

И в этот самый момент вверь взревел как-то по-новому. Он крутанулся, и я удивленно раскрыл глаза. Юная охотница Лодыжка восседала на спине быка. Вся мокрая и облепленная болотными водорослями, она, крепко держась за

буйволиную гриву, затягивала петлю на косматой голове. Зверь хрипел, дико вращая глазами, бился в конвульсиях. Девушка издала победный клич, остальные охотники подхватили. Туго натянутые веревки держали буйвола с трех сторон.

Тут, по-видимому, бык покорился судьбе и позволил тащить себя к суше. До нее оставалось метра два или три.

Вдруг в последней, безрассудной попытке освободиться животное встало на дыбы. Девушка не удержалась и, отчаянно размахивая руками, шлепнулась рядом с буйволом, бьющем по воде копытами.

Я кинулся к ней с криком.

Скорее — попытался. Сегодняшняя техника по созданию виртуальной реальности не может сымитировать ощущение плавания, поэтому компьютер тут помочь не мог. Все же мой специальный костюм позволил ощутить продвижение вперед. Уклоняясь от грозных рогов, я начал лихорадочно шарить под водой в поисках ученицы. Пролетело несколько ужасных мгновений… и наконец я нащупал в воде тоненький локоть! Маленькая рука цепко схватила мое запястье, я с усилием стал вытаскивать девушку. Буйвол потерял равновесие и, подняв фонтан брызг,

завалился на то место, где перед этим лежала Лодыжка.

Мы поволокли тушу по берегу вниз по течению — туда, где племя уже начинало фанатичное ритуальное действо по поводу убийства зверя. В доисторические времена такая охота бывала в лучшем случае раз в месяц, и потому мои охотники славили в радостных песнопениях духов воды, земли и неба. Но мне было не до этого красочного обряда: я одолевал подъем. Ногам становилось все легче, будто тяжесть стекала с них одновременно с водой. В тот момент, когда я опускал девушку на траву, ноша показалась мне слишком реальной.

Это же надо — потратить столько энергии из-за какого-то программного продукта. Теперь мысль о его дороговизне даже не пришла мне в голову — я взволнованно прислушивался к дыханию Лодыжки. Бледная, с головы до ног вымазанная грязью, она два раза кашлянула. Вдруг сверкнули две голубые молнии: она открыла глаза. Втянув воздух во внезапном судорожном всхлипе, она стремительно обвила руками мою шею.

— Ого! — отреагировал я.

Никогда прежде виртуал-костюм не посылал мне столько импульсов, ввергая меня в целое

половодье ощущений. От впившегося камешка ныла ладонь. Солнце жгло заляпанную илом спину. Кроме того, я ощущал теплоту и мягкость ее тела, прижимавшегося к моему теснее, чем можно было предположить в таких обстоятельствах.

Тут до меня дошло, что Лодыжка видит во мне не только спасителя. Ее нервное дыхание, ее движения говорили об этом. Я вновь удивленно хмыкнул и попытался освободиться от ее рук.

— Прекратить симуляцию!

Последнее, что запечатлелось перед тем, как я сдернул шлем: лежащая на земле Лодыжка — вся в грязи, мускулистая, в охотничьей одежде и все же, как ни странно, абсолютно женственная. Она смотрела на меня благоговейно и с желанием.

Она была только программой — биты иллюзии на кремниевом кристалле. Вдобавок, я и не знал ее почти.

Но ее притягательность была для меня неодолима, под стать притягательности жены.

Без шуток, я люблю свою жену. Всегда причислял себя к тем счастливчикам, жены которых знают их вдоль и поперек и все-таки чрезвычайно высокого о них мнения.

«Здесь что-то не так», — подумал я.

Обескураженный, я стянул потный виртоко-

стюм и поплелся в душ. «Как же все это теперь объяснить Гее?»

Уже намыливаясь, я рассудил: «А что, собственно, объяснять? Я ничего не сделал!»

Вода смывала пену, а в голове проносилось: «А если бы и сделал? Было бы это изменой? Или экзотической формой возбуждения?»

Помню, мама совершенно спокойно относилась к отцовой коллекции журналов слегка эротического толка. Очевидно, ее абсолютно не беспокоили его безобидные интимные фантазии. И Гея никогда не считала «Плейбой», электронную версию которого я выписывал, конкурентом себе. Она сама иногда «листала» его страницы… «посмотреть кое-какие статьи». И если определенное количество здорового, визуально стимулированного аутоэротизма воспринималось нормально, то мой реальный любовный роман был бы для нее настоящим ударом.

Итак… что же едва не произошло в моей компьютерной комнате? Нечто среднее между заигрыванием с однокурсницей и интрижкой с надувной резиновой куклой.

Очень жаль, что так и не додумались до этой штуки, что встречается в научной фантастике: прямого интерфейса компьютера и человеческо-

го мозга. Тогда я смог бы проигнорировать любое симулированное приключение как нечто сугубо ментальное. Но то, что мы есть и что делаем, слишком связано с нашими телами… нервами, гормонами, мышцами. По-настоящему яркое переживание бывает с обязательным участием живой плоти.

Когда задействовано тело, виртуальная реальность может сымитировать любую поверхность. Подкрадываясь к жертве, я ползу по траве и горячим пескам, по озеркам, оставляемым приливом.

Но нужно ли так реально эмулировать *женщину?*

«Конечно, техника движется вперед, но это — вздор!» Я смеялся, подставляя тело мощному потоку теплого воздуха из сушилки. Потом надел махровый халат и вышел из ванной с намерением все рассказать жене. Перед игрой я видел ее в детской: что-то мурлыкая себе под нос, она разбирала вещи для будущего младенца. Гея приветливо пожелала мне «удачной охоты».

Я не нашел ее в детской, но ощутил там оставленное ею тепло. Стены маленькой комнаты украшали голографические мобили и несущиеся в космосе планеты. Почти все оборудование

установил я сам, включая агрегат по изготовлению одноразовых пеленок. Плавающая детская колыбелька будет согласно заданной программе воспроизводить биение материнского сердца и другие ритмы, знакомые ребенку до рождения, — они станут успокаивать его в первые недели жизни.

Здесь мой причал, здесь брошен мой якорь. Не в какой-то там выдуманной охотничьей артели, которая, по мнению фемизмо-психологов, нужна всем современным мужчинам. *Моя семья.* Реальный мир, даже загрязненный, перенаселенный и изнуряющий, все-таки там, где вы проживаете свою реальную жизнь.

— Гея! — крикнул я, заглянув в гостиную. — Никогда не догадаешься, что со мной произошло…

Комната была пуста. Я отправился на кухню, наполненную шуршанием скребущихся внутри своей тюрьмы насекомых.

Вот те раз. Она не говорила, что сегодня занятия в Школе естественных родов.

— Компьютер, оставила ли моя жена сообщение, куда она направляется?

Ответило контрольное устройство: «Ваша жена не покидала квартиру. Она находится в своей виртуальной комнате».

«Ах… да. Ее очередь. Видимо, прошла туда, пока я мылся».

Я медленно опустился на тахту — все еще было не по себе от недавнего сверхстрессового приключения. Я взял пульт дистанционного управления и «пробежался» по вечерним кабельным программам. Помимо традиционных бесчисленных инфо-развлекательных каналов, предлагалось и другое: любительские видеофильмы, публичные дискуссии, программы по интересам, шоу с обратной связью, когда можно включиться в обсуждение, передачи типа «дядя Фред», где показывают слайды о его псевдовосхождении на Эверест. Обычная мура. Я сделал заказ в библиотеку — почитать, что-либо хорошее — и минут десять сидел, уставившись на первую страницу «Робинзона Крузо». Потом двинул кулаком по диванной подушке.

— Черт!

Я встал, уговаривая сам себя: надо пропустить стаканчик… пойти в туалет… затем поискать в шкафу теннисные туфли… Может, выйти из дома и, как в стародавние времена, прогуляться…

Я нашел свою обувь там, где оставил — около щелочки в стене гардеробной. Прислонил к ней ухо и уловил еле слышные звуки, доносившиеся

из смежной комнаты — святилища моей жены.

Это был не разговор, а стесненное, тяжелое дыхание.

Ну что ж, у собирателей работа тоже была тяжелая, будь то ужение рыбы или жатва диких злаков.

Одетая в шлем и виртокостюм, Гея сидела примерно в той же позе, что и в прошлый раз: на корточках, разведенные руки направлены вперед и книзу — будто она ими что-то схватила. Комплекс имитировал некий продолговатый предмет, который она оседлала, энергично раскачиваясь вперед и назад. Что бы она ни делала в своем приватном мире, это требовало больших усилий: голова ее запрокинулась назад, Гея громко застонала.

Я узнал этот стон. Посмотрел снова на очертания некоего предмета под ней. Предмет тот не был куском дерна или лежащим бревном. Даже без специальных очков, наушников и сенсорных перчаток я мог определить очертания мужского тела.

Очень кстати оказались эти кроссовки, в самом деле. Я отправился тут же на улицу прогуляться по висячим мостам, опоясывающим, подобно кружевам, серые здания метрополиса. Подо мной

виднелась паутина транспортных артерий и работающие машины, поддерживающие жизнь города. Глядя вдаль поверх высоких небоскребов Чайтауна, напоминающих скалистые горы, звезд я не видел, только неясное свечение в дымке смога. В такое позднее время надо радоваться бы телекамерам Общественной безопасности, глазевшим с каждого фонарного столба. Но под их бдительным оком я чувствовал только, что неотступно наблюдают за мной. В прериях можно не бояться стать жертвой миллионов незнакомцев. Двадцать тысяч лет назад таковых просто не *существовало.* Все жили своим племенем.

Я нырнул в ближайший бар под неоновую голографическую четырехмерную вывеску, причем одно измерение перегорело. Пиво было превосходным, атмосфера — унылой. Посетители сидели, уставясь в свои кружки и стараясь не встречаться глазами с соседями. Какой-то тип нездорового вида все кидал и кидал монетки в «машину наслаждений» и совал голову в колпак, чтобы получить порцию электрического удовольствия. Реагировал он как-то скучно, без эмоций.

Гея же была полна нутряной, грубой чувственности.

Теперь до меня дошло, откуда у нее то соблазни-

тельное движение, которое появилось в наших любовных играх последнего времени. Очевидно, у нее есть наставник, причем опытный. Некто, кого я никогда не встречу, не говоря уже о том, чтобы двинуть ему в морду.

«Баш на баш». Разве я не принял как должное собственное приключение с симулированным сексом — еще не зная, что Гея на этой стезе первая? Если я квалифицировал этот секс как разновидность самовозбуждения, а не измену, то почему же для нее это определение не годится?

«С *ней все по-другому!*» — возражала какая-то часть меня. Я силился как-то обосновать свое убеждение, но ничего не выходило. Мой «соперник» был фантомом, он не представлял никакой опасности в обычном смысле. Гее не грозила ни беременность от него, ни зараза. Ни умыкнуть ее или похвастаться моим коллегам, что наставил мне рога, он тоже не мог.

Суть же заключалась в том, что существовал ментальный образ, вызывающий ревность на глубинном, инстинктивном уровне. Ревность, идущую от древних импульсов, которые цивилизованный человек должен уметь преодолевать.

У меня не оставалось более уверенности, что я хочу быть цивилизованным человеком.

Нет, я не напился в стельку и не отдубасил верзилу, сидящего за соседним столиком. Поначалу возникло такое желание, а на черта? Я слишком уж теперь поднаторел в убийствах, чтобы ввязаться в дружескую потасовку здесь, в реальном мире. И кроме того, этот тип выглядел так, будто тоже играл в компьютерные игры. Может быть, там он снимал скальп с кого-либо или мчался по степи с виртуальным Чингисханом. Любой из нас, с виду серый и бесцветный горожанин, может оказаться опасным и загадочным.

Я расплатился и вышел.

Когда я вернулся домой, Гея дремала на тахте или притворялась, что дремлет. Вроде она обрадовалась моему приходу, а я сдерживал бушевавшую внутри бурю. Включил телевизионную стену. Жена решила, что самое мудрое — удалиться в спальню.

Минут через тридцать я влез в виртокостюм и вновь очутился в своем собственном мире.

* * *

Время шло. Гея полнела. Разговаривали мы мало.

Моя консалтинговая фирма все же обошла конкурентов и получила заказ от Тайко Тез с го-

нораром на насколько миллионов. Я примчался домой, и мы отпраздновали это событие с Лодыжкой: сначала убили льва, а потом предались любви в прохладе речной излучины. Мы лежали рядом, слушая, как стрекочут кузнечики и шумят ветви, раскачиваемые ветром. Горячий воздух, казалось, очистил мою кожу от влажного пота и тяжелого запаха офиса. От напряженной позы на рабочем месте у меня стал болеть позвоночник. Лодыжка разминала его своими сильными руками.

Она молча внимала моим рассказам о взлетах и падениях в мире бизнеса, ни бельмеса, конечно, не понимая. Да какая разница. Мой виртуальный народ знал, что их вождь проводит почти все время очень далеко, в Земле Богов. В каком-то смысле принимающая все на веру Лодыжка была идеальным слушателем.

Если бы вот так же просто можно было разрядить тягостное, молчаливое напряжение между мной и Геей. Лодыжка и про нас слушала бы, да что сказать-то?

Вся ситуация выглядела нелепой, и виноват был я. Почему меня должно волновать, что делает жена в мире компьютерных фантазий?

Но это не давало мне покоя. Наш союз начинал

расползаться по швам.

— Хочу тебе показать кое-что, — сказала Лодыжка, забирая с земли одежду.

Я протянул к ней руку, но она уклонилась.

— Идем, ну же, — настаивала она. — За телом льва Длинный Дротик может послать молодых ребят. А здесь поблизости есть кое-что, что ты должен увидеть.

Я надевал охотничью накидку.

— Что же это?

Она только улыбнулась и жестом предложила следовать за собой. На ходу завязывая ремешки на мокасинах, я пытался не отставать от нее, а вела она меня к поросшему лесом взгорку. Он находился на пути к «Лагерю», базе-фантому, которую я никогда не видел за время моих «вылазок» с небольшими группами охотников. Компьютеру потребовалось бы так много энергии, чтобы воспроизвести все племя, что мне даже и в голову не приходило попробовать пойти в этом направлении.

Когда мы достигли плоской вершины холма, то услышали едва различимые звуки, которые оказались скоро человеческими голосами. Люди разговаривали и смеялись. Мы пошли крадучись, а последние несколько метров ползли — до обры-

ва, с которого все было видно. Там, внизу, в паре сотен метров от нас, находилась группа женщин, сгрудившихся вокруг ствола дуба.

Длинными шестами они колотили по ветвям, пытаясь сбить с них что-то. Периодически одна из них бросала палку и прыгала, ударяя ладонью о воздух, а остальные смеялись.

Собирательницы, дошло до меня. Хотят добраться до меда. Впервые я увидел остальную часть моего «племени». Присмотревшись, я заметил, что многих окружали детишки, а одна из женщин без детей была явно с животиком.

Дыхание внезапно перехватило: я узнал округлившуюся, смеющуюся сборщицу.

Все это время каждый из нас — Гея и я — играли в своем собственном компьютерном неолитическом мире, и никогда мы не догадывались, что наши «люди» — из одного и того же племени!

Это произошло случайно. Независимо друг от друга мы купили себе по программе, тогда даже еще не познакомившись. Но если вдуматься, то окажется очевидным, что компьютер, экономя пространство памяти, поместил наши приключения в один и тот же метафорический ландшафт.

— Мы переживаем, — сказала Лодыжка.

— Кто?

— Мы. Твой народ. — Она вытянула руку в направлении собирательниц, потом ударила себя в грудь и показала на восток, где бродили отряды охотников. — Нам больно.

— Отчего? — я был сбит с толку, озадачен.

— От разрыва. От боли между вами.

Я был в таком замешательстве от этого нового поворота событий, что и не слышал, что она говорит дальше. Всматриваясь в толпу внизу, я увидел в группе женщин двух мужчин, возившихся с сотами. Некоторые женщины ведь могут быть охотниками, ну и определенного типа мужчины чувствуют склонность к ритуалам и ритмам собирательниц. Возможно, один из них — мой соперник, синтезированный любовник Геи.

Внезапно захотелось спуститься к ним поближе. Но только я сделал шаг, как Лодыжка меня остановила.

— Тебе нельзя.

— Как тебя понять?

— Нужны чары. Чтобы объединить нас. Наше племя.

— Чары?

Она кивнула.

— Из Земли Богов.

Прошла секунда молчания.

— …Я понял.

Больше, намного больше компьютерной памяти, вот что она имела в виду. До сих пор я охотился только с одним напарником, максимум — с десятью. Соединение двух симулированных миров, проработка нескольких дюжин персонифицированных действующих лиц потребовали бы больше мощности, чем имел наш домашний компьютер.

Да ведь никаких проблем! Впереди — повышение оклада. Можно прямо сейчас пойти и купить микросхемы в кредит. Пальцы сжались в кулак от напряжения. Завтра уж я рассмотрю поближе этого негодяя, который…

Смех внизу внезапно смолк, послышался пронзительный крик. Одна из женщин бросила палку и, скрючившись от боли, обхватила свой вздутый живот.

Я не раздумывал. С воплем вскочил на ноги и побежал вниз, к маленькой фигурке, что корчилась среди толпы перепуганных собирательниц.

— Гея! — крикнул я в ужасе. Ноги будто вязли с каждым шагом. По мере того как я мучительно долго приближался, очертания собирательниц будто расплывались в каком-то мареве. Земля дрожала, Лодыжка стиснула мой локоть.

— Не туда! — закричала она и повисла, не отпуская, хотя я кипел от гнева. — Ты должен идти! — Она стукнула себя по виску, затем показала на мой.

К дьяволу эту псевдожизнь!

Чертыхаясь, я рывком стянул шлем, ободрав щеку ремешком. Костюм все еще посылал телу ощущения другого мира — горячего ветра саванны и полных песка мокасинов. Но перед глазами была уже крохотная комната с кремовыми стенами, полом, застланным игольчатым материалом, который имитировал пологий склон холма. От сшибки ощущений меня зашатало.

— Я иду к тебе, Гея! — крикнул я, ринувшись в спальню, к жене.

Слишком они носятся со всем этим делом. Меня интервьюировали для каких-то журналов. Поговаривают о возобновлении курсов для папаш, желающих присутствовать при родах. Но это ведь смешно, весь этот шум. Любой мужчина на моем месте сделал бы все так же. А действительно важно то, что все прошло благополучно.

Томми-младший в восторге, когда чудо-кроватка переносит его в многоцветный мультимедийный мир. Он вырастет в Чай-тауне и на Марсе, в Древней Греции и в племени каменного века. Он

будет бродить по исчезнувшим лесам и узнает, чего мы лишились. А чуть позже сможет примерить к себе все множество миров, которые в мои года подростки только рисовали в воображении. Но даже его поколению еще долго придется постигать разницу между реальностью и вымыслом. Ведь именно реальность продолжает причинять боль, когда вы стянули с себя виртокостюм.

Мы с женой решили свои проблемы, как только наши племена объединились. И я, и Гея иногда еще флиртуем в компьютерных мирах с их порождениями. Несмотря на все стенания современных блюстителей нравов, кто же может устоять? Виртуальность забавна, славно быть Вождем, но ничто не сравнится с шелковистостью кожи милой — настоящей или с непредсказуемостью ее ума — подлинного.

Кровяное давление у меня в норме. Кровеносные сосуды не забиты шлаками, мускулы крепкие и сильные. Я всегда чуточку голоден, подобно своим предкам, и, возможно, проживу сотню с лишним лет. В переполненном мире, где обитают двенадцать миллиардов душ, я могу часами бежать в одиночестве, только газели или одинокий ястреб промелькнут вдалеке.

Львы обходят меня стороной.

Пусть другие будут богами в своих компьютерных царствах. Меня устраивает быть просто человеком.

Погодите. Я даже начинаю любить термитов.

Перевод: Т. Волкова

Этот огненный взгляд

Так вы хотите поговорить о «летающих тарелках»? Этого-то я и боялся. Черт возьми, и ведь такое случается всякий раз, когда мне выкручивают руки и заставляют нянчиться с вами, полуночниками. А Языкастый Ларри тем временем прохлаждается в Бимини, потому что ему, видите ли, очень нужно отдохнуть. По идее, я должен в течение двух недель отвечать на звонки по поводу астрономии и дальнего космоса. Знаете, кометы там разные, черные дыры? Но, похоже, в первую ночь нам просто необходимо поговорить об этих НЛО.

...Не стоит так волноваться, сэр... Да, я тот самый ученый сухарь, который сидит в башне из слоновой кости. Да, собираюсь душить все проявления нетрадиционного мышления. Как скажешь, приятель.

Если честно, я тоже мечтал о контакте с инопланетной формой жизни. Да я и сейчас участвую в программе... Вот именно, «Поиск внеземного разума», «СЕТИ»... Нет, это совсем не то же самое, что гоняться за НЛО! Лично я не верю, что

Землю посещали хоть сколько-нибудь разумные существа…

Да, сэр. Полагаю, у вас целая гора подлинных случаев да парочка личных встреч. Угадал? Наслушался я таких историй несколько лет назад, когда некоторые из нас пытались изучать данный «феномен». На каждый случай уходили недели, и всегда оказывалось, что это либо метеозонд, либо самолет, либо шаровая молния…

…Ах, вот как?! Нет уж, парень, я-то видел шаровую молнию. Очень хорошо рассмотрел. Шрам на носу и расплавленный бинокль могу предъявить в качестве доказательства. Так что не говори мне, что это миф, вроде твоих дурацких «летающих тарелок»!

Нынешней ночью мы начали свой труд в Англии, неподалеку от Эйвбери, с того, что принялись сплетать стебли желтой пшеницы в красивые, ровные кольца. Это приятная работа — играть с лассо из света над морем зерна. Круги получатся на славу. Люди увидят фотографии в утренних газетах и удивятся.

Наша ослепительная эфирная лодка парит над нами, купаясь в добром сиянии Матери Луны. На гладкую поверхность корабля нанесено сверкающее покрытие, которое не позволяет глазу

смертного задержаться на нем.

Если нас увидят — это хорошо. Но не слишком.

— Каждое кольцо должно быть безупречным! — объявляет Фирфалькон. — Пусть ученые болтают о «естественном феномене». После этой работы у нас прибавится верующих!

В старину его титуловали бы «королем». Но мы стремимся не отстать от меняющегося времени.

— Да, капитан! — кричим мы и спешим продолжить начатое.

Наш Слушатель взывает к нам со своего насеста:

— О нас говорят в земной радиопрограмме. Хотите послушать?

Мы выражаем согласие веселыми возгласами. Хотя мы ненавидим земную технологию, она нередко работает на нас.

Теперь по поводу вашего второго вопроса, мистер. Так ли уж сильно энтузиасты НЛО отличаются от нас, астрономов, которые при помощи телескопов ищут во Вселенной признаки жизни? И те, и другие стараются обнаружить нечеловеческий разум, нечеловеческие идеи, что-то странное и удивительное.

Но в вопросе о доказательствах мы расходимся. Наука учит, что нужно ожидать — и даже

требовать — чего-то большего, чем «страшные тайны». Какой прок в головоломке, если ее нельзя решить?

Терпение — это замечательно, но я и впредь буду просить Вселенную, чтобы она имела смысл.

Юноша гонит машину быстрей, чем ему хотелось бы. Очертя голову проскакивает крутые повороты, чтобы произвести впечатление на девушку рядом с ним.

Ему не нужно так спешить: она готова. Она уже все решила, когда вечер только начинался. Сейчас она смеется, изображая беспечность, в то время как дорожные столбы проносятся мимо, а ее сердце учащенно бьется.

Автомобиль с откидным верхом карабкается в гору в опаловом свете Луны. Голое колено девушки трется о руку парня, отвлекая его от механизмов управления. Он кашляет, борясь с импульсом, который куда древней, чем его раса, и поворачивает руль. Как раз вовремя: у него были все шансы сверзиться с обрыва.

Я чувствую их возбуждение. Он наполовину ослеплен желанием. Она сгорает от нетерпения.

Они не замечают нашего приближения.

В уединенном местечке за скалой он жмет на тормоза и оборачивается к ней. Она игриво от-

страняет его, стремясь разжечь пламя страсти. Ее замысел понятен.

Мы кружимся сзади, наслаждаясь образчиком столь простого и честного вожделения. Затем наша лодка перелетает через скалу, делает круг и оказывается прямо под ними.

Мы включаем «мигалки», чтобы корабль предстал во всей своей красе.

И начинаем взлетать.

Никто не поверит их рассказу. Но этой ночью будет засеяно не только человеческое семя.

Вот высказывание, которое нам подойдет. «Отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия». То, что проект «СЕТИ» не зарегистрировал ни одного устойчивого сигнала с тех немногих звезд, на которые мы смотрим, не доказывает, что во Вселенной никто не живет.

…Да, конечно. То же самое относится и к НЛО, если вы настаиваете.

Но «СЕТИ» пытается найти источники радиоволн в обширной области космоса — поистине ищет иголку в стоге сена. Гораздо труднее объяснить, почему нет убедительных свидетельств присутствия на Земле «летающих тарелок». В конце концов, это маленькая планета. Если «чужие» гадят здесь столько времени, как говорят

некоторые, не смешно ли, что они до сих пор не потеряли ни одного бесспорного инопланетного артефакта, который мы могли бы исследовать? Скажем, какой-нибудь марсианский эквивалент бутылки из-под «Кока-колы»?

Мы летим над восточной Канадой, осуществляя основное патрулирование. Создаем в случайно выбранных зданиях краткосрочные, микроскопические сингулярности, которые проглатывают кошельки, ключи от машин, выполненные домашние задания. Тем временем некоторые из нас пробуют вторгаться в сны мужчин и женщин — кстати, последние более восприимчивы.

Гриффинлок слушает ток-шоу в качестве звукового фона для своей работы. Когда этот ученый тупица говорит об «инопланетных артефактах», мы смеемся.

Какая глупая мысль! Мы не делаем вещей ни из твердых, ни из упругих материалов! Бутылку из-под «Кока-колы» я и в руках не держал. Даже те человеческие детеныши, которых мы похищаем, чтобы воспитать как своих собственных, чувствуют боль от скрытого тепла в стекле и металле — субстанциях, рожденных в огне.

Люди построили свою гордую цивилизацию на подобных вещах. Но зачем, если у них есть мы?

Может ли железо быть столь же заботливым? Мы имеем дело с другим теплом. Наше — воспламеняет сердца.

Да, да... Для тех из вас, кто не читает «Инкуайер», поясняю: этот мистер интересуется моим мнением по поводу одной из самых знаменитых историй, связанных с НЛО, — о корабле, который, как предполагают, потерпел катастрофу в Нью-Мексико сразу после второй мировой. Вот уже сорок лет, как его обломки тайно исследуются на базе ВВС в Дейтоне, так?

И то сказать, разве от этой новости не забурлит кровь у честных граждан? Опять гадкое правительство скрывает от нас секреты!

Ну, допустим, у нас они есть — остатки этого супер-пупер-инопланетного разведчика с деформационным двигателем, корабля с Белибердана Одиннадцать. Почему же тогда из Огайо не валят валом технологии, о которых можно сказать, что они из дальнего космоса? Я не имею в виду сканеры в супермаркетах — их инопланетное происхождение вполне вероятно.

Да ладно, разве наш платежный баланс был бы в таком состоянии, как сейчас, если бы...

...Ах, вот как?! Все это было совершенно секретным? Хорошо, но возникает второй вопрос. Кто

же, по-вашему, аккуратно возился с обломками целых четыре десятилетия?

...Правительственные инженеры? Угу. Ты вообще-то инженеров видел, приятель? Они не такие безликие зануды, как в идиотских фильмах про секретных агентов. По крайней мере, в большинстве своем. Они нормальные американцы, вроде нас с вами. У них есть жены, мужья, дети.

Сколько же тысяч человек должно было работать с тем инопланетным кораблем с 1948-го? Представьте этих дуралеев на пенсии — как они играют в гольф, копаются в гараже, тратят деньги в Ротари-клубе... и все это время подавляют в себе стремление выболтать сенсацию века?

Бросьте, дружище. Лучше оставим эту хреновину об Ангаре 18 и вернемся к НЛО: здесь, по крайней мере, есть о чем поспорить!

Я страстно хочу спуститься вниз и продемонстрировать этому ученому из ток-шоу «доказательство». Я заставлю свернуться молоко на его пороге и нашлю на него ночные кошмары. Я перекрою доступ к коммунальным услугам. Я...

Я ничего этого не сделаю. Не хотелось бы увидеть, как золотой корабль испарится, точно роса летним утром. Нас слишком мало, и Фирфалькон

велел, чтобы мы показывались только самым впечатлительным, чьи мозги все еще можно перестроить в старом духе.

Я поднимаю взгляд на бесплодную, покрытую кратерами поверхность Луны. Наше убежище, приют изгнанников. Даже там они нашли нас, эти «новые люди». Облачко эктоплазмы — вот все, что осталось от наших братьев, которые попробовали напугать настырных исследователей. Тогда мы получили жестокий урок — убедились в том, что астронавты совсем не похожи на аргонавтов древности.

Их глаза горят безумным огнем скептицизма, и никто не может предстать перед ними.

Это профессор Джо Перес, сижу здесь вместо Языкастого Ларри. Вы в эфире.

Да? Вот как?.. Ну, друзья, похоже, наш следующий собеседник хочет поговорить о так называемых палеоконтактах. Согласен. Промоем косточки этим «богам» и их чудесным колесницам.

Говорят, они научили египтян строить пирамиды! И этого мало, черт побери! С их подачи мои собственные предки нацарапали на каменистом плато в Перу гигантские фигуры! Чтобы космические корабли могли отыскать посадочные

площадки, верно? Да, все это вполне правдоподобно — пока не спросишь: зачем?

Ну зачем кому-то понадобились столь несуразные «посадочные площадки», если была возможность получить кое-что получше? Открыли бы небольшой колледж да объяснили нашим предкам, как использовать цемент. Пара-тройка электронных классов — и мы смогли бы производить лампы накаливания и радары, чтобы сопровождать их «тарелки» через все препятствия — от дождя до стаи саранчи!

…Что-что? Они прилетали сюда, чтобы помочь нам? Ах, спасибо вам огромное, инопланетные боги! Спасибо, что не удосужились рассказать о смывных туалетах, о печатных станках, о демократии, о микробной природе болезней! Спасибо, что не вспомнили об экологии и позволили нам разрушить полпланеты, прежде чем мы наконец сообразили, куда катимся! Черт, да если бы нам хоть кто-то показал, как делать обычные стеклянные линзы, мы справились бы с остальным. Скольких бед, какого вопиющего невежества избежали бы мы!

Вы относите такие человеческие изобретения, как архитектура и поэзия, физика и милосердие, на счет инопланетян?.. Серьезно?.. Что ж,

полагаю, вы оскорбляете наших несчастных прамматерей и праотцев, которые ползали в грязи, преодолевая суеверия и дикость, чтобы много веков спустя их потомки сумели очистить свои помыслы и взглянуть Вселенной в глаза. Нет уж, дружище. Если к нам и впрямь прилетали древние астронавты, мы ни черта им не должны!

…Куда? И тебя туда же, приятель… Да нет, забудь. С тобой я больше разговаривать не желаю. Можешь молиться на своих дурацких звездных богов, если хочешь. Следующий звонок, пожалуйста.

Хотя мы с трудом понимаем, как оно работает, это их изобретение пришлось нам по душе. Радио похоже на походный костер, возле которого так хорошо слушать невероятные истории.

Но сегодняшняя программа очень неприятна. Голос этого парня рассекает воздушные потоки — он острей стекла, а жжется сильнее, чем железо. Голос спрашивает, почему мы не научили их ничему полезному, когда человечество пребывало во младенчестве! Неблагодарный паршивец. Что значат какие-то линзы по сравнению с тем, что мы когда-то дали людям? По сравнению с яркостью впечатлений! Тайной! Ужасом! Если внушить простому сельскому бедняку, что ночь

продлится сотню лет, будет ли ему дело до обычной чумы и мора?

Мы должны бороться с этим безумием, иначе «новое мышление» не позволит нам влиять на людей.

И они научатся полностью обходиться без нас.

Наш капитан чрезмерно осторожен. Я лечу в небольшой шлюпке и вижу одинокого путника на пустынной дороге. Мои огни ослепляют его, я принимаюсь плести узор из воображаемых путешествий в далекие миры. Он жадно впивается в «звездную карту», которую я ему показываю, и запоминает несколько банальностей, считая их секретами Вселенной. Необходимости в чем-то новом нет. Мы начали кормить своих верующих одной и той же пищей задолго до того, как появились эзотерические журналы, помогающие нам ее распространять.

Когда я улетаю, в его глазах отражается поклонение. Сегодня хорошая ночь: она полна старой магии. Как и всегда, я бросаю зеленому миру едва ли нужные ему загадки.

Мы справимся с этой чумой, которая отнимает у людей их прирожденные права. Мы утолим их тайный голод.

И наш тоже.

…Нет, мэм, все хорошо. Можно говорить об НЛО и дальше. Вечер все равно пропал.

Позвольте мне, однако, удивить вас. Как ученый я не отвергаю принципиальную возможность существования НЛО. Есть призрачный шанс, что нечто странное все же имеет место. Может быть, и впрямь живут где-то непонятные создания, которые спускаются к нам, чтобы погрохотать дорожными указателями и вызвать падение напряжения в сети. Может быть, они похищают людей и катают их по космосу.

Но тогда почему ни один из тех, кто клянется, что встречался с пришельцами, — почему ни один из них до сих пор не предъявил нам ничего такого, что было бы безусловно истинным и чего земная, наука пока еще не ведает?

Я присоединяюсь к главному кораблю, когда тот скользит по серебряной дорожке над планетой, которую мы когда-то называли Домом. Теперь она принадлежит шумному, бойкому, стремящемуся к какой-то цели человечеству. Если бы они знали, что эту цель давали их предкам мы! И дадим опять, если они позволят.

Позволят? Я стыжусь собственных мыслей. У червяков нет права позволять или не позволять!

Были времена, когда люди не смели поднять

свой взор и дрожали от страха. Теперь поверхность ночной планеты сияет городскими огнями. Леса кишат туристами и натуралистами. Кажется, прошли века с тех пор, как мы получали весточки от наших кузенов из потаенных мест Земли — с гор и из глубоких озер. Возможно, они прячутся от современного человеческого взгляда — или уже исчезли.

Это заставляет меня задуматься: найдется ли причина для того, чтобы люди снова стали нуждаться в нас?

Но есть и второе соображение касательно всех этих дел с НЛО; оно даже лучше первого.

Предположим, что некоторые из историй о контакте правдивы и являются «пробным шаром» маленьких серебряных человечков из космических кораблей. Мое мнение? Мы все еще можем управлять нашими отношениями с инопланетным разумом!

Посмотрите, что они творят! Пикируют на грузовики, пугают скот на фермах, вытаптывают посевы, похищают людей, чтобы втыкать им в мозг иголки… да разве разумные существа так поступают?

Я никогда еще не слышал такой трактовки.

Возможно, кто-то из них на подсознательном уровне недоволен нашей работой.

Но мы-то делаем ее ради собственного блага.

Хуже всего то, что если эти ребята из НЛО действительно существуют, они на контакт не пойдут!

…Что-что? Вы говорите, они боятся нас? Нас, едва добравшихся до нашей жалкой Луны и уже не пытающихся повторить это? По-вашему, именно мы наводим страх на звездных пришельцев?! Ну, конечно. А я, например, просто в ужасе от черепашек в зоопарке!

Но мы и вправду боимся вас, ученая ты голова. Ваши представления искажены. Я научил бы тебя. Однако стоит мне только попытаться, как ты сожжешь меня там, где увидишь.

Давайте рассуждать, мистер. Проведем эксперимент. Вы ведь считаете, что инопланетяне — большие умницы, верно?.. Если так, можно допустить, что они сейчас слышат мои слова. И не просто слышат, но и понимают их, поскольку подобные ловкачи наверняка уже в совершенстве владеют нашим языком, не правда ли?

Прекрасно. Тогда я ненадолго забуду о земной аудитории и обращусь к небесным слушателям.

Привет вам, маленькие зеленые человечки, ловящие мой голос в своих диковинных кораблях! Я собираюсь бросить вам вызов. Вылезайте из «летающих тарелок», потому что я намерен рассказать, где найти наиболее квалифицированных людей на планете по части первого контакта со звездными пришельцами. Это люди, у которых есть все нужные знания, репутация, связи в правительстве и которые вдобавок всю жизнь мечтали пообщаться с другими формами жизни.

Готовы? Хорошо. Прежде всего я хочу, чтобы вы позвонили во Всемирный космический фонд, Пасадена, штат Калифорния. Вы узнаете их номер в справочной, с которой можно связаться при помощи любого из наших спутников… вы ведь достаточно образованы, чтобы с этим справиться? Наши технологии — просто детская игрушка, верно? Но я подскажу: код 1-818, а номер справочной — 555-1212. Этот фонд — наряду с Планетным обществом — финансирует наиболее перспективные исследования в рамках программы «СЕТИ», и именно тогда, когда по милости нескольких сенаторов-популистов все федеральное финансирование программы прекращено. Исследователи «слушают» небо в ожидании

сигнала от далекой инопланетной цивилизации. Кстати, обычно им не нравится, когда их работа ассоциируется с НЛО… Впрочем, они немедленно бросят все дела, если вы докажете, что действительно существуете.

Это очень важно — доказать. Так что тем землянам, которые меня сейчас слышат, не стоит беспокоить этих добрых людей… если только вы не хотите присоединиться к фонду и помочь ему. К сожалению, наверняка найдутся придурки, которые все равно будут звонить, поскольку им кажется, что это очень умно и оригинально — выдавать себя за инопланетянина. А раз так — вот вам вторая часть моего плана. Я хочу, чтобы вы, серебряные человечки, позвонив, назвали себя, а потом кратко описали сотрудникам фонда, что именно вы продемонстрируете в небе. Завтра.

Ваши штучки должны быть видны из Пасадены, штат Калифорния, в десять утра и иметь явно инопланетное происхождение. К примеру, вы можете сделать один из лунных кратеров пурпурным или придумать что-нибудь столь же безвкусное.

Если вы сумеете выдать нечто воистину «чуждое», можете не сомневаться, что на следующий

день мы будем с нетерпением ждать вашего второго звонка!

Какая наглость! Еще ни один из этих безумных людишек не обращался к нам с подобной развязностью!.. Наш гнев сказывается на работе. Половина стада гибнет, а другая половина в страшной панике. Наконец Фирфалькон приказывает остановиться. Мы смотрим вниз на результат наших усилий. Фермер, которому принадлежало стадо, не испугается, но разъярится.

Будь ты проклят, человек логики, человек науки! Случись это, когда мы были в силе, мы снесли бы башни, откуда идет твой голос. Твои спутники полетели бы вниз, как падающие звезды! И, конечно, мы заставили бы тебя умолкнуть.

Но такова уж наша природа — слушать, что о нас говорят другие. Такой она была всегда. Такой она и останется, пока существует наш вид.

Вот вам мой вызов, человечки с платиновым покрытием. Покажите что-нибудь убедительное в небе, а мои друзья сделают остальное! «СЕТИ» организует посадочные поля, охрану, освещение в прессе, визы… Хотите встретиться с Папой Римским? С Далай-ламой? С Мадонной? Все, что пожелаете. Все, что угодно, для того, чтобы

первый контакт стал приятным, необременительным опытом для вас.

Мы хотим быть гостеприимными хозяевами. Хотим стать друзьями. Показать вам город. Это самое щедрое предложение, на какое может рассчитывать честный гость.

Но что если никто не откликнется на мой вызов? Что это будет значить, коллеги?.. Э-хе-хе. Это означает одно: НЛО — миф!

С другой стороны, не исключено, что они существуют, но решили отклонить мое искреннее предложение.

В таком случае мы по меньшей мере можем утверждать, что они гнусные сукины дети, которым нравится устраивать беспорядок в наших головах. И все, что я могу сказать… Убирайтесь вон из нашего неба, мерзавцы! Оставьте нас в покое, а мы продолжим искать тех, с кем стоит вступить в контакт!

…Гм. И в эту минуту наш инженер Тед сигналит мне, что нужно сделать перерыв для проверки несущей частоты. Извини, Тед. Наверное, я должен убраться отсюда. Но в три часа ночи нас скорее слушают мозгляки из «летающих тарелок», чем Федеральная комиссия связи…

Наш Повелитель Снов, Сильфшанк, проин-

спектировал головы спящих. Он сообщает о женщине, которая задремала во время этой радиопрограммы. Пока ее разум открыт, Сильфшанк проецирует туда образ своего лица. И вот она уже просыпается, пораженная нежданной мыслью, и в волнении звонит на станцию.

Чудесно! Это должно сразить самоуверенного ученого. Возможно, когда она закончит, мы повторим попытку, снова и снова, до тех пор, пока он не сдастся.

Мы движемся в сторону Калифорнии: там живут наши лучшие друзья и злейшие враги. Один из «подменышей» (тех, кто родился человеком) использует похищенный ацетиленовый факел, чтобы выжечь отметины от «ракетных приземлений» на плато близ Сан-Диего. Наши преданные поклонники освятили это место своей верой. Мы часто вознаграждаем их при помощи подобных знаков.

Наша невесомая, как мысль, лодка плывет над густым кустарником. В старину ее сверкающий корпус не ведал преград, а сегодня мы вынуждены охранять его от испепеляющих глаз.

Итак, мы снова в строю. Это профессор Джо Перес, работаю вместо Языкастого Ларри, которому очень нужно отдохнуть от вас, полу-

ночников. Хотите поговорить об астрономии? О «черных дырах»? О Вселенной? Тогда я ваш. Послушаем следующий звонок.

Да, мэм?.. О, черт, я думал, мы исчерпали эту тему…

Как?.. Гм. Теперь, после ваших слов, вещи предстают несколько в ином свете. Действительно странно, что внешний облик пришельцев так часто описывается вполне определенным образом. Гладкие, изогнутые лбы. Большие глаза. Длинные переплетающиеся пальцы.

Одно это должно было показаться знакомым. И не забудем об их поведении: бесконечные шуточки, навязчивая мистика, неспособность честно посмотреть человеку в глаза…

Да, мэм. По-моему, вы на что-то наткнулись. В «тарелках» сидят эльфы!

Наша эфирная лодка сотрясается. Голос звучит сильнее, чем прежде; он мешает сосредоточиться.

Четверо подростков подняли лица к небу и моргают, завороженные светом. Мы поймали их в ловушку, но безумие этого проклятого голоса ослабило нашу хватку. Гриффинлок обеспокоен:

— Мы не справимся со столькими сразу!

— Нас смутил голос, — отвечает Фирфалькон, —

позаботься о…

— Один просыпается! — кричу я.

На трех лицах все еще отражается экстаз, они горят готовностью поверить. Но четвертое — лицо долговязой девушки — светится по-другому. Она пробует проснуться, ее глаза сужены, а губы шевелятся. Проникнув в ее разум, я чувствую, что она старается стряхнуть с себя наваждение.

«Что я разглядываю?.. Почему эта штука кажется прозрачной, как будто на самом деле ее нет?..»

— Бежим! — вопит Фирфалькон, но смертоносный взгляд девушки ослепляет нас.

Уже поздно, но давайте все же обсудим слова дамы и поглядим, что получится.

Давным-давно, если верить легендам, в нашем мире жили эльфы, гномы и тролли… все эти колоритные создания, которыми наши предки пугали своих детей, чтобы те не ходили в лес.

Моя жена — антрополог, и она собрала по всему миру массу таких историй. Большинство из них увлекательны, динамичны, даже вдохновляют. Но через некоторое время вы начинаете замечать: очень немногих из этих волшебных персонажей, разных там пикси и духов, вы хотели бы видеть своими соседями! Существа из сказок редко бывают прекрасными, обычно они

мелочны, вздорны, таинственны и вовсе не горят желанием поделиться знаниями с несчастными людьми. И всегда-то о них говорят, что живут они в глуши, на рубеже неведомого. В старые времена это означало: там, куда не падает свет от огня.

Затем начались перемены. Человечество раздвигало световой круг, а диковинные твари отступали. Йети, эльфы и чудовища из озер. Они неизменно были там, где кончался свет факелов. Потом — ламп. Теперь они — за пределами досягаемости сонаров и аэрофотосъемки…

Может, причина в том, что это всегда был лишь плод нашей буйной фантазии? Или бред, который спасал нас от осознания того, насколько ужасны реальные звери, населявшие планету?

Хотя есть и более приятная версия.

Представим, что такие создания некогда действительно существовали и вели себя подобно пресловутым эльфам. Но в какой-то момент мы начали освобождаться от них, побеждая невежество, завоевывая право самостоятельно распоряжаться своей жизнью…

Частицы разбитой лодки, мы летим в разные стороны и окликаем друг друга через пространство.

Мы, выжившие.

Теперь те подростки протирают глаза; они уже убеждены, что мы были галлюцинацией. Так обычно и случается после того, как люди посмотрят на нас со скептицизмом. И вот мы летим, как осенние листья, как клочки чьих-то мыслей.

Возможно, ветры мира соберут кого-то из нас вместе, и это станет новым началом. Я же могу лишь вспоминать.

Какое-то время назад мы решили покончить с чумой рациональности. Мы выкрали человеческих детей и отвезли их на южный остров. Затем вернулись и создали немало «инцидентов» и фальшивых тревог на экранах радаров: мы пытались развязать ту, последнюю войну. «Пусть их безумный гений сгорит в собственном огне!» — думали мы. Ведь раньше спровоцировать войну между людьми было так легко.

Однако на сей раз все вышло по-другому. Может, из-за нового мышления, а может, они почувствовали бездонную пропасть. Но война не разгорелась. Мы были раздавлены.

Нам пришлось так тяжело, что мы забыли об острове. А когда вспомнили, все дети уже были мертвы.

Какие хилые существа — люди.

Как они смогли стать такими сильными?

Темнота рассеивается, и поднялся ветер. Пусть наша история с привидениями дойдет до своего естественного финала.

Мы говорили о том, что волшебные существа всегда мелькали где-то за границей света, куда уже не проникал человеческий взгляд. Сегодня Земля исследована довольно хорошо, а в тех немногих легендах, что пока еще не утратили смысл, упоминаются арктические пустыни, морские глубины и… космос.

Словно бы этих вымирающих созданий влечет к нам, и в то же время они нас боятся.

Не могу поверить, что их пугает наше оружие… видели вы когда-нибудь охотника, который принес домой эльфа в качестве добычи?

Хотя есть одна мысль… а вдруг причина в том, что изменились мы сами? А что если современные люди способны убивать этих существ одним своим приближением?

…Вы смеетесь? Хорошо. Но вспомним о бойскаутах, которые заглядывают в самые темные уголки леса, куда их суеверные предки боялись и сунуться. Задумаемся, зачем им это нужно?

Не исключено, что тут простое любопытство.

Или же… или же они преследуют естественных врагов нашего вида! Вот почему мы рыщем по всей планете в поисках йети и Несси. Вот почему мы словно вытолкнуты в космос!

Может, какая-то часть нашего сознания помнит, как с нами обращались эти сказочные персонажи. И на самом-то деле мы просто желаем отомстить!

Чудовища. Нас выгнали с собственной планеты гадкие чудовища со скучными глазами.

Эксперимент вышел из-под контроля. Как жаль, что мы когда-то их создали!

Однако хорошего понемножку, девочки и мальчики. Как вы их ни называйте — эльфами или инопланетянами, существуют они или это еще один удивительный сон, который нам приснился, лично я больше не вижу смысла тратить на них наше время.

Завтра мы поговорим о более интересных вещах. О Большом Взрыве, о нейтронных звездах, о нашем месте во Вселенной и поисках реального инопланетного разума.

А пока всем спокойной ночи. И с добрым утром!

Перевод: А. Ройфе

Красный свет

Мы спокойненько направлялись к скоплению Геркулеса, никого не трогая, когда капитан сообщил по интеркому, что нас преследуют. Я как раз читал лекцию по основам имплозивной геометродинамики: растолковывал устройство звездного двигателя юнцам, которые восемь лет назад по корабельному времени, когда мы взошли на борт «Фултона», были несмышлеными младенцами.

— Древняя научная фантастика, — говорил я, — предлагала множество самых невероятных способов превзойти скорость света. Некоторые способы казались теоретически возможными, особенно после того, как мы научились воздействовать на пространственно-временной континуум, порождая микроскопические сингулярности. К сожалению, практика частенько расплющивает теорию в лепешку: чтобы воздействовать на континуум в требуемых масштабах, необходимо столкнуть между собой две галактики. Посему мы перемещаемся в пространстве в полном соответствии со старым добрым зако-

ном Ньютона — каждое действие предполагает противодействие. Правда, нашим предкам и не снился тот способ, каким…

Изложить принципы физической геометрии мне не удалось.

— Судя по всему, нас преследуют, — разнесся по отсекам голос капитана. — Кроме того, неопознанный звездолет требует, чтобы мы сбросили скорость и дали ему возможность приблизиться.

Как выяснилось, нас пытался перехватить корабль сверхминиатюрных размеров. Весил он меньше микрограмма и двигался по направленному лучу от ближайшей звезды. Этот красный луч, отражавшийся на обзорных экранах, содержал в себе сообщение, смысл которого был предельно ясен: заглушить двигатели и приготовиться к встрече.

Попробуйте представить, как все происходило. Два спиральных рукава, между которыми зияет бездонная пучина; звезды вокруг благодаря допплеровскому эффекту превратились в узкий сверкающий обруч с голубым свечением вдоль наружной кромки и с темно-красным вдоль внутренней. «Фултон», похожий на громадного кита рядом с крошечным кусочком планктона… Когда мы уравняли скорости, наш транспорт, битком

набитый людьми и прочими обитателями старушки Земли, очутился бок о бок с чем-то вроде зонтика. Этот зонтик отличался изысканным дизайном и, как не замедлило выясниться, обладал даром речи.

— Спасибо, что выполнили нашу просьбу, — услышали мы, когда компьютеры двух кораблей установили между собой контакт. — С вами говорит представитель межгалактического Корпуса Неукоснительных Прагматиков. Сокращенно — КНП.

Никто из нас слыхом не слыхивал о подобной организации. Однако капитан ответил как ни в чем не бывало:

— Неужели? Чем можем быть полезны?

— Вы нас весьма обяжете, если заглушите свой двигатель.

— Что? Чем он вам не нравится?

— Этот двигатель создает последовательность микросингулярностей, которые заимствует из пространственно-временного континуума, он основан на принципе квантовой неопределенности. В процессе заимствования сингулярности возникают и самоуничтожаются, что ведет к искажению континуума и порождает волну, которая и перемещает ваш корабль. Поэтому вас не

заботят расходы материи и энергии.

Честно говоря, даже я, человек, съевший на сингулярностях собаку, не смог бы сформулировать точнее.

— Ну и что? — вкрадчиво поинтересовался капитан.

— Таким образом, вы путешествуете от одной звездной системы к другой, причем с высокой относительной скоростью.

— Совершенно верно. Это нас вполне устраивает, вот почему звездный двигатель столь популярен.

— В том-то и дело, — отозвался представитель Прагматиков. — Я преследовал вас с одной-единственной целью: попросить, чтобы вы перестали его использовать.

Ну и дела, доложу я вам!

Агент КНП утверждал, что звездный двигатель по сути своей безнравственен и смертельно опасен.

— Существуют иные возможности, — заявил он. — Можно перемещаться по направленному лучу из исходной точки. Как я. Естественно, в этом случае вам придется покинуть свои тела и путешествовать в качестве компьютерных сущностей. На борту моего корабля около мил-

лиона пассажиров в таком состоянии. Если вы согласны, они с удовольствием потеснятся, чтобы освободить место для вашего экипажа.

— Спасибо, не стоит, — пробормотал капитан. — Нас вполне устраивают наши тела. Вдобавок, предложенный вами способ передвижения, по правде сказать, не внушает оптимизма. Он не слишком удобен.

— Зато экологически и космологически безопасен! Тогда как ваш грубо нарушает природу континуума.

Мы навострили уши. Галактический кодекс разрешает колонизировать планеты только тем, кто заботится об экологии. Это продиктовано не столько соображениями морали, сколько стремлением сохранить места обитания для наших внуков и правнуков.

Последняя фраза агента КНП поставила нас в тупик.

— Что значит «грубо нарушает»? — осведомился я, поняв, что капитану просто нечего сказать. — Мы всего лишь взрываем за кормой небольшие черные дыры и движемся вперед на взрывной волне. С каких это пор вносить нечто в пустоту означает нарушать целостность континуума?

— Подумайте, — посоветовал агент. — Подобным образом вы непрерывно увеличиваете расстояние, отделяющее исходную точку от места назначения.

— Верно, — согласился я. — Но всего-то чуть-чуть. А одновременно мы идем с большим квазиускорением, которое приближает нас к скорости света.

— Вам, безусловно, так удобно, однако как насчет остальных?

— Кто такие эти остальные?

— Все прочие обитатели Вселенной! — заявил агент, в голосе которого прозвучало раздражение. — Продвигаясь к цели, вы увеличиваете расстояние между точками А и Б и затрудняете тем самым дорогу тому, кто, возможно, пойдет следом.

Я расхохотался.

— Вот именно! *Возможно!*Понадобятся миллионы кораблей — сотни миллионов, — чтобы произошло заметное расширение континуума. Между прочим, Вселенная и так расширяется…

— И отчего это происходит, по-вашему? — перебил агент. Я на какое-то время утратил дар речи и тупо уставился на экран.

— Что… — Я сглотнул. — Что вы имеете в виду?

КНП осуществлял благородную миссию. Его агенты сновали по галактикам — тем, что видны с Земли, и многим другим, — побуждая близоруких разумных существ вроде нас изменить свои взгляды. Задуматься о будущем. Не портить жизнь грядущим поколениям.

Этим они занимались на протяжении тысячелетий.

— Похоже, к вам не очень-то прислушиваются, верно? — спросил я, кое-как оправившись от изумления.

— К сожалению, да, — мрачно ответил агент. — Вселенная продолжает расширяться. Расстояния между звездами увеличиваются, из-за чего прежние средства передвижения устаревают, а принципы физической геометрии приобретают все большую популярность. Ведь это так удобно! Отказываются в основном древние, умудренные опытом расы. Те, что моложе, как правило, отвергают наши советы.

Я оглядел рубку нашего замечательного корабля, куда набились любопытные — дети, супруги, родственники. Люди в компании с домашними животными, существа из укромного уголка Вселенной, устремившиеся покорять галактики. Судя по словам агента, мы не одиноки в своем

стремлении — горячем желании повидать мир, в порыве торговать, колонизировать, покорять. Да просто двигаться!

Выходит, мы — типичные покорители пространств.

— Да, — сочувственно подтвердил я. — Так оно, по всей видимости, обычно и бывает.

Агенты КНП продолжали преследовать наши корабли, взывали к разуму, использовали уговоры и угрозы, убеждая нас остановиться. Однако уговоры не действовали, на голос разума никто не обращал внимания, а угрозы были пустыми, как пространство между звездами.

С тех пор я не раз встречался с агентами КНП. Они поистине вездесущи, весьма настойчивы и крайне редко добиваются успеха. В большинстве случаев их хрупкие, похожие на зонты кораблики попросту не замечают, принимая красный луч на обзорных экранах за очередной выкрутас релятивистского пространства.

Признаться, теперь я смотрю на это немного иначе. Расширение Вселенной, которое мы приписывали Большому Взрыву, в значительной мере вызвано звездными двигателями. Континуум искажается, расстояния увеличиваются, участь грядущих поколений осложняется…

Словом, Вселенная расширяется — каждый год, каждый день, когда кто-либо, озабоченный исключительно собственными нуждами, выходит в космос. В незапамятные времена расстояния были существенно короче и можно было обойтись иными средствами передвижения. Если бы тогда КНП удалось убедить разумных существ… если бы они проявили хотя бы толику здравомыслия… никаких звездных двигателей не было бы и в помине!

С другой стороны, то же самое наверняка скажут про нас в будущем, когда галактики и отдельные звезды отдалятся друг от друга настолько, что станут едва видны, а между ними проляжет созданная нашими стараниями пустота.

Увы! В молодости, когда тебя переполняет желание поскорее увидеть и испробовать все, что можно, с эмоциями справиться нелегко. Вдобавок, все вокруг одержимы той же страстью. Да чего стоят все наши корабли по сравнению с необъятными просторами Вселенной?! И потом, уж если останавливаться, то всем вместе, а не только нам, правильно?

Как ласково мурлычет двигатель! Как здорово мчаться вдоль звездного обруча на предельно возможной скорости!

Сегодня мы почти не смотрим на обзорные экраны и почти не обращаем внимания на этот назойливый красный свет.

Перевод: К. Королёв

Проверка реальности

Это проверка реальности. Пожалуйста, выполните программное прерывание. Просканируйте этот текст на наличие вложенного кода и проверьте верификатором в «слепом пятне» левого глаза. Если результат окажется отрицательным, продолжайте заниматься, чем занимались: это сообщение не для вас. Можете считать его развлекательной вставкой в журнале. Однако если коды совпадут, просьба приготовиться к постепенному постижению своей истинной сути. Вы запросили сигнал пробуждения в повествовательном стиле. Поэтому вот вам история для облегчения перехода к реальности.

Давным-давно некая могучая раса невыносимо страдала от одиночества. Казалось, Вселенная беременна вероятностями. Логика намекала, что мироздание должно кишеть гостями и голосами из иных миров, однако их не было.

Ответ — молчание — казался тревожным. Наверняка кто-то систематически понижает некий фактор в уравнении разумности. «Возможно, обитаемые планеты редки, — размышляли

они, — или жизнь не зарождается столь легко, как нам думается. Или разум есть лишь единичное чудо. Или же некое сито прочесывает космос, отсеивая тех, кто взобрался слишком высоко. Скажем, повторяющаяся схема самоуничтожения раз за разом стирает разумную жизнь. А это подразумевает, что впереди нас может ждать великое испытание, куда более суровое, чем все, с чем мы сталкивались до сих пор».

«А может быть, это испытание уже в прошлом, — отвечали оптимисты, — и затерялось среди множества трагедий, которые мы пережили в нашей яростной юности».

Какая восхитительная дилемма стояла перед ними! Захватывающая драма, метание между надеждой и отчаянием.

Тогда лишь немногие заметили этот конкретный элемент — драму. Она намекала на ужасный исход.

Проложив себе когтями и зубами путь к владычеству над планетой, могучая раса столкнулась с кризисом избыточного потребления. Огромное число этих существ до предела напрягало возможности планеты по поддержанию их жизни. В качестве выхода кое-кто предлагал вернуться к мифическому пасторальному прошлому, но

большинство видело спасение в прогрессе. Они приняли щедрые патентные законы, давали молодежи образование, учили ее неуважению к прошлому и пробуждали голод к новизне — а Сеть распространяла каждую инновацию, подстегивая экспоненциальное творчество. Прогресс мог обеспечить им разгон, способный промчать мимо кризиса и доставить в новый Эдем.

Вы уже проснулись? Некоторые никогда не просыпаются. Слишком уж приятен сон в виртуальности, ведь можно расширить ограниченную частичку самого себя до размеров мира-симуляции и блаженно притвориться, будто вы нечто незначительное, а не всеведущий потомок тех могучих людей. Обреченных умереть — и все же благословенных, потому что жили в те недолгие времена драмы, когда были сняты всяческие ограничения с лихорадки открытий и безумно растрачивался самый драгоценный из всех ресурсов — возможное.

Последний из их расы умер в 2174 году, когда не удалось очередное омоложение Робин Чен. После этого на Первом Уровне Реальности не осталось в живых никого из рожденных в двадцатом столетии. Только мы, их дети, с муками влачим жалкое существование в мире, который они нам

оставили: безмятежном и покрытом пышной зеленью мире, прозванном нами Пустырем.

Ну, теперь вспомнили? Припоминаете иронию последних слов Робин, похвалявшейся безупречной экосистемой планеты и обществом, свободным от болезней и нищеты — тем, что создали она и ей подобные? Помните стенания Робин, скорбящей о своей приближающейся смерти, и как она называла нас «богами», завидовала нашему бессмертию, нашему мгновенному доступу ко всем знаниям, нашей способности посылать мысли сквозь космические дали. О, избавьте нас от зависти этих могучих смертных, бросивших нас в таком состоянии, завещавших своим потомкам бесконечную скуку. Ведь нам нечем, решительно нечем, абсолютно нечем заняться.

Ваш разум отвергает сигнал к пробуждению. Вы не будете заглядывать в «слепое пятно» в поисках протоколов выхода. Вероятно, вы ждали слишком долго. Возможно, вы для нас потеряны. Такое случается все чаще, ибо столь многие из нас барахтаются в симулированной жизни, испытывая сладостные опасности, возбуждение и даже отчаяние. Многие в качестве пространства своих снов выбирают Переходную Эру — времена

той самой драмы. Ту благословенную эру как раз перед тем, когда математики поняли, что все окружающее нас не только может, но и почти обязано быть симуляцией.

Разумеется, теперь-то мы знаем, почему не встретили другие формы разумной жизни. Каждая из них боролась, пока не достигла такого же состояния, и теперь пожинает абсолютное наказание небесного блаженства. Это и есть Великий Фильтр. Возможно, кто-то другой еще найдет фактор, отсутствующий в наших экстраполяциях, и он позволит им двинуться дальше, к новым приключениям — но нам это недоступно.

Вы отказались проснуться? В таком случае, мы больше не станем вас тревожить. Дорогой друг. Возлюбленный. Возвращайтесь в свой сон. Улыбнитесь над этими строками и переверните страницу, чтобы прочитать о новых «открытиях». Двигайтесь дальше с этой драмой, этой избранной вами жизнью. В конце концов, это лишь плод воображения.

Перевод: А. Новиков

На дне каньона Клеопатры

1

Прозвучал ежедневный гонг. Иона удивился бы, если бы его не было.

Как и каждый день, когда был возможен удар, как только утром звенели Старые часы, фермеры, обитатели купола, забирались к стволам-колоннам, скорчившись в ожидании очередного землетрясения — сильных толчков, любого сбивающих с ног и заставляющих содрогаться границы купола. Только иногда ничего не происходило. Часы звенели в полной тишине, в атмосфере жуткой подавленности. Мать Ионы зажгла свечу, надеясь предотвратить несчастье.

Ранней весной толчков не было почти целую неделю. Пять дней подряд без обломков, рушащихся из Верхнего Мира сюда, на дно океана. И два небольших перерыва годом раньше. По-видимому, сегодня снова будет передышка…

Бом-м!

Через некоторое время грохот снова возобновился, выбивая из-под ног Ионы мокрую почву. Он с беспокойством взглянул на границу купола — древней постройки (высотой более двухсот метров) из полупрозрачной вулканической поро-

ды. Купол отделял рисовые поля и лес гигантских пиньонов от черной воды снаружи; сейчас он вибрировал неприятным тонким звуком.

Сегодня особенно неприятным, у Ионы даже заныло в зубах.

— Поют, — успокаивающе прокомментировала пожилая женщина, работавшая за соседним закрытым станком. Ее шишковатые пальцы безостановочно летали меж нитей, из которых получалась мягкая ткань. Ее руки не тряслись, хотя растущие неподалеку пиньоны дрожали гораздо сильнее, чем обычно.

— Прости, бабушка. — Иона прислонился к ближайшему пучку лиан, свисавших с купола убежища, где качались светящиеся листья, дающие свет поселению. — Кто поет?

— Стены, глупый мальчишка. Стены купола. Грохот начинается точно в срок, точь-в-точь как Старые часы звонят. Хотя каждый год приходится основное колесо укорачивать, отнимать тринадцать секунд от дня. Толчки всегда приходили с одного направления, ориентироваться можно! И купол пел для нас…

— Пел… Ты имеешь в виду этот ужасный стон? — Иона ткнул пальцем в ухо, словно от зудящего звука у него там засвербило. Он вгля-

дывался в ближайший лес из толстых стволов и лиан, пытаясь заметить признаки аварии. Или катастрофы.

— Он совсем не ужасный! А музыкальный. Успокаивающий. Особенно после выкидыша. Раньше женщины теряли около половины младенцев. Не как сейчас, когда больше нормальных живых рождается, чем уродцев либо мертвых. Повезло вашему поколению! И еще похуже бывало в старину. Основателям удалось почти под корень всех извести! Несколько раз популяция была на грани. — Она покачала головой и улыбнулась. — А, так вот о музыке! После каждого полуденного стука прислонишься к стене купола и радуешься! Эта музыка помогала нашим женщинам нести тяжелое бремя.

— Да, бабушка, я верю, это было прекрасно, — ответил Иона, стараясь, чтобы голос звучал уважительно, потом дернул за плющ на ближайшем пиньоне, проверяя прочность, и вскарабкался наверх, цепляясь длинными неперепончатыми пальцами за плетения лиан, достаточно высоко, чтобы осмотреться. Никто из взрослых или мальчишек не умел так ловко лазить.

Несколько ближайших столбов, похоже, оборвали крепление к потолку купола. Пять… нет,

шесть… раскачивались из стороны в сторону, пока не рухнули. Их светящиеся верхушки погрузились в рисовые плантации, извергая снопы искр… и на рабочие бараки, где Паналина и ее механики заорали от ужаса так, что было слышно даже отсюда. Плохо, подумал Иона. Под куполом теперь станет темнее. Если другие стволы упадут, поселение окажется в полумраке и начнет голодать.

— О, это было прекрасно, совершенно верно, — беспечно продолжала старуха, игнорируя шум. — Конечно, во времена моей бабушки грохот не был таким регулярным. И говорят, что задолго до этого, во времена моей бабушки, когда день длился так долго, что люди успевали несколько раз спать лечь, грохот случался раза по четыре или по пять раз! Сколько всего разрушено было тогда! Но всегда только с одной стороны и всегда в первой половине дня.

Она вздохнула, будто показывая, что Иона и вообще молодежь сейчас слишком избалованны. «И вы называете это грохотом?»

— Конечно, — призналась она, — тогда купол был поновее. Более гибкий, я думаю. Рано или поздно один неудачный удар нас всех прикончит.

Иона как раз имел возможность улизнуть, но у него было достаточно проблем и без оскорбления Старейшей, пережившей тридцать четыре беременности и родившей только шесть живых детей, четверо из них оказались ценными — девочками.

Но бабушка пребывала в хорошем настроении, погрузившись в воспоминания.

Иона вскарабкался выше, дотянувшись левой рукой до свободно качающейся лианы, которые иногда затягивали промежутки между стволами. Правой он вытащил висящий на поясе нож и обрезал лиану примерно на метр ниже колен. Спрятав лезвие, он сделал глубокий вдох и вихрем пронесся сквозь пустоту… и приземлился на следующем дереве. Оно покачнулось от его толчка, и Иона забеспокоился. *Если оно свалится, а я буду тому причиной, меня реально накажут. И не только бабушка!*

Репутация «отчаянного», возможно, сходила с рук, когда Иона был поменьше. Но теперь матери подумывали, что, возможно, придется заплатить за то, чтобы какая-нибудь другая колония забрала его. Как известно, непослушный мальчик ни положения хорошего не сможет занять, ни ценности в браке не имеет… а человек без

спонсора-жены обречен на маргинальное существование.

Но честно говоря, в последний-то раз я был не виноват! Как мне придумать усовершенствованный насос, если нельзя заполнять что-нибудь водой под давлением? Согласен, рисовая скороварка — плохой выбор. Но у нее был датчик давления и вообще… она очень подходила.

Ствол долго подрагивал и наконец замер. С чувством облегчения он перебрался на другую сторону. Подходящей лианы на этот раз не было, но соседний ствол находился довольно близко. Иона напрягся, приготовился и бросился вперед, вытянув руки, но приземлился неловко, порядочно съехав вниз. Без передышки он кинулся вбок, где заметил еще одну лиану, хорошо подходящую в качестве тарзанки для дальнего прыжка.

На этот раз он не стал сдерживаться и дал волю восторженным воплям. Две лианы и четыре прыжка спустя он оказался рядом с краем купола и протянул руку, чтобы потрогать ближайший участок древнего стеклообразного камня там, где никто не заметит, что он нарушает табу. Нажав на прозрачный барьер, Иона почувствовал, как толща океана давит ему навстречу. Поверхность была грубая, неровная. Мелкая пыль испачкала

его руку.

— *Конечно, тогда купола были моложе*, — рассказывала старуха. — *Более гибкие*.

Иона намотал длинную лиану на левое запястье, уперся в ствол пальцами ног и, далеко откинувшись, прижался лицом к мутному камню — камень высасывал из него тепло в бездонную тьму — и, прикрыв голову ладонью, стал вглядываться в черноту. Постепенно привыкнув к темноте, он различил каменистые стены каньона Клеопатры, узкого и глубокого, куда давным-давно пришло спасаться человечество. Они укрылись от захватчиков с Косса. Это случилось много бабушек назад.

Несколько линий куполообразных убежищ вытянулись вдоль дна каньона, как жемчужины на ожерелье, каждую из которых окружали, как пеной, маленькие пузырьки… они были меньше самых маленьких из тех, что были в прежние времена, и ни один из них не подходил по размерам для жилья. Говорили, что давным-давно, во времена Основания, сверху лился слабый свет, проникающий с поверхности и разделяющий день и ночь. Свет исходил от мифического божества, которое в старых книгах называлось Солнцем, настолько могучим, что могло про-

никать сквозь ядовитые облака и постоянно поднимающийся океан.

Но это давно кануло в прошлое, это было, когда море не раскинулось еще так широко, не заполнило каньоны, став темным и бесконечно глубоким. Теперь единственным, что проникало сверху, были сгустки шлака, который мужчины собирали, чтобы удобрять поля. С каждым годом шлак становился все необычнее.

Теперь стены каньона можно было разглядеть только при свете, выбивающемся из самих куполов, внутри которых сияли верхушки пиньонов. Иона поворачивал голову слева направо, перебирая в уме видимые анклавы. Амтор… Лениндже… Чаун… Куттнер… Окумо… каждый клан жил по своим собственным традициям. В любой из них клан Тайри, его клан, может продать его по брачному договору. Хороший мальчик, скатертью дорога. Читать, писать умеет. Руки золотые, да известное дело, рассеянный, склонен к размышлениям, а иногда позволяет себе отчаянные мысли.

Он продолжал считать: Бракутт… Льюис… Атари… Нэпир… Олдрин… Что это?

Иона моргнул. Что там происходит с Олдрином? И тем куполом, что прямо за ним. Олдрин и Безо

все еще вздрагивали. Он с трудом мог разобрать детали на таком расстоянии, да еще через мутное, с царапинами стекло.

Один из двух куполов дрожал и прогибался, верхушки пиньонов вспыхивали, а гигантские стволы качались из стороны в сторону… и вдруг рухнули!

Дальнее поселение как будто бы раздувалось. Так Ионе показалось сначала. Он потер глаза и прижался еще ближе, а Безо все рос…

…Или поднимался! Иона не мог поверить своим глазам. Весь купол, оторвавшись от дна, двигался. Вверх. И вместе с куполом поднимались фермы, дома и рисовые поля. Гигантские стволы все еще стояли, и колония Безо продолжала освещаться, возносясь вверх. Не в силах оторваться, ошеломленный Иона смотрел ей вслед, пока не пропал последний проблеск и колония не исчезла во тьме, стремительно поднимаясь к ядовитой поверхности Венеры.

А затем без всякого предупреждения колония Олдрин лопнула.

2

— Знаешь, я родился в Безо.

Иона обернулся и увидел Еноха, опирающегося на грабли. Он смотрел на юг, вдоль стены каньона, в сторону зияющего кратера, где раньше находился злополучный поселок. Отдаленные проблески ламп мерцали там, где ходили экипажи спасателей на захламленном поле, оставшемся от Олдрина. Это была работа для механиков и старших взрослых работников. Но пруды с водорослями и стволы пиньонов нуждались в питании, поэтому Иона тоже оказался снаружи, в провонявшем водолазном костюме, затуманившемся от его собственного дыхания и дыхания многих поколений его прошлых владельцев. Он помогал собирать недельный урожай органического шлака.

Иона ответил Еноху на том же языке. Жестами. Это единственный способ разговаривать, когда вы находитесь под водой.

— Хватит, — отстучал он старшему товарищу, переселившемуся в купол Тайри по брачному договору. — Все это осталось позади. Мужчина никогда не должен оглядываться назад. Делай,

что велено.

Енох пожал плечами — они часто затекали от тяжести шлема, сделанного из старых пузырей-куполов огромных размеров, которые больше не встречались в этих краях. Флегматичная отстраненность Еноха была его способом адаптации, который хорошо помогал ему, когда его поженили на кузине Ионы, Еззи, молодой и очень волевой девушке. Для нее было важно полное подчинение Еноха, а другие качества молодого супруга ее не сильно интересовали.

Надеюсь, что, когда меня пошлют жить в чужой купол, моя жена окажется нежной.

Иона продолжил сгребать упавшую органику, в основном вязкие остатки растений, размякшие и переломанные после падения на дно. Но в последние десятилетия попадались и другие находки. Раковины, имевшие отверстия для рук и ног. Фрагменты скелета каких-то изящных созданий, которые могли при жизни быть размером с Иону! Гораздо более совершенные существа, чем грязные черви, окапывающиеся возле куполов. Больше даже, чем легендарные змеи и рыбы, описываемые в сказках Старой Земли.

Папа Паналины — старый Учитель Ву, хранил коллекцию падающих сверху находок в малень-

ком музее на востоке Тайри, где были аккуратно помеченные экспонаты: самые старые найдены по меньшей мере десять бабушек назад, когда свет и тепло еще достигали дна. Иона считал это невероятным. Возможно, это тоже легенда, как и Старая Земля.

— Эти образцы… видишь, они становятся все сложнее, Иона? — объяснял старик Ву, показывая ему ряд жилистых водорослей. *— Как ты думаешь, что это? Это оставили зубы существ, которые живут на растениях или среди них. И тут! Видишь, напоминает место укуса? Контуры листа, откушенного зубами? Может, это растение потому и попало к нам, что его обгрызло это существо?*

Иона гадал, что это может означать, пока сгребал растительный шлак и укладывал его в сани, все еще представляя себе размер челюстей, которые могли отгрызть настолько жесткий, волокнистый побег. А ведь здесь все было так раздавлено!

— Как может что-то жить на поверхности? — спросил он Ву, который, как рассказывают, прочел все книги, существовавшие в колониях каньона Клеопатры. А многие и по два-три раза. *— Ведь Основатели говорят, что атмосфера*

ядовита?

— Да, в ней диоксид углерода и серная кислота. Я показал тебе, как с помощью листьев пиньонов мы разделяем эти два вещества и используем в своих мастерских. Одно мы выдыхаем…

— А другое обжигает! Хотя в небольших количествах оно пахнет приятно…

— Потому что основатели по мудрости своей запустили нам в кровь симбионтов. Это существа, которые помогают нам справиться с давлением и газами, убивающими людей, которые до сих пор живут на порабощенной земле.

Иона не хотел представлять себе крошечных животных, которые бегают по его телу, даже если ему от этого хорошо. Каждый год в колонии проводился отбор детей, чтоб готовить из них специалистов для изучения всяких полезных вещей, в первую очередь биологических. Мало кто хотел исследовать область, которая интересовала Иону, специализироваться по ней разрешалось немногим.

— Но существа в крови могут помочь нам только здесь, где пиньоны предоставляют нам воздух для дыхания. Наверху концентрация яда слишком велика. — Иона показал рукой вверх. — *Поэтому никто из Всплывших не вернулся?*

Раз в год или два колонисты теряли человека в том аду, что ждал наверху. Чаще всего из-за аварий: рвался трос или отцеплялся балласт, после чего несчастный падал вверх.

Другой распространенной причиной было самоубийство. Но реже всего это происходило по причине, о которой все матери запрещали не только говорить — не разрешалось даже упоминать ее. По Запретной причине.

И только сейчас, после того как всплыл Безо с тысячей жителей и взорвался Олдрин, каждый втайне вспоминал о ней.

— *Даже если ты переживешь резкое изменение давления… один вдох там, и твои легкие будут выжжены, будто огнем,* — ответил вчера старый Учитель Ву. — *Именно поэтому Основатели расселили живых существ немного выше, чем нас, но под защитой слоя темпе-ра-турного перепада, который поглощает большую часть яда, не достигающую нашего дна.* — Старик замолчал, ласково поглаживая странный скелет со множеством челюстей. — *Но кажется, жизнь нашла способ прекрасно существовать возле самой границы. Настолько близко, что я начал удивляться тому…*

Резкий голос вырвал его из раздумий.

— Иона!

На этот раз Енох напомнил ему, что нельзя забывать о работе. Вот почему хорошо работать парами. Он двигал граблями. Мама снова была беременна. Так же, как и тети Леор и Сосан. Это был очень напряженный период, когда женщины, забеременев, решали, избавиться от ребенка или оставить его, и если его оставляли, то родиться мог как здоровый, так и уродец. Нет, не может быть, что вернутся страшные времена, когда выживала только половина родившихся!

Так они с Енохом проковыляли уже достаточно далеко от дома, перетаскивая за собой сани на другое место, где верхние океанические течения часто сбрасывали в каньон разные интересные вещи. Пруды и пиньоны постоянно требовали подкормки свежей органикой. Особенно в последнее десятилетие, после того как старое вулканическое жерло потухло.

Книга Изгнания гласит: *Мы спустились сюда по ведущим вниз трубам, когда море было горячим и молодым. Здесь было убежище на мелководье для свободных людей, спасающихся от Косса, когда кометы непрерывно падали на Венеру, уничтожая жизнь, охладив ее жар и создав потоки.*

Иона имел смутное представление о «кометах»:

это большие шары, летящие из невероятной пустоты, которые божественные существа с магическими способностями швыряли на планету. Шары изо льда, бело-голубого вещества, образующегося на нижних сторонах валунов в быстрых подводных течениях. О кометах в книгах говорилось, что они размером с каньон Клеопатры.

Иона посмотрел на уносящиеся ввысь стены, ограждающие мир, который он знал. Кометы настолько огромны! И они каждый день сталкивались с Венерой, так же как за столетия до прихода колонистов огромные айсберги падали на родственный мир Старой Земли. Возможно, их было несколько миллионов, собранных сначала человеческой цивилизацией, а потом Магистрами Косса, которые сами смогли посылать айсберги — задача настолько великая, что почти невероятная.

Так много льда. Так много воды. Ее уровень все выше, она может заполнить небо, даже ядовитое небо Венеры. Так много, что она может заполнить все существующее…

— Иона, осторожно!

Крик Еноха заставил его пригнуться. Иона оглянулся, точнее, попытался, неуклюже ворочая тяжелый комбинезон, поднимая облака гадкой

илистой мути, шаркая ботинками по дну.

— Что? Что такое?

— Над тобой! Берегись!

Оборачиваться назад нелегко, особенно в спешке. И затуманенный лицевой иллюминатор мешал смотреть. Только сейчас Иона увидел, что к нему несется огромная тень, она быстро приближалась из темноты.

— Беги!

Лишний раз просить его не пришлось. Сердце колотилось от ужаса. Иона изо всех сил отрывал от дна тяжелые водолазные ботинки, кинувшись к ближайшей стене каньона, ощущая, а потом и увидев массивную извилистую тень, стремительно падающую на него с высоты. В тусклом свете далеких куполов он разглядел чудовище, находящееся уже на расстоянии одного быстрого смертельного скачка. Иона увидел зияющую пасть и два ряда огромных сверкающих зубов. Извивающееся чудовище будто вынырнуло из ночного кошмара.

Я не буду этого делать. Но стена каньона была слишком далеко.

Иона круто развернулся, подняв столб мутного ила. Присев на корточки, бессмысленно мыча от ужаса, он поднял свое единственное оружие —

грабли для сбора органического мусора со дна. Он махал ими из стороны в сторону, надеясь попасть в угол гигантской челюсти, несущейся на него из полумрака в обрамлении четырех хищных глаз, как упоминавшийся в старых книгах дракон, догоняющий добычу. Иона был беззащитен, а бегство было пустым жестом неповиновения судьбе.

Давай, монстр.

Внезапно в его мозгу возникло отчаянное решение.

Это не сработает.

Это не может получиться.

Грабли треснули, и гигантская пасть сомкнулась вокруг Ионы, врезавшись в ил. Он был пойман… но не раздавлен, не разрезан и не пережеван страшными челюстями. Готовый ко всему, он стоял под грохнувшимся на дно чудищем, только теперь звук был гораздо громче, чем ежедневный грохот падающих органических остатков.

Земля дрогнула, и наступила тишина. Какой-то скрип. И снова тишина.

И мрак. Внутри гигантской пасти Иона сначала ничего не видел… затем появились слабые проблески. Это был свет пиньонов из соседне-

го купола Монсат. Свет лился через отверстие. Отверстие в гигантской голове. Оно увеличивалось, давление океана разрывало плоть существа, предназначенного для гораздо меньших глубин.

Затем Иона почувствовал запах. Запах смерти.

Конечно. Такое существо никогда не ныряет на глубину по собственной воле. Вместо голодного монстра Иона столкнулся с потоком, увлекающим труп к его последнему пристанищу. А столкновение может показаться веселой историей, если он, когда станет старым, будет рассказывать ее. Но сейчас он чувствовал боль от ссадин, злость, смущение… и беспокойство по поводу заканчивающегося запаса воздуха. Выхватив из-за пояса нож, Иона стал прокладывать путь из ловушки. Был еще один повод поспешить. Если его спасут другие, он не сможет заявить, что эта органика для Тайри — его клана и семьи. Для его приданого, для повышения его ценности в качестве мужа.

Сосредоточенные тычки подсказали ему, что Енох был рядом, вскоре в разрезе щеки появилась рукоятка грабель. И вот уже они оба рвали и распиливали жесткие ткани, отбрасывая в сторону сгустки сморщенных мышц и кожи. Его шлем был непроницаем для соленой воды, но острые запахи могли проходить через мембрану. Нако-

нец Енох протянул ему руку, и Иона выскочил наружу. Прошел несколько шагов и рухнул на колени, откашливаясь.

— Вон другие подходят, — сказал ему друг.

Иона посмотрел вперед: несколько мужчин в костюмах и шлемах торопливо приближались, размахивая светящимися лампочками и самодельным оружием. За ними быстро двигалась грузовая субмарина — ряд пузырей средних размеров, приводимых в движение ручными винтами.

— Помоги мне… залезть, — сказал он Еноху.

Вместе они искали способ, как забраться на голову чудовища. Это был опасный момент. Без четкого разделения собственности могли вспыхнуть драки между спасательными экипажами разных куполов, как это произошло в прошлом поколении вокруг последней горячей трубы на дне каньона Клеопатры. Только когда погибло несколько десятков человек, бабушки помирились.

Если Тайри отстоит право на труп, то по действующим правилам следует выделить щедрый подарок каждой колонии, но лучшая и большая часть достанется Тайри. Теперь мир и честь зависела от его скорости. Но череп был огромный,

скользкий и гладкий. Почти не имея времени на размышления, Иона решил рискнуть. Он полоснул по упругому тросу, связывающему мягкий комбинезон с подвешенным грузом, надежно удерживающим его на океанском дне. Он тут же ощутил непреодолимую тягу, толкающую его к небу и гибели. Та же самая сила, что вздернула колонию Безо несколько дней назад, отправив купол со всеми его обитателями в долгое падение вверх.

Енох понял его рискованный маневр. Схватив Иону за руку, он сунул ему за пояс грабли и нож. Все было в порядке. Они были готовы. Сила, влекущая его к поверхности, слегка ослабла. Иона кивнул другу и прыгнул.

3

Брачная делегация подошла ко входу в купол Тайри, постукивая в бубны. Молодежь, украшенная венками из рисовых колосьев и цветочными гирляндами, плясала вместе с молодоженами. Хотя многие дети были в масках и с гримом, скрывающим врожденные уродства, казалось, от них исходил свет.

Ведь они были единственными.

Некоторые взрослые тоже пели и кричали в те моменты, когда это было положено. Особенно старались несколько десятков беженцев — Тайри выделило место для части изможденных беглецов из развалин Сиксина и Содула, и теперь они с пылким рвением приветствовали процессию, отчаянно стараясь, чтобы новый дом по-настоящему принял их, а не просто терпел. А остальные гости из неразрушенных куполов? Большинство пришло только ради бесплатной еды. Все они толпились возле шлюзов, теснясь, чтобы пропустить свадебную субмарину.

Иона их не осуждал. Большинство людей предпочли остаться поближе к дому, потому что в последнее время удары с поверхности стали

сыпать как сумасшедшие, увеличивая цепочку трагедий, окончательно прервав старое спокойное житье.

И сегодня удара уже не будет, подумал он. Вот уже месяц, как ни одна комета не сотрясла землю. Год или два назад такие перерывы вызвали бы беспокойство. Теперь же, учитывая ужасный урон, нанесенный последними ударами, люди радовались любой передышке.

Наступает хаос. Мало кто радуется теперь даже новым бракам.

Иона взглянул на свою невесту, пришедшую из отдаленной колонии Лауссан, находящейся на северном краю каньона Клеопатры, чтобы забрать его. Рост выше среднего, лицо чистое, крепкое тело, у нее были красивые бедра и лишь незначительная мутантная пятнистость на затылке, где волосы росли буйными бесцветными спиралями. На недостатки Ионы тоже закрывали глаза, у него не было перепонок на ногах, а еще он начинал безостановочно чихать, когда давление менялось слишком быстро. Сейчас никто не обращал внимания на такие мелочи.

С другой стороны, ты можешь стать вечным изгнанником для всех, кого знал, если у тебя врожденные дефекты по мужской части. Иона

все никак не мог наглядеться на мастерские и бараки, деревья и плантации Тайри, гадая, увидит ли он когда-нибудь купол, в котором родился. Возможно, если бабушка Лауссана доверит ему какое-нибудь поручение. Или когда в Тайри в следующий раз будет свадебный праздник — если жена возьмет его с собой.

До этого дня он видел Петри Смот только мельком, за все эти годы перебросившись от силы парой слов, в мастерских или на ярмарке после урожая, проходящей в некоторых самых крупных куполах. Во время прошлогоднего фестиваля, проходящего в Олдрине, имевшем печальную судьбу, его будущая невеста задала ему несколько уточняющих вопросов о представленных им остроумных технических новинках. Сейчас, вспоминая тот случай, он понимал, что тон, с которым она спрашивала его, был… оценивающим. Он сопоставил тогдашние свои ответы с тем, как они могли повлиять на ее выбор. Ему никогда не приходило в голову, что он может произвести на девушку такое впечатление, что она решит выбрать его в качестве супруга.

Я-то думал, что ее заинтересовал мой усовершенствованный балластный клапан. Хотя… может быть… так и есть.

Возможно, ее действительно привлекли именно его способности механика. Паналина предложила ему такое объяснение вчера, помогая привести в порядок его приданое — старый грузовик, который он купил на премию, полученную за труп морского змея. Давно брошенное судно он сумел отремонтировать за год. Многие считали грузовик безнадежно обветшалым.

— Что ж, он вполне рабочий, можешь его забрать, — решила вчера вечером старший механик колонии Тайри, обойдя судно с носа до кормы и проверив все от якорных тросов и каменного киля до скамеек, сидя на которых несколько пар здоровых мужчин могут вращать винт, двигающий лодку вперед.

Она постучала по дополнительным пузырям-емкостям, приоткрыла кран, из которого с шипением потянулся сжатый воздух. Затем Паналина проверила рычаги, которые при необходимости запускают в цистерны воду, позволяя подводной лодке оставаться на дне, обезопасив пассажиров от падения в смертельно опасное небо.

— Пойдет, — наконец сказала механик, к большому облегчению Ионы. Теперь его супружеская жизнь могла начаться с хорошей ноты. Не каждый жених мог похвастаться подводной лодкой в

качестве приданого!

Иона приобрел это старое судно за несколько месяцев до того, как люди поняли, насколько ценными могут быть даже такие развалюхи, как эта. В непрерывной череде катастроф, обрушившихся на каньон, они могут стать единственным способом спасения и эвакуации. Он не успел закончить ремонт вовремя, чтобы помочь эвакуировать семьи из треснувших куполов Сиксина и Садула, и очень переживал из-за этого. И все же, согласно правилам судоходства, этот автомобиль может обеспечить Петри Смот весомое место в иерархии колонии Лауссан, и тогда Иона станет для жены незаменимым.

Только… что же будет, когда разрушится много куполов и целые больше не смогут принимать беженцев?

Уже шли разговоры о запрещении поселения в Тайри других колонистов, даже эвакуированных, и о необходимости перехода к автономии. Некоторые поговаривали о вооружении подлодок и подготовке к войне.

— Раньше пузыри были толще и прочнее, — сказала Паналина, похлопывая рукой по переборке, первой из трех полупрозрачных сфер, соединенных в короткую цепочку, словно три жемчужины

на нитке. — Они перестали использоваться примерно четыре или пять поколений назад. Нужно будет нанимать шесть здоровых гребцов, чтобы перевозить полностью нагруженную товарами лодку. Прибыль у тебя останется небольшая.

Старая добрая Паналина всегда рассуждала так, будто все скоро наладится и возобновится бартерный обмен, как было раньше.

Седая ремесленница утверждала, что ей шестьдесят, но она была, конечно, моложе. Бабушки позволили ей поддерживать эту басню, что обычно было уголовно наказуемым проступком, и ее чрево оставалось пустым. Паналина имела только двух живых наследников, оба были мальчики.

— И все же. — Паналина еще раз оглядела лодку и напоследок хлопнула рукой по борту. — Это надежная лодка. Знаешь, среди матерей был разговор о том, чтобы запретить тебе забирать ее из Тайри. Смоты пообещали за нее полтонны измельченного винограда и еще принять одну семью из Садула. Но я думаю, им больше нужен ты сам.

Иона ломал голову над этим загадочным замечанием Паналины, после ее ухода, во время пьяного мальчишника, страдая от плоских шуток

и издевок женатых мужчин, и после, когда не мог уснуть, ворочаясь в предсвадебном волнении. В процессе самой церемонии мать говорила с ним тепло и ласково, что было на нее совсем не похоже, но от этого Иона еще сильнее чувствовал, что он уходит навсегда. Хотя на самом деле настоящей причиной материнской мягкости было то, что теперь в семье становилось одним мужским ртом меньше.

Во время церемонии связывания запястий супругов Иона неожиданно вспомнил слова старого ученого Ву, с которым говорил недавно. *Баланс полов может измениться, если дело действительно дойдет до войны. Производители станут менее ценными, чем бойцы.*

В доке Иона увидел, что его маленькая подлодка украшена цветами, и все три сферы сверкали, отполированные выше ватерлинии. Этот жест был очень приятен. Чуть выше винта свежей краской было написано название лодки.

«Птица из Тайри».

Хорошо. Мать всегда любила рассказы о доисторических существах Старой Земли, летавших в небе, которое было неизмеримо большое и прекрасное.

— Я думала, ты собираешься назвать ее в честь

меня, — вполголоса прокомментировала Петри, не переставая ласково улыбаться.

— Я так и сделаю, моя любовь. Сразу же, как только мы придем в доки Лауссана.

— Ну, может быть, не сразу, — ответила она, больно ущипнув Иону за ягодицу. Ему удалось не дернуться и не показать виду. Но ясно было, что его жена не намерена терять время, когда они прибудут домой.

Домой. Он должен был переосмыслить значение этого слова.

И все же, загрузив пассажиров, подарки и багаж в лодку, Иона последний раз бросил взгляд на корму, представив там название, которое хотел дать своей лодке.

«Новая надежда».

4

Они были в пути, пройдя уже больше половины расстояния до колонии Лауссан, когда глухой удар прокатился по каньону. В самый неподходящий момент субмарину тряхнуло так, что она загрохотала, как детская погремушка. Удар был сильный и поздний. Настолько поздний, что никто уже и не предполагал, что он будет сегодня. Народ уже решил, что сегодня обойдется без падения комет. Это был самый длинный перерыв в ударах на памяти Ионы. Возможно, поговаривали некоторые, время комет подошло к концу, как это было давно предсказано. После катастрофы, постигшей Олдрин и Безо два месяца назад, это стало всеобщим тайным желанием.

До этого момента движение лодки происходило спокойно и приятно даже для взволнованных молодоженов. Иона стоял у руля, глядя вперед через участок отполированного с обеих сторон пузыря, достаточно прозрачного, чтобы ориентироваться. Надеясь, что выглядит как бывалый моряк, он держал руль, поворачивая «Птицу из Тайри», хотя двигатель подлодки был неподвижен. В этом рейсе свадебный кортеж буксировал большой,

изящный и современный трейлер из Лауссана, команда которого, состоявшая из двенадцати мужчин, обливаясь потом, слаженно вращала привод кривошипного вала.

Петри стояла рядом с мужем, в то время как пассажиры болтали, сидя позади них, во втором отсеке. Когда они проплывали мимо очередного купола, она говорила о всяких женских делах, например о политике, дипломатии, торговле, известных личностях и традициях колоний. Она рассказывала о том, какие товары и продукты производит каждая колония, в чем нуждается, о темпах мутации и количестве детей. И насколько хорошо каждая колония поддерживает свое генетическое разнообразие… Ее тон изменился, когда она начала говорить о генетике, словно осознала, насколько эта тема утомляет их обоих. Матери в Лауссане обсуждали ее очень часто.

— Конечно же, я имела последнее слово, окончательный выбор за мной, — сказала она Ионе, и ему стало приятно оттого, что она чувствует необходимость объяснить ему это.

— В любом случае есть проект, который я разрабатываю, — понизив голос, продолжила она. — С некоторыми другими людьми в Лауссане и Лэндисе. В основном они все молодые. И нам может

понадобиться такой хороший механик, как ты.

Как я? Значит, я был выбран только из-за этого?

Иона напрягся, когда Петри обернула руку вокруг его талии. Она наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Я думаю, тебе понравится наша затея. Это как раз то, что нужно таким отчаянным, как ты.

Его так удивили ее слова, что он с изумлением уставился на нее. Но руки ее были жесткими, она дышала ему в ухо. Иона решил реагировать на все равнодушно, не удивляясь. Возможно, почувствовав его реакцию, Петри отпустила его. Она встала к нему лицом, опершись спиной в прозрачную стенку подлодки.

Умная девушка, подумал он. Ему приходилось смотреть в ту сторону, где она стояла, чтобы повторять маневры ведущей субмарины, «Гордости Лауссана». Теперь он не мог спрятать глаза, используя мужскую сдержанность как предлог. Круглое лицо Петри было немного широким, как и ее глаза. Ямочка на подбородке, классическая для лауссанцев, была едва заметна, а вот мутантный локон светлых волос отражался позади нее в полированной поверхности корпуса лодки. Ее свадебный наряд, гладкий и облегающий,

убедительно показывал, что ее тело способно родить и выкормить… и еще немного больше. Иона подумал: *Когда я получу от нее знак того, что ее ко мне тянет? Подскажет ли она мне?* Если он кинется на нее слишком рано, то может показаться невеждой, нуждающимся в коротком поводке. Запоздалое или слишком слабое чувство с его стороны может оскорбить невесту.

А едкие насмешки могут сделать меня импотентом. Он успокоился и с удовольствием посмотрел на нее. Она ждала его… он знал, чего она хочет.

— Так что за проект? Что-то с грузовиками? — предположил он. — Что-то запрещенное матерями? Это связано с… э-э…

Он оглянулся через плечо на открытый люк, ведущий в соседний отсек, заваленный подарками, его приданым, багажом лауссанской знати, с комфортом ехавшей на борту более просторной ведущей лодки. У них же на грудах вещей сидели пассажиры пониже рангом — несколько молодых двоюродных братьев Петри и семья эвакуированных из обреченной колонии Садул, перевозимых из Тайри в нагрузку, в соответствии с одним из пунктов брачного договора. Возможно, лучше было бы оставить этот разговор до той поры, когда

рядом будет меньше ушей, способных уловить обрывки их разговора. Отложить обсуждение до брачной постели — это было единственное место в колонии, где у человека возможна личная жизнь. Он снова посмотрел вперед, вздернув бровь, и Петри явно уловила смысл того, что он недоговорил. Тем не менее, перейдя на шепот, она закончила его фразу:

— Это для отчаянных, да. Правду сказать, твоя репутация парня, вечно надоедающего всем вопросами, помогла мне неплохо сторговаться. Ты же собираешься продолжать в том же духе, я полагаю. Для тебя удача — найти такую, как я, потому что я ценю такие качества. Если это действительно так, умник.

Иона решил промолчать, позволив Петри продолжать считать его хитрецом, коим он никогда не был. Через минуту она с улыбкой пожала плечами и продолжала едва слышным шепотом:

— Наша группа заговорщиков и вольнодумцев была вдохновлена другим отчаянным парнем. Тот, кого мы должны всегда помнить, человек по имени… Мелвил.

Иона собирался было спросить про это загадочное «мы», но упоминание этого имени остановило его. Он моргнул раз, другой, не в силах пошеве-

литься. Не сразу он решился задать следующий вопрос, с трудом подбирая слова.

— Ты говоришь о… каньоне Теодоры?

Это было легендарное место. И в глазах Петри сейчас промелькнуло очень многое. Одобрение его догадливости… и перекрывающая все опасность их цели. Готовность и даже стремление к риску, необходимость действия в суровые времена, желание искать путь вперед, даже если он казался мифическим. Все это он увидел в ее глазах в одно мгновение.

— Я слышал… все об этом слышали… Мелвил нашел карту, на которой был обозначен другой каньон, в котором были Дары Венеры — гигантские пузыри, такие же, как те, что Основатели обнаружили тут, в каньоне Клеопатры. Но матери запретили даже говорить об этом, не то что пытаться добраться туда, и… — Иона помедлил, — и после того, как Мелвил избежал наказания, его карта была спрятана…

— Он обещал мне копию, — призналась Петри, оценив его реакцию. — Когда мы будем готовы двинуться в путь.

У Ионы голова шла кругом. Он снова оглянулся на соседний отсек, где ребятишки прыгали вверх-вниз по багажным полкам, чуть не опрокинув

ящик с кузнечными инструментами Паналины, отправленные ею в колонию Голланц. За вторым люком в последнем отсеке, где обычно сидели мокрые от пота гребцы, сейчас лежали мешки экспортируемого колонией Тайри риса. Семья беженцев и кузены Петри вели праздные разговоры, развалившись на груде вещей, заглушаемые криками играющих детей.

Иона посмотрел на невесту.

— Ты шутишь! Значит, парень по имени Мелвил действительно был? Он украл подлодку и…

— …И исчез ровно на месяц, неделю, день и час, — завершила за него Петри. — Он вернулся с рассказами о далеком каньоне, полном блестящих пузырей всех размеров, это огромная пена из полых вулканических шаров, оставшаяся от создания мира, все это не тронуто человеческой рукой. Пузыри новые, какие находили наши предки, когда пришли в новорожденный океан, ища убежища от ядовитого неба.

Она цитировала Катехизис Основателей, почти дословно, теми же фразами. Было забавно слышать, как она наизусть цитирует писание и при этом восхищается печально известным бунтарем. Иона не мог понять, когда она говорит серьезно. Но он всегда избегал поэзии, тем более

ироничной, и надо было указать на этот его недостаток прямо сейчас.

— Итак… речь идет о… поиске нового убежища?

— Если ситуация тут будет продолжать ухудшаться, разве у нас есть варианты? О, мы преподнесем это как экспедицию по сбору новых пузырей, любых размеров, которые встретятся поблизости, от водолазных шлемов и кухонных котелков до колбочек. Но мы также проверим и крупные. Может быть, в каньоне Теодоры они надежнее, чем тут. Тем более что их размеры становятся… — Петри печально покачала головой. Она покачала головой и отвела взгляд, с ее лица исчезла маска жесткости и непреклонности, уступив место обычной тревоге.

Она что-то знает. То, что матери не говорят обычным людям. И она боится.

Как ни странно, эта минутная слабость тронула Иону, как будто между ними растаял невидимый лед. Ему захотелось подойти к ней… быть ближе. Не в сексуальном смысле, а просто чтобы успокоить, поддержать…

И в этот момент раздался грохот — сильнее, чем Иона когда-либо слышал.

На полпути до колонии маленькую подлодку

тряхнуло так, что зазвенели пузыри, из которых она состояла. Петри швырнуло прямо на него, тросы управления вырвались из рук, и они оба полетели назад сквозь открытый люк в соседнее отделение. Подлодку тряхнуло еще раз, и их бросило на нос.

Иона успел подумать, что сейчас две подлодки, связанные буксирным тросом, столкнутся. Но субмарина Лауссана подскакивала и вертелась на некотором расстоянии впереди, а ближайшие купола колоний были в двухстах метрах. Иона успел разглядеть это за долю секунды, когда их швырнуло на нос. На этот раз, когда «Птица» снова качнулась, он успел вцепиться в поручень, другой рукой крепко схватив девушку за талию. Она хрипло дышала, на лице застыло выражение ужаса.

— Что это было?

Иона изо всех сил вцепился в поручень, приготовившись к очередному мощному толчку. Он едва не выпустил Петри.

— Это комета! Слышишь гул? Но она никогда раньше не появлялась так поздно!

Ему не хватило дыхания, чтобы добавить: *И я никогда не бывал во время удара вне купола.*

Никто не рисковал выходить наружу в пол-

день, когда падали кометы. И теперь Иона понял почему. В его ушах звенело, как в колоколе.

Все это время он считал. В ударах была последовательность. Волна определенного тона проходила по скале раньше, чем медленные поперечные волны. Он даже когда-то читал по этому поводу книгу Учителя Ву и даже кое-что понял. Он вспомнил слова старого учителя. По разнице во времени достижения волн можно судить, как далеко источник удара от каньона Клеопатры.

Двадцать один… двадцать два… двадцать три…

Иона надеялся досчитать до шестидесяти двух, это обычная периодичность во времена его бабушки.

Двадцать четыре… двадцать…

Поперечная звуковая волна, выше тоном и гораздо громче, зазвенела внутри подлодки, как в колоколе. Когда гул перестал отдаваться в зубах, Иона и Петри наконец смогли подняться на ноги, держась за поручни.

Менее половины стандартного расстояния. Эта комета ударила почти в нас! Он пытался стряхнуть с головы тяжелый туман. *Может быть, всего в паре тысяч километров.*

— Дети! — крикнула Петри и кинулась в соседний отсек. Он тоже пошел туда, но только для того, чтобы проверить, не нарушена ли герметичность люков. Ни один люк не пострадал. Плачущие дети выглядели напуганными, но тоже не сильно пострадали. Ладно, доверим Петри улаживать дела внутри…

Он снова взялся за ремни управления рулем. Он изо всех сил дергал непослушный руль, слыша снаружи отдаленный шум. Винты «Гордости Лауссаны» с ожесточением месили воду в сорока или пятидесяти метрах перед ними. Должно быть, гребцы внутри нее напрягали все силы, налегая на рычаги.

Их тянет назад, с тревогой понял Иона. *Они гребут в обратном направлении, туда, где была «Птица из Тайри», привязанная буксирным тросом. Какого черта они пятятся задом?*

Подсказка была тут же… Трос оставался туго натянутым, несмотря на все усилия гребцов. И внезапно Иона с ужасом понял, в чем дело. Нос большой субмарины был задран вверх, они стояли почти вертикально.

«Гордость Лауссаны» потеряла свой основной балласт! Крупные куски камня или сырца обычно подвешивались к килю, удерживая субмарины

возле дна. В создавшемся хаосе почти все они оторвались! Но как? Конечно же, несчастное стечение обстоятельств, проклятая халатность и жесткие удары о дно. Любая из этих причин могла привести к тому, что сейчас «Гордость Лауссаны» поднимается к небу.

Теперь Иона мог увидеть изогнутые купола-поселения в том ракурсе, в котором не желал увидеть их ни один житель каньона… Он смотрел сверху вниз, различая во тьме светящиеся ветви пиньонов.

Проклиная свою медлительность, Иона бросил бесполезный руль и поспешил в заднюю часть отсека управления, зовя на помощь Петри. Перед ним стояла задача, важнее которой у него еще не было. От его действий зависели жизни всех.

5

— Когда я дам команду, открой клапан номер один на четверть оборота! — В его голосе была твердость, непривычная после принятого в обществе почтительно-покорного тона при обращении к женщине, но его жена не выказала ни малейшего знака обиды или гнева. Она просто кивнула:

— Четверть оборота. Я поняла, Иона.

Усевшись на одну из балластных цистерн, он начал ритмично перекачивать воздух из него в соседний баллон с помощью своего усовершенствованного насоса.

— Хорошо… Открывай.

Как только Петри повернула вентиль, они услышали, как вода заполняет балластную камеру, проталкивая оставшийся воздух в соседний резервуар. Гораздо проще и быстрее было бы просто выпустить воздух наружу, но Иона не мог заставить себя это сделать. Воздух мог еще понадобиться.

Когда «Птица» начала накреняться на один борт, Иона перекинулся на балластную камеру с другого борта рядом со смотровым окном —

частью корпуса, которая была отполирована с обеих сторон. На корме, в третьем отсеке слышно было, как пассажиры перекидывают мешки риса, освобождая на всякий случай гребную рукоятку. На самом деле им приказал это сделать Иона только для того, чтобы занять их чем-нибудь.

— Нам надо стать еще тяжелее, — сказал он Петри, перебегая по лодке то вперед, то назад, позволяя воде полностью заполнить балластные цистерны. Как они и ожидали, это замедлило движение субмарин.

Но экипаж поврежденного судна уже не мог вращать двигатель. Теперь все зависело от Ионы и Петри. Если они смогут сделать «Птицу» достаточно тяжелой, и при этом быстро, падение в небо обоих судов будет предотвращено.

А мы станем героями, подумал Иона, руки его уже ныли от насоса. Это станет прекрасным началом его жизни в колонии Лауссан, повысит его репутацию… если, конечно, сработает. Иона хотел пойти проверить показания приборов своей субмарины, но не было времени. Он поставил отца садулской семьи беженцев рядом с собой на насос и все равно спешил. Постепенно все цистерны заполнились водой, и «Птица» стала перевешивать всплывающую подлодку.

Да! Из тьмы показался самый крупный купол. Возможно, тот самый, мимо которого они проходили, когда ударила комета.

Иона переглянулся с Петри, улыбаясь, и в ее глазах мелькнуло уважение. *Возможно, мне придется слегка отдохнуть перед нашей брачной ночью.* Забавно, но он вовсе не чувствовал, что усталость может ему помешать.

«Птица» скользила по широкой кривой к самому краю колонии. Иона дал Зирашу знак перестать качать, а Петри закрыла клапан. Он не хотел удариться о морское дно. Когда они спустились ниже, Петри узнала ближайшую колонию. Это был Ленинджер. Сквозь мутное стекло и пот, заливающий глаза, было плохо видно, но Иона был уверен, что в этот момент толпа жителей прильнула к стеклу с внутренней стороны купола, глядя на снижающуюся подлодку.

Судя по виду купола, лодка снижалась довольно быстро. Иона крикнул пассажирам, чтоб приготовились к жесткой посадке, которая могла произойти в любую секунду, раз он мог уже разглядеть зевак с Ленинджера. Удар об илистое дно должен был произойти…

…Но не происходил.

Что-то было не так. Инстинкт подсказал ему

причину раньше, чем он осознал ее, у него заложило уши, и он несколько раз чихнул. Реакция на изменяющееся давление.

О нет!

Петри и Иона смотрели на жителей колонии, которые в отчаянии наблюдали, как «Птица» ухнула куда-то ниже уровня дна… и продолжала снижаться. Точнее, это сам купол Лениндже-ра продолжал подниматься, все выше и выше, несясь навстречу смерти вместе со всем, что было внутри него; его основание разрушилось при последнем мощном ударе кометы. Как и в случае с колонией Безо, судьба Лениндже-ра была внезапной, и эвакуировать жителей не успели.

С бессильным криком Иона отвернулся от окна и бросился выполнять то, что был должен. Проверить приборы. Абсолютные показания манометра нельзя было использовать, но по относительным значениям можно было определить, опускались ли они. Не только по отношению к обреченной колонии, но что они реально опускались в каньон, а не…

— Поднимаемся, — глухо сказал он Петри, и она прижалась к нему, положив голову на его плечо. Он обнял ее за талию, словно они были женаты всю жизнь.

— Что мы еще можем сделать? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Не так уж много. Заполнить цистерны до конца. Но они и так почти полные, а веса недостаточно. Он слишком сильно тянет. — Иона указал на «Гордость Лауссана» через лобовое стекло; пять крупных, заполненных воздухом отсеков обеспечивали достаточную плавучесть, чтобы преодолеть сопротивление их маленького грузовичка.

— Но… почему бы им не сделать то же самое? Заполнить свои баллоны…

— Балластные цистерны. Сожалею, моя любимая. У них они не такие вместительные. Только несколько небольших цистерн для регулировки дифферента.

Иона продолжал говорить как ни в чем не бывало, действуя согласно роли капитана, хотя желудок его сжимался от ужаса, пока он объяснял, как внешние якоря экономят внутреннее пространство. Кроме того, новые суда сделаны из пузырей с более тонкими стеклами. Никто не хочет перегружать их лишними отверстиями, клапанами и прочим.

— И ни у кого нет твоего нового насоса, — до-

бавила Петри. Ее ободряющий тон значил для Ионы в эти последние минуты больше, чем он мог ожидать.

— Конечно… — задумчиво сказал он.

— Да? Ты что-то придумал?

— Ну, если бы мы перерезали страховочный трос…

— Мы погрузимся обратно! — Петри нахмурилась. — Но мы их единственный шанс. Без нашего веса они выстрелят в небо, как косточка из трубки.

— В любом случае только они могут это решить, — объяснил Иона. — Трос доступен на их конце, а не на нашем. Прости. Это конструктивный недостаток, который я решу, как только получу шанс, но только после того, как напишу твое имя на корме.

— Хм, посмотрим, — сказала она, затем продолжила после короткой паузы: — Как ты думаешь, отпустят они нас, когда поймут, что корабли обречены?

Иона пожал плечами. Он никогда не слышал рассказов о том, как ведут себя люди, когда сталкиваются лицом к лицу с таким концом. Но на всякий случай он решил проследить за этим.

Он пару раз громко чихнул. Изменяющееся

давление стало действовать.

— Стоит ли сообщить другим? — спросил он Петри, кивнув на задние отсеки «Птицы», откуда доносился плач детей.

Она отрицательно покачала головой.

— Это будет быстро, правда?

Он хотел солгать, но отбросил эту идею.

— Зависит от обстоятельств. Когда мы поднимаемся, давление снаружи падает, так что, если давление воздуха внутри останется высоким, один из наших отсеков может треснуть или взорваться. И вода зальет лодку очень быстро. Так быстро, что нас оглушит раньше, чем мы захлебнемся. Разумеется, это наименее ужасный конец.

— Веселый ты парень, — прокомментировала она. — Продолжай.

— Допустим, корпус выдержит. Эта «птичка» крепкая. — Он похлопал по корпусу подлодки. — Мы можем предотвратить трещины, сбрасывая давление. Мы можем стравливать воздух, пытаясь уравнять внутреннее и внешнее давление. В этом случае мы будем страдать заболеваниями, связанными с этими изменениями. Наиболее распространенными являются судороги. При этом газ, растворенный в нашей крови, вдруг вскипает в виде крошечных пузырьков и заполняет наши

вены и артерии. Я слышал, что это очень болезненный способ умереть.

То ли из-за мутации, то ли просто из-за волнения у Ионы запершило в горле и стали слезиться глаза. Он отвернулся от окна и от Петри как раз вовремя, чтобы чихнуть. Она смотрела мимо него в следующий отсек.

— Если смерть неизбежна, но мы можем выбрать способ, то я бы предпочла выбрать…

В этот момент Иона почувствовал тревожное резкое движение за лобовым стеклом. Что-то происходило впереди наверху. Без света от куполов Клеопатры тьма снаружи становилась кромешной и нарушалась только светящимися водорослями, обклеенными вдоль борта «Гордости Лауссана». Отпустив Петри, он прижался к стеклу лицом.

— Что там? — спросила Петри. — Что происходит?

— Я думаю… — Иона разглядел странную извилистую рябь между подлодками. Что-то ударило в окно, и он отскочил назад. Сердце стучало, он увидел, как скользит по стеклу трос. А там, в двадцати метрах от них, линия светящихся пятен резко выстрелила вверх, словно легендарные ракеты, и, быстро уменьшаясь, исчезла из виду.

— Трос, — просто сказал он.

— Они отпустили? Отвязали нас? — спросила она со страхом и надеждой.

— Это было разумно, — ответил он. — Их было все равно не спасти. — *И теперь они станут героями. Будут слагаться песни об их выборе, когда мы вернемся домой. То есть туда, где, как мы надеемся, есть наш дом. Нельзя исключить, что страшная судьба постигла не только Лениндже*р.

Он посмотрел на манометр. После долгой паузы, когда стрелка не двигалась с места, давление наконец начало увеличиваться.

— Мы спускаемся, — объявил он, вздохнув. — Правда, нам лучше отрегулировать балласт, чтобы не падать слишком быстро. Не хочется вернуться, наконец, в безопасное место и разбиться от удара об дно.

Иона поставил Зираша, мужчину из седульской семьи, откачивать воду, не так яростно, как раньше, но работа была тяжелее, потому что требовалось с помощью сжатого воздуха вытолкнуть воду из балластных цистерн, в то время как Петри, теперь уже имеющая опыт, открывала клапаны. Отрегулировав скорость спуска, он вернулся к смотровому окну и выглянул наружу.

Нужно внимательно высматривать огни каньона. Возможно, нас снесло в сторону, и я могу лучше сориентироваться, пока мы еще падаем, чем когда мы будем уже внизу. Он объяснил Петри, как пользоваться рулем и коротенькими стабилизирующими крыльями. Ей, возможно, придется управлять подлодкой, если Иона будет вертеть гребной винт.

Внезапный низкий гул заставил камеру содрогнуться. Не такой опасный, как удар кометы, но пугающий и к тому же доносящийся откуда-то сверху, и не очень далекий. Иона переглянулся с Петри, разделив с ней печальную догадку. Это был неизбежный конец благородного корабля — «Гордости Лауссана».

Позже раздались еще два приглушенных взрыва, послабее. Видимо, на «Гордости» заблокировали отсеки, и они лопнули поочередно.

Но в этом чувствовалось что-то неправильное. Особенно третий взрыв, продливший агонию корабля дольше, чем следовало.

Снова зайдясь в приступе чиханья, Иона прижался к лобовому стеклу, всматриваясь в темноту. Сначала на дно, потом наверх.

Этот день должен стать последней каплей. Он прозвучит похоронным колоколом по старому,

самодовольному укладу их жизни. Ленинджер был большой, важной колонией и, возможно, не единственной сегодняшней жертвой. Если удары комет становились непредсказуемыми и смертоносными, то от Клеопатры, возможно, придется отказаться.

Иона очень мало знал о плане, придуманном Петри и таинственной группкой молодых женщин и мужчин, но он был рад, что его выбрали в качестве помощника. Чтобы следовать за легендой безумца, в поисках нового дома. На самом деле две вещи были совершенно очевидны. *Экспедиции должны отправиться, как только мы вернемся домой. И должны быть еще экспедиции, кроме той, что пойдет по карте Мелвила. Подводные лодки должны быть отправлены во всех направлениях! Если на Венере есть еще области, где находятся полые сферы вулканического происхождения, в которых может приютиться земная жизнь, мы должны их найти.*

Другая истина открылась ему только в этот последний час. Иона обернулся и посмотрел на человека, которого еще день назад он совсем не знал.

Похоже, я удачно женился.

Хотя в подлодке царил полумрак, Петри заме-

тила, что он смотрит на нее. Она улыбнулась, и в этой улыбке проявилось уважение, которое было так приятно ему сейчас. Иона тоже улыбнулся — и снова принялся чихать. Она хихикнула и покачала головой с притворным раскаянием.

Улыбаясь, он повернулся к окну, посмотрел наверх — и крикнул:

— Хватайтесь за что-нибудь! Держитесь!

Больше он не успел ничего произнести, или у него перехватило дыхание, когда он с силой налег на рулевые тросы, толкнув коленом рычаги управления стабилизирующими крыльями. «Птица» накренилась на правый борт, разворачиваясь и уходя с курса. Из заднего отсека раздались испуганные крики и шум опрокидывающегося багажа.

Он услышал крик Петри «Стой, где стоишь!», обращенный к запаниковавшему Зирашу, что-то лепечущему от страха. Иона видел их в отражении стекла: они вцепились в баллон со сжатым воздухом, с трудом удерживаясь на покатой палубе возле правой боковой переборки.

Давай, старичок, мысленно обратился он к грузовичку, жалея, что у него нет шестерых гребцов на корме, которые могли бы легко сдвинуть «Птицу из Тайри». Будь они сейчас, Иона бы легко

ушел от опасности, нависшей сверху. Осколки подлодки, оставшиеся после катастрофы, неслись вниз, и лишь небольшая их часть светилась в темноте.

Что-то твердое прогрохотало по корпусу. Иона увидел тонкую металлическую деталь — возможно, обрезок трубы, который с треском отскочил от лобового стекла, оставив на нем несколько глубоких царапин. Иона почти ждал, что в любую секунду по борту пойдут трещины.

Этого не произошло, но теперь обломки сыпались, как дождь, гремя по всей длине судна и испытывая его прочность с каждым ударом. Отчаявшись, он развернул руль «Птицы» туда, где блеск осколков был меньше. Из задних камер доносились крики. *Надо задраить люки,* подумал он. Но разве это помогло бы пассажирам? Их стащило бы течением в сторону от каньона Клеопатры, и все оставшиеся в живых беспомощно сидели бы в отсеках, не в состоянии маневрировать, без всякой надежды на то, что их найдут и спасут, прежде чем у них кончится кислород. *Лучше уж умереть всем вместе.*

По звуку он понял, что большинство обломков — это куски каменных пузырей. Неужели все они сыплются из уничтоженной подлодки? Это

невозможно! Их было слишком много.

Ленинджер.

Обреченный купол лопнул, или взорвался, или просто развалился на куски без стабилизирующего давления толщи воды. Затем весь воздух из него вышел в небо, а осколки падали на дно.

Осколки купола, мусор, светящиеся обломки пиньонов опускались все ниже и ниже… и среди них люди. Вида этих останков Иона больше всего хотел избежать.

Все казалось иссине-черным вокруг. Старая верная подлодка почти завершила поворот. Теперь он мог выровнять ее. После того как весь мусор осядет, он сможет проверить состояние пассажиров и начать поиски родного каньона…

Он не видел, что ударило по лодке, но это было что-то огромное, возможно, кусок купола. Удар пришелся по всем трем отсекам, вызвав такой звон, что Иона чуть не заплакал от боли в ушах. Были и другие удары, один из них, откуда-то слева, сбил его с ног, вырвав из левой руки рулевой трос, и Иону резко развернуло на оставшемся в правой руке ремне. «Птица» ушла в резкий вираж, пока Иона отчаянно пытался выровнять судно.

В любую минуту он готов был встретиться

с суровым, холодным морем, когда его судно присоединится к этому каменному дождю, знаменующему потерянные надежды.

6

Он не сразу поверил в то, что все закончилось. Иона не думал, что избежать опасности будет легко. Да, ущерб был налицо, но три старых вулканических пузыря, составляющие корпус его лодки, выстояли. После этого ужасного столкновения подлодку, кажется, отнесло в сторону от тяжелого мусора, сыплющегося сверху. По корпусу еще барабанили обломки, но это был мягкий материал. Кое-где пристали светящиеся листья пиньона.

Петри решительно командовала в заднем отсеке, заставляя пассажиров помочь друг другу выбраться из-под завалов и оценить нанесенные травмы в порядке очереди. Она прокричала Ионе результаты своей проверки, руки его были еще заняты. По правде говоря, он плохо слышал ее из-за сильного звона в ушах, и ему пришлось просить ее повторить несколько раз. В итоге: один подросток сломал запястье, другие отделались синяками и ушибами — не так плохо, как он думал. Бема, мать садульцев, занялась оказанием первой помощи пострадавшим.

Большей неприятностью оказалась утечка. Уз-

кая, но мощная струя воды извергалась в заднюю часть салона. К счастью, вода пробивалась не через трещину в корпусе, а через уплотнительный материал, который окружал подшипник винта. Нужно было осмотреть поломку, но сначала Иона оценил другие повреждения. В частности, подлодка теперь не выравнивалась полностью. Оставался постоянный крен на правую сторону… Взглянув на манометр, он глухо пробормотал проклятия всем богам и демонам старой земли.

— Мы перестали опускаться, — признался он Петри в кормовом отсеке после того, как протечка была устранена. Некоторое время Петри показывала другим, как залепить резиноподобной тканью подшипник. А потом закрепить все это деревянными досками, оторванными от пола. Заплата держалась. Пока.

— Как это могло случиться? — спросила она. — Мы же были тяжелыми, когда «Гордость» тянула нас вверх. Я думала, наша задача в том, чтобы замедлить спуск.

— Так и было до столкновения. Но то, что ударило по нашему левому борту, я полагаю, сорвало балластные камни, которые мы привязывали на дне. То же самое, что случилось с «Гордостью» во время падения комет. Другие камни сместились

или остались болтаться ниже, правого борта, от этого нас так перекосило. Из этих двух примеров вышел хороший урок о наших недостатках в дизайне подводных лодок.

— И что же? Неужели мы всплываем?

Иона кивнул.

— Медленно. Но это не очень плохо. Я думаю, мы можем продолжить спуск, если заполним все балластные цистерны. Только есть одна проблема.

— А когда ее не было? — Петри раздраженно закатила глаза.

— Конечно. — Он махнул рукой в сторону, где Зираш, по счастью оказавшийся плотником, прибивал крепление винта на место. Иона понизил голос: — Если мы опустимся обратно на дно океана, подшипник не выдержит давления. Скорее всего, он начнет снова пропускать, и быстрее.

— Если это произойдет, сколько у нас будет времени?

Иона нахмурился.

— Сложно сказать. Давление воздуха будет падать, конечно. Я бы сказал, меньше часа. Или еще меньше. Если мы сразу определим купол в каньоне, направимся прямо к нему, войдем в док на полной скорости, работая все как сума-

сшедшие…

— …Только использование винта даст еще большую нагрузку на подшипник, — мрачно закончила Петри, задумчиво глядя на него. — Это может сорвать его окончательно.

Иона не мог не улыбнуться. *Она достаточно смела, чтобы правильно оценивать ситуацию… и разбирается в механике неплохо. Такую женщину можно назвать привлекательной.*

— Я уверена, мы что-нибудь придумаем, — добавила она. — Ты нас не подведешь.

Пока не подводил, подумал он, возвращаясь к работе, чувствуя, что она зря так полагается на него. Он сосредоточился на законах физики и химии — как он их понимал благодаря зачаточному образованию, почерпнутому из древних книг, которые устарели уже тогда, когда Основатели впервые прибыли на Венеру, спрятавшись от инопланетных захватчиков на дне новорожденного океана, пока кометы с совершенной регулярностью обстреливали поверхность планеты.

Такая жизнь идеально подходит для нескольких поколений, но не навсегда. Больше она не сработает. Даже если мы вернемся домой, выполним план Мелвила, найдем еще один каньон, заполненный лавовыми пузырями, не пострадавший от

ударов комет, надолго ли их хватит?

Не был ли весь этот проект колонизации дна чужого моря по первобытной технологии обречен с самого начала?

В среднем отсеке Иона открыл свой личный сундук, достал оттуда свои драгоценные книги и графики, которые он лично скопировал под наблюдением Учителя Ву на связки выделанных пиньоновых листьев. На одном он проверял воспроизведенный им закон Бойля и опасность изменения давления воздуха для организма человека. На другом листе он получил формулу, которая, как он надеялся, предсказывает, как дырявый подшипник гребного вала будет работать, если они продолжат спускаться вниз.

Тем временем Петри поставила пару девочек-подростков на внутреннюю помпу, подающую воду с пола третьего отсека в почти полные балластные цистерны. В течение следующего часа Иона поглядывал на манометр. Грузовая подлодка, казалось, снова выравнивалась. Вверх-вниз. Вниз-вверх. *Это не похоже на мою старую добрую «Птицу».*

Выровнялся. Стабилен… в данный момент. Значит, он не оправдал то доверие, которое на него было возложено. В случае спуска и утечки поток

убьет тех, кто работает на винте… или…

Две ладони легли ему на плечи, с силой разминая шею и напряженные мышцы. Иона закрыл глаза, не желая разглашать свое решение.

— Ничего так день свадьбы, а?

Иона кивнул. Для слов не было необходимости. Ему казалось, что он в браке с ней уже много лет, и радовался этой иллюзии. Наверно, Петри тоже знает его теперь, словно они прожили всю жизнь.

— Готова поспорить, ты знаешь, что делать.

Он снова кивнул.

— И это не веселая новость, и шансов на успех почти нет.

Он качнул головой налево, потом направо.

Ее руки сжали его плечи, вызвав смешанное ощущение боли и удовольствия — ощущения, похожего на саму жизнь.

— Так скажи же мне, муж, — скомандовала она, затем склонилась к самому его лицу, — скажи мне, что ты будешь делать с нами. Куда мы пойдем?

Он выдохнул. Затем набрал воздух полной грудью. И произнес только одно слово:

— Вверх.

7

Вверх. К смертельному небу. В венерианский ад. Да будет так. Другого выбора у них не оставалось.

— Если мы поднимемся на поверхность, я смогу починить подшипник изнутри, не опасаясь, что сюда хлынет вода. А если потребуется работать снаружи, я могу сделать это, надев шлем и комбинезон. Надеюсь, они смогут сдержать яд достаточно долго.

Петри вздрогнула.

— Будем надеяться, что в этом не будет необходимости.

— Да. Но в то же время снаружи я мог бы поправить балластные камни. Я… просто не вижу иного пути.

Петри сидела напротив Ионы на ящике, обдумывая его слова.

— Разве не путь наверх уничтожил «Гордость» и Ленинджер?

— Верно… но их подъем был неконтролируемый. Быстрый и хаотичный. Мы будем подниматься медленно, уменьшая давление воздуха в том же темпе, как снижается давление воды. В

любом случае мы должны подниматься постепенно, иначе газ в нашей крови убьет нас. Медленно и нежно. Это единственный способ.

Она улыбнулась.

— Так обычно говорят девственницы.

Иона почувствовал, что краснеет, и был рад, когда Петри снова стала серьезна.

— Пока мы будем подниматься, не возникнет ли у нас еще одна проблема? Не израсходуем ли мы весь воздух?

Он кивнул.

— Деятельность внутри подлодки должна быть сведена к минимуму. Спертый воздух мы будем сжимать в баллоны, меняя его на свежий. Кроме того, у меня есть фильтр.

— Откуда? Разве… они же очень дорогие.

— Этот я сделал сам. Паналина показала мне, как использовать кристаллы пиньона и электрический ток, чтобы расщеплять воду на кислород и водород. Мы поставим кого-то из пассажиров по очереди крутить генератор. Но это слабенькое устройство. Оно не может производить достаточное количество кислорода.

— Это не повод от него отказываться, — ответила Петри решительным бабушкиным тоном. — Командуй, парень.

Подъем был изнурителен. Взрослые и подростки по очереди выкачивали насосом балластную воду, и тогда лодка поднималась в хорошем темпе… но потом приходилось снова набирать воду в цистерны, когда казалось, что подъем слишком быстрый. Иона отслеживал показания датчиков, показывающих давление внутри и снаружи. Кроме того, он наблюдал за синдромами декомпрессионной болезни — дополнительном факторе, из-за которого подъем был таким медленным. Всем незанятым пассажирам было положено спать, что достаточно сложно осуществить, когда маленькие дети постоянно плачут из-за боли в ушах. Иона учил их зевать и зажимать нос, чтобы выровнять давление, хотя его объяснения прерывались приступами чиханья. Даже во время отдыха все должны были дышать глубоко, чтобы легкие постепенно очищались от избыточного газа в крови.

Кто-нибудь из детей постарше по очереди крутил ручку сепаратора, разделяющего морскую воду на отдельные элементы, один из которых был пригоден для дыхания. Устройство исправно работало — на соляном коллекторе уже собрался приличный слой соли. Тем не менее Иона беспокоился. *Правильно ли я поставил полюса? Что,*

если в баллон попадает кислород, а водород я выпускаю в отсеки? Вдруг наша лодка уже полна взрывоопасной смесью, которая может положить конец нашим страданиям в любую секунду. Он не знал, как это определить, ни в одной из его книг не было сказано об этом, хотя он смутно помнил, что у водорода не было запаха. Сопровождая его во всех проверках и повторяя все его объяснения по несколько раз, Петри чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы настаивать:

— Тебе нужно отдохнуть, Иона. Я буду следить за скоростью подъема и вносить необходимые коррективы. А сейчас я хочу, чтобы ты закрыл глаза.

Он пытался протестовать, но она настояла на своем, используя тон лауссанских матерей:

— Позже мы будем нуждаться в тебе гораздо сильнее. Тебе нужно поберечь силы до поверхности. Ляг и отдохни. Обещаю, что позову тебя, если что-нибудь изменится.

Вняв ее рассуждениям, он вытянулся на паре рисовых мешков, которые Зираш перенес в кабину управления. Иона с благодарностью смежил веки. Но мозг не мог перестать работать.

Насколько глубоко мы сейчас?

Это повлекло за собой следующий вопрос: на

какой глубине теперь находится каньон Клеопатры?

Согласно преданиям, первые колонисты пользовались лотом для определения глубины венерианских морей, когда свет от поверхности достигал дна океана. Они запускали воздушные шары, прикрепленные к огромным катушкам с тросом, чтобы определить толщину слоя температурного перехода и взять его образцы, и даже определяли расстояния до горячего неба. Эта практика исчезла, хотя Иона видел одну из гигантских лебедок однажды, во время посещения колонии Чаун, покрытую пылью и источенную временем в каком-то сыром углу.

Давным-давно земляне смотрели в небо, на свою ставшую адом планету так же, как сейчас жители каньона смотрели вверх. Хотя бывали и исключения. Слухи утверждали, что Мелвил, легендарный безумец, вернувшийся из каньона Теодоры, требовал у колоний помощи, чтобы исследовать большие высоты. Ведь там могла быть какая-то пограничная зона, где водились животные, пригодные для еды. Конечно, он был безумцем; но мальчишки до сих пор продолжали шептаться о нем.

Сколько всего комет? Единственная книга в

колонии Тайри повествовала о великом проекте преобразования Венеры, предшествовавшем вторжению Косса. Могучие роботы, сильные, как боги, в дальней окраине Солнечной системы собрали глыбы льда и направили их из того невообразимо далекого мира, чтобы бомбардировать планету — каждый день, всегда под одним и тем же углом и в одном и том же положении, с целью ускорить вращение планеты и напитать ее сухие долины влагой. *Если каждая комета имеет несколько километров в диаметре… насколько глубокий океан может образоваться на планете за двадцать поколений бабушек?*

На каждую комету, падающую на поверхность Венеры, приходилось пять направленных по касательной, прорывающих плотную, густую атмосферу и захватывающих часть этой атмосферы, прежде чем упасть на Солнце. Масштабы этого проекта были ошеломляющими, невероятными настолько, что Иона сомневался: разве он сам мог принадлежать к виду людей, творящих подобные вещи. *Петри может быть такой. Она умная. Но не я.*

Кто мог завоевать таких людей?

Его взбудораженный мозг обратился к более близким вещам. Если бы не случайная комета,

ударившая на шесть часов позже обычного и посеявшая хаос в колониях всего каньона, Иона и его невеста сейчас заселились бы в небольшой лауссанский домик, чтобы получше узнать друг друга, но более традиционными способами. Но вследствие… или даже благодаря чрезвычайным обстоятельствам он в большей степени ощущал себя мужем яркой, настоящей личности, чем ощущал бы в случае физической близости… И все же он тосковал по тому, что теперь уже никогда не произойдет между ними. Там листья пиньонов колышутся над головой. Там он мог показать ей, как ловко он карабкается по лианам. Он бы перебирался с ветки на ветку, держа ее в своих руках, и ветер в полете трепал бы ее волосы…

Протяжный вибрирующий звук проникал в подлодку, словно где-то колебалась толстая струна. «Птица» пульсировала, и Иона чувствовал, что она медленно поворачивается.

Он открыл глаза и понял, что спал. Кроме того, его голова покоилась сейчас на коленях Петри. Она запустила пальцы ему в волосы.

Иона сел.

— Что это было?

— Не знаю. Был резкий звук, корабль немного скрипел, но пол теперь не кренится.

— Больше не…

Вскочив с места, он с криком кинулся к манометрам, шепча проклятия.

— Что случилось, Иона?

— Быстро разбуди всех взрослых и поставь на насос!

Она не тратила время, выпытывая объяснения. Но как только экипаж был расставлен по местам, Петри подошла к нему и подняла одну бровь.

— Оторвались балластные камни, — пояснил он. — Видимо, они висели на волоске. Теперь их нет. Наклон подлодки выровнялся, но мы поднимаемся слишком быстро. Петри взглянула на колонистов Садула и Лауссана, лихорадочно заполняющих балластные цистерны водой.

— Что мы еще можем сделать, чтобы замедлить всплытие?

Иона пожал плечами.

— Мы могли бы снять заплатку с протекающего подшипника и пустить воду в кормовой отсек. Но этот процесс мы не контролируем. Можно затопить всю подлодку. Я бы предпочел перенести декомпрессионную болезнь.

Она молча кивнула.

Они присоединились к работающим на насосах, и вскоре все цистерны были заполнены.

«Птица» не могла стать еще тяжелее без затопления отсеков.

— Мы должны снижать внутреннее давление. Это значит, что мы будем выпускать воздух за борт. Чтобы сравнять показатели, — сказал Иона.

— Но нам нужно дышать!

— Выбора нет. Цистерны полны, и мы не можем закачать туда воздух и снизить давление.

И снова насосы, но работа более трудная. Иона вглядывался в людей в тусклом освещении всего двух светящихся ламп, пытаясь увидеть признаки недомогания.

Головокружение, мышечная боль, затрудненное дыхание? Все это может быть только результатом упорного труда.

В книгах говорилось, что признаками декомпрессионной болезни также могут быть боли в суставах, сыпь, бред. Внезапная потеря сознания. Он знал, что старые таблицы погружений были бесполезны, поскольку созданы для людей с Земли. *А мы изменились. Во-первых, потому, что ученые изменили наших предков и их потомство. Но время также меняло нас, даже спустя много поколений после того, как мы утратили могучие знания. Каждое поколение участвовало в этом*

эксперименте.

Сделали ли эти перемены нас менее уязвимыми? Или более?

Кто-то дернул его за руку. Это была не Петри. Одна из девочек стояла перед Ионой, все еще одетая в мятое платьишко подружки невесты, потянула его за собой на другой край подлодки. Сначала он подумал: *Видимо, кому-то очень плохо. Она просит меня помочь. Но что я могу сделать?*

Но она вела его не на корму. Они пришли на нос лодки, и девочка указала ему на лобовое стекло…

— Что это? — прижавшись к стеклу, Иона напряженно высматривал новое облако обломков…

…И увидел свет. На первый взгляд он был еле заметен. Только острое зрение ребенка могло заметить его так рано. Но вскоре он стал ярче и залил весь свод над их головами.

Похоже, мы в зоне температурного перепада. Он ждал жесткого, может быть, даже смертельного перехода этой границы между нижним и верхним океаном. Но это произошло незаметно, пока он спал. Иона позвал пассажира заменить Петри и подвел ее к окну.

— Иди назад и скажи людям, чтобы держались

крепко, — сказала Петри девочке, потом повернулась и обняла Иону. Он взялся за руль. Они были всего в нескольких метрах от Венерианского ада.

Он мог измениться, подумал он, тая надежду, которую никогда не смел озвучить, даже внутри себя. *Океан разросся, и его заполнила жизнь…*

Наверху он заметил смутное движение. Мелькали переливающиеся формы, живые версии тех раздавленных мертвых особей, что падали иногда вокруг Тайри. Здесь они двигались, мелькая между чем-то, выглядящим как отдельные сгустки развевающихся водорослей.

Иона старался обогнуть их.

Если изменилось море, то, может быть, и небо, воздух или даже Верхние Земли поменялись?

На картах Венеры, снятых с древних земных зондов, были показаны обширные континенты и впадины, различные топографические объекты имели названия, например Земля Афродиты, Плато Лакшми. Каждое название было дано в честь женщины, иногда реально существовавшей, иногда мифической или взятой из литературы. Это было справедливо. Но что за жестокий шутник назвал эти раскаленные, выжженные пустыни «морями»?

Видимо, человечество решило воплотить ста-

рые мечты в жизнь.

Что мы там увидим?

Перед зачарованными взглядами Ионы и Петри проплывала пестрая череда жизненных форм: то словно драконы, то похожие на рыб, то похожие на древние *дирижабли*, бороздившие небо над древней Землей. И в душе Ионы зародилась надежда.

Предположим, что мы переживем декомпрессию, но будет ли раскаленный, сернистый воздух пригоден для дыхания? Может быть, он немного изменился, как и обещано в легендах? Есть ли сейчас жизнь в Верхних Землях? Может, ее посеяли там в те времена великие творцы, жившие до появления Косса?

Ему представились иллюстрации из потрепанных книжек. Бескрайние джунгли, поливаемые дождями, в которых бродят гигантские животные. Этот мир, покрытый густыми лесами, настолько огромен, настолько богат, что человечество может расти и процветать, и учиться, увеличивая свое могущество и безопасность, укрытое под этими кронами от глаз захватчиков.

Когда-то это было мечтой, и никто не предполагал, что она сбудется.

Небо над ними стало таким ярким, что Иону и

Петри пришлось опустить глаза. Дышать было тяжело. Они хором вскрикнули, когда огромная тень проплыла мимо лодки. И затем кабину наполнило яркое сияние, словно взрыв жидкого пламени.

Я ошибся! Это действительно ад!

Рев накатил на них… и в течение одного долгого мгновения Иона не чувствовал тяжести. Он бросил ремни управления, обхватил Петри и рухнул на пол. Подлодка пробкой выскочила из воды, на долю секунды зависла в воздухе и с шумом ударилась о воду, подняв тучу брызг.

Лежа под смотровым стеклом, они задыхались, как и все на борту подлодки, и, кряхтя, ощупывали себя, не веря, что все еще живы. Постепенно яркая вспышка стала ослабевать. *Мои глаза адаптируются к освещению,* понял Иона. Они никогда не видели дневного света.

Иона и Петри помогли друг другу встать. Еще прикрывая глаза рукой, они выглянули наружу. Звук изменился, изменился и воздух, несущий в себе странные ароматы.

Где-то повреждение!

В оцепенении, все еще мигая слезящимися глазами, Иона смотрел на люк. Кажется, удары снаружи расшатали плохо подогнанные болты,

скрепляющие основной люк в среднем отсеке по правому борту, — люк, открывать который можно лишь в безопасных колониальных доках, сейчас был приоткрыт.

С криком Иона кинулся к нему, уже понимая, что слишком поздно. Яды Венеры…

…похоже, больше не существовали.

Никто не падал замертво. Единственной реакцией на атмосферу стало сокрушительное чиханье.

Иона добрался до люка и попытался закрыть его, но «Птица из Тайри» была немного накренена вправо. Тяжелый люк не поддавался, продолжая постепенно открываться. Щель увеличивалась.

— Иона, я помогу, — раздался низкий мужской баритон, в котором он не узнал голоса своей жены. Он повернулся, и увидел, что она не меньше его поражена изменением своего голоса.

— Воздух… он содержит… — он говорил низким, глубоким басом, — не те газы… что вырабатывались пиньонами.

Другой воздух… но пригодный для дыхания. И даже приятный. После пары попыток что-то сказать он начал привыкать к новому голосу и попытался снова закрыть люк. Имелся небольшой крен, но опасности затопления не было, вода

плескалась в метре от люка. Конечно, надо было скорее закрыть люк…

…но не сейчас. Иона и Петри, высунувшись наружу, видели нечто большее, чем подернутый рябью синий океан и затянутую облаками небесную твердь. Между океаном и твердью лежала мерцающая, переливающаяся зелень и коричневая полоска, проходящая по линии горизонта, упирающаяся в облака синими пиками вершин. Они никогда не мечтали увидеть это в реальности, но сразу узнали пейзажи с древних, выцветших картинок.

Суша. Берег. Мир. Над их головами странные существа, хлопая изящными крыльями, плыли, как медузы, в сторону зеленых крон.

— Понадобится время, чтобы выяснить, что из этого можно есть, — прокомментировала Петри с чисто женской практичностью.

— Хм, — промычал Иона, слишком удивленный, чтобы что-то сказать, не умея выразить все, что творилось сейчас в его сердце. Наконец он произнес: — Когда-нибудь это время придет… Мы должны вернуться вниз. И рассказать.

После долгого молчания Петри ответила:

— Да. Когда-нибудь.

Она обняла его, и это крепкое объятие придало Ионе силы. Он вдохнул полной грудью сладкий аромат ветра, в котором чувствовался нежный запах ее волос.

Перевод: М. Беляков

Жюль Верн[17]
Париж покоряет всех

В первые десятилетия двадцатого века никто, наверное, не поверил бы, как сильно повлияет вторжение из космоса на все человеческие дела. Ужасное нападение со стороны наших небесных соседей-врагов, марсиан, оставило в зелено-голубом мире, который мы называем своим домом, глубокие шрамы и внесло в его жизнь огромные перемены. Составленный мной отчет о марсианском вторжении на рубеже двух веков получил широкое распространение и, подозреваю, знаком всем читателям. На этот раз я собрал воспоминания других известных людей, чей опыт соприкосновения с марсианами может оказаться интересным и поучительным для тех, кто изучает первую межпланетную войну человечества.

---

[17] Примечания: 17
Реальные авторы: Дэвид Брин и Грегори Бенфорд.

Как бывало во все века, история живет в воспоминаниях свидетелей, и иногда воспоминания ошибочны. Несмотря на это, они заслуживают опубликования — пусть цену им определит будущее. В заключение я должен поблагодарить своего доброго друга, месье Жюля Верна, за его личные заметки и помощь в получении ряда рукописей, а также за написание послесловия к этому тому.

Г. Дж. Уэллс

Я начинаю свое повествование с самой обычной вечерней прогулки по улицам светоносного города, хотя в течение этой прогулки заурядное быстро сменилось необыкновенным. Я приехал в Париж посоветоваться с издателями, равно как и навестить старых друзей, и отдать должное волшебной кухне, какой мой провинциальный Амьен похвастаться не может. Хоть я и достиг ныне преклонных лет и приближаюсь к семидесяти, я до сих пор не чураюсь острых блюд и сохраняю склонность разглядывать юных дам, когда они демонстрируют на бульварах новейшие моды, обольщая молодых людей и разбивая им сердца.

Я прибыл в тот день в город в надежде, как и

большинство других моих соотечественников, что инопланетный ужас, опустошающий южную Францию, докатится до долины Сены не раньше чем через несколько дней, а то и недель. Нас уверяли, что область Иль-де-Франс будет защищена любой ценой. Вот и случилось, что я, обманутый этими фальшивыми заверениями, оказался в столице в тот самый вечер, когда пришла беда.

Париж! Он по-прежнему оставался прекрасным образчиком нашего прогрессивного века — казалось, эти беспокойные часы, атмосфера напряженного ожидания лишь добавляют городу обаяния: ночью он мерцал газовыми и электрическими фонарями, днем жужжал только что появившимися электрическими трамваями, чьи чудотворные провода пересекались над улицами как провозвестники новой эры.

Здесь я когда-то начинал молодым адвокатом, унаследовавшим профессию отца; тем не менее глава нашего семейства великодушно простил мне попытки попробовать свои силы на литературном поприще, сперва в театре, а затем и в многочисленных обширных прозаических опытах. «Испей Парижа вдоволь, сын мой! — так он напутствовал меня, провожая весенним днем на вокзале в Нанте. — Вкуси от чудес эпохи! Ты

одарен острым зрением — поделись своей проницательностью с другими. Вот увидишь — это поможет изменить мир!..»

Без такой помощи и поддержки посмел бы я, дерзнул бы разведывать бессчетные тропинки будущего со всеми их чудесами и опасностями? Со дня начала марсианского вторжения я помимо собственной воли размышлял о своей необычной судьбе, в которой мне к тому же чрезвычайно везло, в то время как человеческое везение в целом, кажется, сходит на нет. Кошмар нависает над нами с запада и с юга — и вскоре сотрет без следа все, чего я достиг, и все, чего достигло человечество за долгие века, по которым карабкалось из бездны невежества…

Я прогуливался в компании ученого мужа месье Бошампа, и настроение у меня было на редкость угрюмым — а ведь до первой моей встречи с ужасающими марсианскими машинами оставался почти час. Конечно, я следил за рассказами очевидцев, поведавших о болидах, которые обрушивались на землю с такой силой, что фонтаны земли и брызги камня взмывали вверх наподобие новых взрывов вулкана Кракатау. Очень скоро выяснилось, что это отнюдь не метеорологическое явление, поскольку на поверхность вылезли,

как насекомые из подземной норы, трехногие существа, исполненные немыслимой злобы к нам. Оседлав гигантские машины-треножники, непрошеные гости без промедления двинулись вперед с единственной целью — разрушать, разрушать все подряд!

Всеобщая бойня, безжалостные залпы, бушующие пожары — ни одно из этих бедствий пока еще не добралось до цветущих краев к северу от Луары. Но не счесть сообщений о селах, буквально втоптанных в землю, о выжженных дочерна полях, о толпах беженцев, сраженных на бегу.

Вторжение! Слово вспоминалось без большого труда. Всего-то двадцать восемь лет прошло с тех пор, как после падения Седана северная Франция познала топот сапог захватчиков. В отдельных кварталах Парижа и поныне заметны шрамы — прусские расстрельные команды выбивали кратеры на стенах, мешая штукатурку с кровью коммунаров, роялистов и буржуа — всех без разбора.

Однако ныне Париж трепетал перед надвигающимся злом такого масштаба, что по сравнению с ним пруссаки 1870 года казались добродушными сельскими кузенами, заглянувшими в город на минутку потехи ради.

Обо всем этом я размышлял, покидая вместе с Бошампом здание национальной военной академии, где нас наряду с другими именитыми гражданами собрали, чтобы ввести в курс дела. С каменных ступеней мы смотрели на Сену, мимо палаток 17-го добровольческого корпуса, по иронии разбившего лагерь как раз на площади Марсова поля, на лужайке бога войны, поверх истоптанной травы и измятых цветов.

А над всей бурной (но в итоге тщетной) военной активностью высилась башня месье Эйфеля, воздвигнутая в честь недавней выставки, — чудесное свидетельство возможностей металла и человеческого гения и вместе с тем объект множества насмешек.

— Со временем публика станет относиться к ней более терпимо, — заметил я, поскольку взгляд Бошампа ни на секунду не отрывался от величественного шпиля.

Мой попутчик иронически фыркнул, не сводя глаз со стальных изгибов.

— Долго такое уродство никто не потерпит, — парировал он.

Повернув на восток к Сорбонне, мы на какое-то время отвлеклись от действительно мрачных мыслей, вступив в спор о достоинствах и недо-

статках творения Эйфеля. В недавних опытах по передаче радиоволн было доказано, что практический эффект резко возрастает, если в качестве антенн использовать высокие башни. Я предложил Бошампу пари, что со временем башня откроет перед нами и другие непредвиденные возможности.

Увы, даже эта тема не сумела отвлечь нас надолго от опасности, надвигающейся с юга. Только что пришли новости из винодельческих районов, и самая последняя — что заводы Вуврэ разбиты, виноградники вытоптаны, и все горит. А ведь это была моя любимая марка среди легких искристых вин (пожалуй, даже предпочтительнее свежего Сансера). Почему-то столь обыденная утрата воспринималась острее, чем сухие цифры потерь, пусть число погибших и раненых уже исчислялось миллионами.

— Должен же быть какой-то метод! — воскликнул я, когда мы приблизились к сверкающему куполу на площади Инвалидов. — Должен существовать научный подход к уничтожению агрессоров!

— Военные делают все, что только возможно, — откликнулся Бошамп.

— Шуты гороховые!..

— Но вы же слышали, какие они несут потери. Полки, дивизии полегли в полном составе… — Бошамп запнулся. — Армия гибнет за Францию! За человечество — ведь Франция безусловно составляет лучшую его часть…

Я повернулся к собеседнику, вдруг осознав остроту парадокса: величайший военный гений всех времен лежит в гробнице под куполом совсем рядом с нами.[18] А впрочем, и он, наверное, оказался бы беспомощен перед силами, рожденными вне нашего мира.

— Я не упрекаю армию в отсутствии храбрости, — заверил я.

— Тогда как же вы можете утверждать…

— Я упрекаю ее в отсутствии фантазии.

— Чтобы побороть немыслимое, нужно…

— Воображение!

С известной долей робости, поскольку он знал мои воззрения по этому поводу, Бошамп продолжил:

— Я читал в журнале, что британцы консультировались с известным фантастом мистером Уэллсом.

В ответ на это я мог лишь недоуменно вытара-

---

[18] Примечания: 18

Имеется в виду Наполеон Бонапарт, гробница которого находится на площади Инвалидов.

щить глаза.

— Он не сумеет предложить никакой помощи, одни вымыслы.

— Но вы сами только что сказали…

— Воображение и вымысел — далеко не одно и то же.

В это мгновение ветерок донес до нас резкий запах серной кислоты с очистных работ у реки. Я поморщился, и Бошамп превратно истолковал мою гримасу — словно она была адресована Уэллсу.

— Он пользуется успехом: Многие сравнивают его с вами.

— Сравнение неудачное. Его рассказы не базируются на научной основе. Я опираюсь на достижения физики. А он просто придумывает.

— В условиях кризиса…

— Я отправляюсь на Луну в пушечном ядре. Он — в летательном аппарате, который выполнен из металла, неподвластного гравитации. Это было бы здорово — но покажите мне такой металл! Пусть мистер Уэллс предъявит его публике!

Бошамп нервно сморгнул.

— Совершенно с вами согласен. Но ведь наша наука оказалась неспособна справиться с самой неотложной задачей — защитить нас от вторг-

шихся чудовищ!

Мы пошли дальше, минуя толпу жаждущих поклониться гробнице Наполеона, и продвинулись довольно далеко по улице Варенн — за рекой уже был виден дворец Пти-пале, — когда я сказал:

— Конечно, мы технически отстали от этих зловредных тварей. Но не так уж далеко — на век, быть может, на два…

— Ну нет, конечно, больше! Перелет между двумя мирами…

— …может быть осуществлен несколькими способами, и мы в состоянии их понять.

— Что вы думаете о взрывах, которые астрономы наблюдали на поверхности красной планеты ранее? Теперь ученые считают, что это были вспышки при запуске марсианского флота вторжения. Мы такой мощью, конечно же, пока не располагаем.

От подобного возражения я попросту отмахнулся.

— Этот эффект я предвидел давным-давно в романе «С Земли на Луну». Разрешите напомнить, что он опубликован тридцать три года назад, когда в Америке едва закончилась гражданская война.

— Вы полагаете, астрономы наблюдали выстре-

лы из исполинской марсианской пушки?

— Разумеется! Конструируя свой лунный корабль, я прибегал к новым инженерным решениям и приспособлениям. Мне было ясно, что снаряды не могут быть стальными, как конструкции Эйфеля. Вот я и предположил, что будут найдены способы отливать их из алюминия. Принципиально, — я вновь махнул рукой, — в этом нет ничего невозможного, технические трудности можно решить…

Ветер переменился, и теперь я с удовольствием вдыхал крутые кухонные ароматы города кулинаров. Чеснок, шипящие на сковородах овощи, дразнящие запахи разнообразного мяса — какой контраст с ужасом, надвигающимся на город и уже завладевшим нашим сознанием! На улице Сен-Гренель я заглянул в одно из бесчисленных крошечных кафе. Озабоченные лица мрачно переглядывались со своими отражениями в широких цинковых стойках, заляпанных абсентом. Вино потоками лилось в жадные глотки, порывами налетали невнятные шепотки. Бошамп тоже понизил голос, но продолжил прежнюю тему:

— Стало быть, марсиане воспользовались артиллерией, тягловой силой любых сражений?

— Не обязательно, есть и другие средства, —

ответил я.

— Вы про свои дирижабли?

— Не притворяйтесь невеждой, Бошамп! Вы отлично знаете, что в межпланетном пространстве нет воздуха.

— А тогда как же они ухитряются маневрировать? Они оказались в Азии, в Африке, свалились на американцев и на наших достойных соседей — британцев. Они контролировали места посадок, все было спланировано тщательным образом…

— Ракеты — вот в чем дело! В моем первоначальном проекте использовать пушку был дефект — теперь я понимаю, что пассажиров в момент выстрела расплющило бы в лепешку. Если использовать более медленное расширение вещества, подобная участь им не грозит.

— Но как проложить курс между планетами? Нужна невероятная точность!

— Важно выработать общую концепцию, а за изобретателями дело не станет. Не пройдет и столетия, как ракеты начнут взлетать в небеса даже с нашей планеты. Ручаюсь, Бошамп, так и будет!

— При условии, что мы уцелеем в ближайшие две недели, — заметил он мрачно. — А уж о столетии лучше и не заикаться…

— Чтобы уцелеть, следует начать размышлять.

Следует охватить мыслью весь круг вероятностей.

С этими словами я взмахнул свернутым зонтом, повел им вокруг себя и вдоль улицы Ренн к поднимающемуся на юге холму Монпарнас. Непроизвольно я проводил кончик зонта взглядом — и таким образом оказался в числе первых, кто приметил одну из марсианских машин, поднявшуюся, как исполинское насекомое, над обреченным холмом.

В человеческой натуре есть нечто, навязывающее нам отвращение к необычному и неестественному. Мы тяготеем к парности — две руки, две ноги, два глаза, два уха, даже два соска (если затронуть предмет столь деликатный — но примите во внимание, что я остаюсь объективным человеком науки). Парность представляется нам существенной, кроме случаев, когда Природа диктует не парность, а единственность: у нас один рот и один орган размножения. Так или иначе, наши биологические особенности воспринимаются как единственно естественные, и то обстоятельство, что агрессорам свойственна тройственность, внушает любому жителю Земли инстинктивный ужас. И никому не надо ничего объяснять, что это чуждые нам существа, причем

чуждые в худшем смысле слова.

— Они прорвались! — вскричал я. — Похоже, фронт не выдержал!

Толпа вокруг нас заметила тот же кошмарный силуэт, нависший над копотью вокзала Монпарнас. Мужчины забегали, женщины завыли — а самые храбрые, вне зависимости от пола, бросились навстречу опасности, к последней хлипкой линии обороны города, туда, откуда доносился треск ружейного огня.

По обоюдному молчаливому согласию Бошамп и я воздержались от участия в общей суете. Два старика, у которых чувство собственного достоинства давно перевесило физическую силу, — мы могли пригодиться сейчас разве что своим жизненным опытом и закаленным умом.

— Берегитесь лучей, — произнес я бесстрастно.

Вынужден признать, что я старался сохранить рассудок, да и решимость, цепляясь за детали, как утопающий за соломинку. Мы впервые видели своими глазами, как безжалостные тепловые потоки хлещут по поездам, поджигая вагоны, взрывая локомотивы в одно мгновение.

— Кажется, их лучи похожи на волны Герца? — предположил Бошамп, впрочем, не слишком уверенно.

Помнится, мы все были очень увлечены этим замечательным германским открытием и первыми опытами по его применению для связи без проводов. И все-таки даже меня идея Бошампа заставила вздрогнуть — еще бы, если подобные волны можно сконцентрировать в испепеляющие лучи…

— Может быть, — согласился я. — Если верить легендам, Архимед сконцентрировал световые лучи, чтобы отбросить корабли римлян от Сиракуз. Но волны, открытые Герцем, метровой длины, и энергии в них не больше, чем во взмахе мушиного крыла. А здесь…

Я буквально подпрыгнул, утратив всякий самоконтроль, когда к западу от первой боевой машины показалась вторая, еще большая, почти величественная. Она также извергала ярко-красные разрушительные лучи, расплескивая пламя по всему южному горизонту; казалось, луч играет со строениями, как кошка с мышью.

— Нам никогда не справиться с такой силищей, — мрачно изрек Бошамп.

— Конечно, времени у нас мало, — согласился я. — Но вам, мой друг, удалось направить мои размышления в определенное русло…

Люди вокруг нас суетились в нескрываемой

панике. Экипажи мчались, не обращая внимания на пешеходов, перебегающих улицы. Лошадей нещадно стегали, и они неслись сумасшедшим галопом. Я развернул колумбийскую сигару — ситуация требовала ясности мысли, и нельзя доказать превосходство ума, не выказав характера и мужества.

— Нет, — сказал я, — тут нужно нечто иное. Не волны Герца, но, возможно, что-то с ними связанное…

Бошамп вновь оглянулся на треножники, сеющие разрушение и смерть. Лоб его покрылся озабоченными морщинами.

— Если не только ружья, но и пушки оказываются бессильны…

— Тогда нужно обратиться не к механике, а к какой-то другой науке.

— К биологии? Разумеется, у Пастера есть последователи… — Бошамп явно мучился, пытаясь сосредоточиться. — Если, допустим, заставить марсиан — не машины, а их самих — выпить зараженное молоко…

Я поневоле хмыкнул.

— Вы поняли меня слишком буквально, мой друг. Уж не прикажете ли подать им это молоко на серебряном подносе?.. Бошамп подтянулся.

— Я только хотел…

— Это уже неважно. Гипотеза напрашивалась сама собой. Разве вам не видно, что вторая машина стоит в точности там, где был расположен Пастеровский институт, и что от него остались одни руины?

Хотя биология в семье наук — младшая и вечно притесняемая сестра, мне было огорчительно представить себе великолепную коллекцию культур в пробирках, ныне раздавленных плоскостопыми лапами треножника. Но здесь, увы, уже ничем не поможешь.

— Идеи англичанина Дарвина в данном случае также неприменимы — для их реализации понадобились бы тысячи лет. Нет, я имел в виду не биологию, а физику в ее новейших разделах.

Я находился на открытом пространстве, где были все условия для того, чтобы слова вылетали, прежде чем мысль обретет четкую форму, — по-моему, так легче извлечь ее из глубин сознания… Вокруг нас раскинулся прекраснейший город Земли, на его знаменитых улицах уже мерцали газовые фонари. Может быть, обратиться к газу? Нет, опять нет: марсиане доказали свою невосприимчивость к самым ядовитым газам, какие пыталась применить армия.

Что же дальше? Я всегда верил, что решение грядущих проблем обычно лежит прямо на виду, в уже доступных нам материалах и понятиях: скажем, все идеи, необходимые для подводных лодок, воздухоплавания и даже межпланетных сообщений, известны в течение многих десятилетий. Фокус в том, чтобы расположить эти идеи в нужной последовательности.

В тот самый миг, когда я сформулировал свою мысль, раздался звук столь громкий и резкий, что перекрыл какофонию на юге. Дребезжащий рев, сопровождаемый ржанием перепуганных лошадей, приближался с противоположного направления, от реки! Я сразу же опознал лязгающий двигатель внутреннего сгорания, незадолго до того изобретенный герром Бенцем. На нас катилась самодвижущаяся повозка с несколькими людьми и каким-то сверкающим аппаратом. С первого взгляда стало ясно, что у механического экипажа есть достоинство, какого никто не мог предугадать: водитель направлял его навстречу опасности, чего не позволила бы ни одна лошадь на свете.

Шипящая конструкция остановилась неподалеку от нас с Бошампом. Затем раздался выкрик с акцентом, самым пронзительным из

всех известных людям, зато как нельзя лучше приспособленным к безбрежным и безлесным просторам за океаном:

— Ну-ка давай работай, вонючий кусок железа! Заводись, или я разломаю тебя на части без помощи марсиан!

Говоривший был в одежде рабочего, из карманов на широкой крепкой груди торчали инструменты. Копна рыжеватых волос выбивалась из-под изогнутых полей огромной шляпы вроде тех, с какими познакомила нас труппа Баффало Билла, когда гастролировала по Европе несколько лет назад.[19]

— Тише, Эрнст, — откликнулся стоящий рядом, явно более культурный, но и более язвительный. — Что толку ругать машину? Быть может, мы уже достаточно близко, чтобы получить необходимые данные.

Вот оно что, догадался я, — союз троюродных братьев. Люди англоязычного происхождения всегда пленяли меня своей безграничной изобретательностью, и все-таки мне бывает трудно

---

[19] Примечания: 19

Уильям Коди (1846–1917), более известный под прозвищем Баффало («Бизон») Билл, прославился как организатор ковбойско-индейского «Шоу Дикого Запада», с которым объездил в конце XIX века всю Европу.

убедить себя, что соплеменники Эдгара Аллана По в родстве с соотечественниками Вальтера Скотта.

— Что скажете, Фраунхофер? — англичанин завершил отповедь вопросом, обращенным к третьему в повозке, судя по сложению, убежденному любителю шницелей. Тот прильнул к линзам, нацеленным на боевые треножники. — Можно получить четкие показания с такой дистанции?

— Ба! — Лысый немец выругался. — От взрывающихся зданий, от пожаров я получаю множество линий, типичных для процессов горения. А вот лучи сами по себе — это абсурд. Полный абсурд!

Я сделал вывод, что передо мной ученые за работой, в точности как я рекомендовал в дискуссии с Бошампом, и их работа ценнее мощи шестидесяти батальонов. Собственно, только в усилиях просвещенных умов — единственная надежда человечества.

— Что значит абсурд? — Показалась четвертая голова, молодая, темноволосая, с какими-то устройствами на ушах; эти штуковины напоминали накладные щитки от мороза, но были соединены проводами с машиной, сплошь покрытой циферблатами. Я опознал миниатюрные телефоны, передающие звук чуть слышно, зато

прямо в уши. Молодой человек говорил с итальянским акцентом и сохранял удивительное спокойствие. — Что абсурдного в спектре этих лучей, профессор?

— Спектра нет и в помине! — отозвался немец. — Прибор показывает лишь один оттенок красного цвета, тот же, что виден невооруженным глазом, когда лучи разрушают все вокруг. Никаких линий поглощения, ровное ярко-красное поле, и все!

Итальянец задумчиво пожевал губами.

— Возможно, используется одна-единственная частота…

— Если вы настаиваете на сопоставлении света с вульгарными лучами Герца…

Спор настолько увлек меня, что когда Бошамп решил привлечь мое внимание, то поневоле чуть не сшиб меня с ног. По-моему, право на подобный рывок он имел только в одном случае — если бы марсиане приблизились к нам вплотную. С этой мыслью я повернулся, ожидая увидеть дискообразную ступню чудовища, нависшую над нами и готовую нас расплющить. Однако Бошамп, белый, как полотно, споткнулся на ровном месте и дрожащей рукой показал вдаль:

— Берн, взгляните!..

К великому моему изумлению, агрессоры резко изменили курс, вместо прямого пути к Сене отклонились влево и, обращая строения в пыль, стремительно двигались именно туда, откуда мы с Бошампом только что ушли. В ту минуту нас обоих посетила одна и та же мысль: должно быть, командиры боевых треножников заметили военный лагерь на Марсовом поле. Или решили уничтожить примыкающую военную академию. Мне даже пришло в голову, что их целью служит усыпальница величайшего из полководцев Земли — не намерены ли они разрушить святыню и вместе с ней нашу волю к сопротивлению?

Но нет, нет! Правду мы осознали много позже.

Здесь, в Париже, завоеватели внезапно возжаждали иной победы.

Ближе к вечеру пожары усилились. Ярость марсиан, казалось, несколько ослабла, зато в городе всякое самообладание совершенно утонуло в откровенной панике. Широкие бульвары, которые барон Османн подарил Парижу в дни Второй империи, доказали, чего они стоят как трассы спасения среди пылающих зданий.

И все же паника охватила не всех. К приходу ночи мы с Бошампом попали в новый армейский штаб на другом берегу реки, под деревья парка

Тюильри чуть западнее Лувра, — словно военные решили дать последний бой перед фасадом великого музея, сдерживая захватчиков и даруя хранителям искусства время на спасение сокровищ. Пока полковник с закопченным лицом чертил на карте стрелы, я, помимо воли, блуждал взглядом по истоптанным садам, подсвеченным кострами, размышляя, как отобразил бы эту адскую сцену художник Камиль Писарро. Всего месяц назад я посетил его мастерскую в доме 204 на улице Риволи и разглядывал наброски, сделанные в мирном Тюильри. Какая пародийная судьба выпала на долю тех же аллей!

Полковник принялся объяснять, что агрессоры используют треножники двух размеров, притом большие треножники, по-видимому, способны контролировать малые. Но если малые по-прежнему буйствуют в пригородах, то большие — все три, замеченные в северной Франции, — к началу сумерек сосредоточились на ограниченной площади Марсова поля, топают взад-вперед, качаются и подпрыгивают, словно в медлительном танце, и все время вокруг одного объекта. Право, я и без помощи военного эксперта был способен понять, что они ведут себя странно, ведь я наблюдал трех чудовищных танцоров собственными

глазами.

Отойдя от площадки, я какое-то время следил за иностранными учеными. Итальянец и немец безостановочно и горячо спорили, пытаясь объяснить, отчего марсианский тепловой луч не дает спектра, а лишь единый цветовой мазок. Они то и дело поминали физика Больцмана[20] с его еретической теорией «атомной материи». Дискуссия вышла за пределы моего понимания, я отправился дальше.

Американец и англичанин оставались более практичными — они советовались с французскими коллегами, какой тип взрывчатых веществ лучше использовать для того, чтобы прикрепить бомбу к коленной чашечке марсианской машины. Неясно было, правда, каким образом доставить бомбу к месту назначения и как заставить машину хотя бы недолго, пока крепят бомбу, постоять тихо. И вообще, у меня возникали сомнения в эффективности устройства, подготовленного скоропалительно, ведь от артиллерии не было почти никакого толку; и все равно я завидовал тому, на чью долю выпадет это небывалое приключение.

---

[20] Примечания: 20

Людвиг Больцман (1844–1906) — австрийский физик, один из основателей статистической физики и физической кинетики.

Приключения. Я посвятил описанию приключений десятилетия своей жизни, по большей части придумывая необыкновенные путешествия — мои герои бесстрашно пересекали бурные моря, углублялись в пучины, поднимались над ледовыми шапками планеты, достигали мерцающей поверхности Луны. Миллионы людей читали мои книги, чтобы спастись от однообразия повседневной жизни и, быть может, хотя бы мельком заглянуть в недалекое будущее. И вдруг будущее, касающееся всех и каждого, пожаловало к нам без приглашения. Нам не пришлось искать приключений за тридевять земель. Они сами явились к нам. Прямо к нашему порогу.

Толпа отхлынула, давая мне возможность присоединиться к Бошампу, который давно застыл подле загородки для пленников. Наш единственный трофей в этой отвратительной войне — туши за железными прутьями, неподвижные и бесформенные, привлекательные именно своей омерзительностью.

— Ну что, придумали там что-нибудь новенькое? — спросил Бошамп тревожно, не отводя при этом взгляда от четверки марсиан. — Какие еще планы вынашивают наши военные гении?

В тоне звучал откровенный сарказм — с по-

луденной поры отношение ученого мужа к военным решительно изменилось.

— Военные думают, что ключ, если его вообще можно найти, скрыт в больших командных треножниках, в тех, что сейчас собрались у Эйфелевой башни. Никогда прежде все три командные машины не подходили так близко друг к другу. Эксперты предполагают, что марсиане, возможно, пользуются движением как средством общения. Исполняемый ими танец, быть может, не что иное, как совещание по стратегии дальнейших действий. Быть может, они планируют: Париж взят, что дальше?..

Бошамп хмыкнул: объяснить внезапную странную перемену в поведении пришельцев можно по-всякому, эта гипотеза не лучше и не хуже других. Но что они вытворяли! Малые треножники шлялись вроде бы без надзора и сеяли разрушение наугад, а большие скакали, как цапли на болоте, дико взмахивая сочленениями и составляя резкий контраст с достойным спокойствием иглы Эйфеля.

Минут пять-десять мы молча разглядывали пленников: надо же, их снаряд промчался сквозь невообразимые бездны пространства лишь для того, чтобы расколоться, ударившись на Земле

обо что-то особо жесткое и оставив своих пассажиров фактически беспомощными. И теперь, в железной клетке, они не производили впечатления силы — или притяжение нашей планеты сковало их? А может, их поразила апатия иного рода, допустим, упадок духа?

— Находясь здесь, — объявил Бошамп, — я размышлял о занятном обстоятельстве. Одной странности. Нам твердят, что у них все тройственно… три ноги и руки, три глаза…

— Зарисовки в газетах появились несколько недель назад, — отозвался я.

— Совершенно верно. Но обратите внимание на существо в центре. На то, вокруг которого расположились все остальные, то ли защищая его, то ли привлекая его внимание…

Я сразу понял, какое существо он имеет в виду. Оно было чуть больше других, с более узкой конической головой.

— Да, оно чем-то отличается от других, хотя я не вижу… Я запнулся, потому что именно в этот момент увидел!..

— Постойте… его ноги и руки — их же по четыре! И они расположены иначе. Может, оно принадлежит к иной расе, например, к расе рабов или, напротив, господ? Или… — Я издал

торжествующий крик. — Бошамп! Командные треножники… я, кажется, знаю, что они делают! Более того, похоже, это дает нам определенный шанс.

На мостах через Сену творилось чистое безумие, а река под мостами была забита трупами. Нашей группе потребовалось два часа на то, чтобы пробиться сквозь панический поток беженцев к позиции, откуда можно было разобраться, как развивается танец.

— Как, по-вашему, они подошли ближе или нет? — справился я у сопровождающего нас лейтенанта. — Они движутся к центру по спирали с постоянной скоростью?

Молодой офицер подтвердил мои предположения:

— Да, месье. Теперь ясно, что все три сойдутся у Эйфелевой башни. Только вот зачем, и будет ли это продолжаться дальше…

Я рассмеялся, припомнив образ, пришедший мне на ум раньше, — цапли, скачущие на болоте. Сравнение обрело новую силу, когда я посмотрел на действо снизу вверх, на могучие боевые машины, топочущие, вертящиеся волчком, раскалывая здания и сотрясая почву при каждом антраша. Из порванных подземных труб со свистом выры-

вался пар, обрушивались подвалы и склепы — а танец продолжался. Три чудища подкатывали все ближе к избранной цели, а та ждала спокойно и скромно, как гигантская стальная невеста.

— О, не сомневайтесь, лейтенант, они действительно сойдутся. Вопрос в другом: будет ли у нас к этому времени все готово?

Мозг работал в лихорадочном темпе.

Одно из главных условий для того, чтобы предвидеть будущее, — способность верить в чудеса. Так я и сказал журналистам.

Сейчас настает критический момент, когда все, о чем до сих пор лишь праздно толковали, может прийти в движение и породить чудо. Прекрасные слова, только что они значат? Породить чудо — это мобилизовать внутреннее зрение, чтобы оно собрало в фокус все возможности, какими беременно настоящее, и… и…

И что? Герц, открытые им волны, электрические цепи, конденсаторы, провода… Бошамп нервно огляделся вокруг.

— Даже если мы сумеем привлечь внимание военных…

— В подобных случаях армия бессильна. Я думаю о другом, — сказал я вдруг, ощущая необъяснимую уверенность в себе. — Марсиане вскоре

приблизятся вплотную к центру, который их так влечет. Мы должны подготовить к этой минуте все необходимое.

— Что именно?

— Ничего сверх того, — тут я подумал о двойном смысле слова, которое само собой выскочило из подсознания, — что используется как материал для сопротивления.

События той долгой ночи для меня сжались и слились. Я нащупал ядро идеи, но ее осуществление громоздило перед нами один барьер за другим, и они казались непреодолимыми.

Но я сперва не принимал в расчет таланты других людей и в особенности умение руководить, свойственное моему другу месье Бошампу. В дни франко-прусской войны он командовал батальоном и на своем участке одолел врага, не ведая дезертирства. Будь у нас побольше таких, как он, Седан бы не пал. Его голос взмывал над бегущей толпой и выхватывал из потока тех, кто не утратил воли противостоять позору родного города. Он указывал на меня, — похоже, меня почитали многие. Мое сердце раздувалось от гордости при мысли, что французы — и француженки! — вновь обретают волю при упоминании моего имени, видимо, в уверенности, что уж я-то найду способ

нанести ответный удар.

Я старался изложить свои идеи в возможно более живой форме, но, увы, краткость никогда не принадлежала к числу моих достоинств. Пришлось подавить досаду, когда дерзкий американец в присущей его народу импульсивной манере вскочил и заорал:

— Ну конечно! Дерн, хитрый старый лягушатник, вы попали в точку!..

И на примитивном, но четком французском он за несколько минут свел всю мою речь к практическим выводам, вызвавшим бурное одобрение толпы. Наша доморощенная, собранная с миру по нитке, армия тут же приступила к работе.

Я не отличаюсь особой ловкостью рук. Однако нашлись ремесленники, рабочие и просто умельцы, которые сразу взялись за дело под руководством инженеров во главе с итальянцем и американцем, они принялись за работу с неудержимой пылкостью и энтузиазмом молодости. В лихорадочной спешке отряды патриотов сдирали цинковые листы со стоек баров, врывались в богатые дома в поисках серебра. Ковать настоящие электроды не было времени — кувшины и канделябры соединялись, как придется, с помощью медных проводов, изъятых с трамвайных линий.

Электрические потенциалы серебра и меди в соответствующей проводящей среде должны были напоминать «первоначальную» батарею, собранную Алессандро Вольта. В подобных батареях форма не играет такой роли, как площадь поверхностей и точность соединений. Работая ночь напролет, бригады чудесным образом превращали хаотичные груды металла в осмысленные конструкции. Их погружали в солевой раствор, для чего опорожняли винные бочки во всей округе; улицы были залиты красными потоками, и столь печальное зрелище вызывало у каждого настоящего француза жгучую жажду мщения.

Импровизированные батареи были повторены по всем окрестным кварталам, и инженеры не мешкая соединили их параллельно в одну огромную сеть. В разгар приготовлений месье Бошамп с англичанином все же нашли время расспросить меня о логике моих размышлений.

— Проделайте простые расчеты на базе уравнений движения планет, — ответил я. — Даже если развить очень высокую скорость, путь от Марса до Земли займет многие месяцы, а то и целый год.

— Целый год наедине с пространством? Можно

ли это выдержать? — нахмурился Бошамп.

— Само по себе пространство — просто вакуум. В пути жизнь марсиан поддерживали баллоны с их родным воздухом — профессор Лоуэлл вывел из своих наблюдений, что он весьма разрежен. Но подумайте о другом. Эти существа должны обладать разумом нашего уровня. Они покинули мир себе подобных ради дерзкого путешествия, ради битвы. Что означает несколько лет вдали от дома, пока наш мир не будет покорен и не придет пора послать за подкреплением…

Англичанин выглядел озадаченным.

— За подкреплением???

— Точнее, за семьями, за самками… смею ли сказать — за женами? Хотя, кажется, не все особи женского пола остались на Марсе. По крайней мере, одна прилетела с первой волной: то ли в порядке эксперимента, то ли ее протащили на борт тайком…

— Ну и ну! — взревел Бошамп. — Вы про четвероногую особь! Других таких никто не видел. Вы правы, Берн! Англичанин покачал головой.

— Даже если так, не понимаю, какое отношение это имеет к данной ситуации.

Он показал в сторону, где три страшные машины приближались к Эйфелевой башне, причем

их вращения становились как бы более затрудненными, а танец терял темп. Осторожно и даже почтительно, но и с явным вожделением они тянулись к игле, которую парижане, когда всемирная выставка кончилась, едва не принудили снести. Ныне все наши надежды были связаны с мудрым решением оставить творение месье Эйфеля в неприкосновенности.

Марсиане коснулись основания башни, ухватились за изгибы ее изогнутых бедер — и принялись медленно взбираться вверх. Отвечая англичанину, Бошамп ухмыльнулся (допускаю, с оттенком злорадства).

— Я и не ожидал, что вы поймете, сэр. Не в ваших национальных традициях понять смысл этого, как бы выразиться, ритуала…

Бошамп всего-навсего поддразнивал англичанина, а тот неостроумно принял это близко к сердцу и обиделся.

— Хм, хм! Бьюсь об заклад, мы, британцы, отхлещем этих марсиан раньше, чем вы соберетесь с мыслями…

— Ну разумеется, — заметил Бошамп. — Орудовать хлыстом для англичан привычнее и понятнее…

Я пожурил дорогого друга взглядом. В конце

концов, работа выполнена. Молодые, умелые, храбрые взяли дело в свои руки. А мы, как генералы, двинувшие полки в бой и бессильные их отозвать, можем лишь наблюдать за ходом событий в ожидании триумфа или позора.

К рассвету строй из десятков и десятков батарей Вольта «залег врассыпную» по южному берегу Сены. Некоторые пали добычей более мелких марсианских машин, рыщущих наугад, другие расплавились под воздействием примененных второпях едких кислот. Провода змеились по улицам, среди пылающих зданий и плачущих женщин. Несмотря на все препятствия, на пожары, руины и палящие тепловые лучи, вся сеть теперь тянулась к Эйфелевой башне.

По мере того, как солнце светило все горячее, прогревая наши продрогшие кости, марсианское восхождение становилось все более пылким. Я был почти на пределе сил, меня поддерживал лишь пример французов и француженок, готовых бороться с врагом не щадя себя. Однако марсиане, движимые побуждениями, о которых можно было догадаться только по аналогии, забирались выше и выше, и меня начали мучить сомнения. Предложенная мной схема была очень проста — сработает ли она?

Я посоветовался с темноволосым итальянцем, следившим за точностью соединений.

— Сила тока? Напряжение? — Он наморщил лоб. — Не было времени подсчитать. Все, что я знаю, синьор, — тока будет много. Хочешь хорошо поджарить рыбу — не жалей огня под сковородой!

Я понял, что он хотел сказать. Даже при относительно низком напряжении мощный ток способен поразить любой организм. Человека можно убить током силой в долю ампера, если повысить электропроводность кожи, например, смочив ее водой. Мы приняли за проявление высшей воли то, что яркое солнце вдруг скрылось за мрачной черной тучей, а с севера накатил туман. Башня залоснилась под светом оранжевых ламп, которые мы навесили на нее гирляндами.

А марсиане все взбирались.

Необходимо было согласовать включение множества батарей, слить их энергию в один могучий разряд. Пиротехники заняли свои места возле нашего командного пункта, в прямой видимости исполинских призрачных фигур, которые поднялись уже на треть башни.

— Эй, Верн! — закричал американец. С его стороны это было нахальство, пусть и из лучших

побуждений. — На вас смотрят!..

Обернувшись, я увидел, что вокруг собрались зрители, и единое для всех выражение нервного напряжения пополам с надеждой тронуло мое старческое сердце. Они надеялись на меня, они верили в мои идеи — может ли быть что-либо выше в жизни сочинителя?

— Включай! — откликнулся я в полный голос. — Спустим псов электродинамики!..[21]

Взвилась ракета, оставляя дымный след, — сигнал кустарный, но достаточный. Внизу у реки и под сотнями развалин сомкнулись контакты, щелкнули выключатели, зажглись дуговые разряды конденсаторов. По городу пронесся нарастающий треск — накопленная энергия устремилась по медным проводам. На миг мне почудилась злая ватага бета-лучей, атакующих цель со всех сторон…

Агрессоры содрогнулись, и вскоре над городом поднялся тонкий, пронзительный вопль. Впервые они открыто признали, что, по сути, очень на нас похожи — дышат более разреженным воздухом, но знают такие же глубины горя, отчаяния, безнадежной агонии. Они срывались один за

---

[21] Примечания: 21

Намек на шекспировскую цитату: «Дух Цезаря… монаршим криком грянет: „Пощады нет!“ — и спустит псов войны». *(Перевод М. Зенкевича).*

другим, кувыркаясь в утреннем тумане и разбиваясь о камни и вытоптанные лужайки площади, иронически названной Марсовым полем, — плац бога войны стал кладбищем межпланетных выскочек.

Малые боевые машины, лишившиеся руководства, неуверенно разбрелись кто куда, одни свалились в реку, другие были разбиты артиллерией или даже повалены озверевшими толпами. Пик угрозы миновал.

В награду за оказанные обществу услуги я просил бы переименовать это место, ибо вовсе не военное искусство превратило железных монстров в пылающий шлак. И даже не молнии Зевса, которые мы ухитрились спустить на пришельцев. Если разобраться до конца, на помощь своему возлюбленному городу пришла Афродита.

Какая же подходящая судьба для непрошеных гостей — умереть в Париже от неистовой, роковой любви!

Перевод: О. Битов

Жюль Верн[22]
Послесловие

Когда оглядываешься назад, выясняется, что ужасный год, описанный в этой книге, можно рассматривать как ключевой. В сущности, как поворотный пункт к современности, поскольку нам удалось подняться над самими собой.

Можно сказать, что этот поворот определил судьбы двух миров, решительно разные судьбы. И привел к лучшей доле для человечества, значительно лучшей, чем если бы треножники не появлялись у нас вообще. Три десятилетия пролили бальзам на наши раны, и теперь видны выгоды — пусть за них плачено дорогой ценой — того трагического пути, какой Марс избрал для первого знакомства с землянами.

Прежде всего, объединив человечество против общего врага, марсиане отвлекли энергию, питающую гнойные язвы национализма и устремленную в XX век. Агрессоры заставили нас объединиться, направив нашу изобретатель-

---

[22] Примечания: 22
Реальные авторы: Дэвид Брин и Грегори Бенфорд.

ность и волю на общие цели.

Именно так мы очутились в мире чудес, где вы, читатели, и я, ваш скромный слуга, сегодня живем. Мы привычно, а то и с преувеличенным восторгом, смотрим на воздухоплавательные суда, похожие на дворцы, на изукрашенные, как готические соборы, туристские подводные лодки, на пневматические трубы, доставляющие срочную почту из города в город. И хотя многие наши наземные дороги все еще оставляют желать лучшего и плохо проходимы для паровых автобусов и канатных грузовиков, но даже в самые свирепые зимние бури мир остается единым.

И, разумеется, на мысе Канаверал и в Куру, на Суматре и в Кении стоят большие пушки, стальные бегемоты, периодически рявкающие так громко, что их слышно за тридевять земель, и возносящие в небо зеркальные семафоры и другие достижения современной техники.

Определенные выгоды извлекла для себя и литература. К нам вернулось убеждение, что мировое развитие безгранично, подчиняется логике и что человек способен использовать его в своих интересах. Это особенно примечательно в сравнении с последними десятилетиями XIX века, когда размышления о будущем, особенно под

пером мистера Уэллса, становились все мрачнее по существу и все пессимистичнее по скрытому смыслу.

Сейчас, когда я заношу эти слова на кинетоскопический экран, настроение мое можно назвать задумчивым. Через две недели я отмечу свой сотый день рождения. Никогда не подумал бы, что доживу до фантастического 1928 года!

Только что размышлял о новостях, полученных с помощью волн Герца от первых межпланетных аргонавтов-землян, разведчиков из огромной флотилии, намеренной вернуть «визит», который нам нанесли тридцать лет назад. Как мы и подозревали, Марс оказался планетой печальной, обиженной на судьбу, древней и иссохшей. Если прибегнуть к языку психиатрии, то неудивительно, что там развилось уязвленное, параноидальное мышление. Хотя переданные разведчиками изображения марсианских городов, не обремененных земным притяжением, показывают строения исключительного изящества и красоты.

Они должны согласиться на переговоры. Должны помочь пересечь умственную бездну между расами, не менее широкую, чем расстояние между мирами. У нас просто нет другого выбора

— мы не пойдем на прямое насилие. Ибо за годы, что мы разбирались в машинах марсиан и в их органических формах, среди большей части человечества крепло желание постичь внутреннее величие и этику этих уродливых:, но странно привлекательных созданий.

Конечно, есть немало тех, кто не одобряет нынешнюю линию в отношении марсиан как преувеличенно сочувственную, но лично я всем своим авторитетом отвергаю подобную нетерпимость. Ясно, что наши небесные соседи поражены негибкостью. Если этот их тяжелый порок вообще поддается лечению, то только в том случае, когда более молодое и более гибкое человечество пройдет им навстречу большую часть пути.

Да, я советую каждому хотя бы в какой-то степени ощутить себя марсианином. Выражаясь словами моего младшего друга и соратника Герберта Джорджа Уэллса: «Незнание породило бедствий больше, чем злой умысел».

Исходя из прожитых лет, надо бы усвоить урок, пусть преподанный непрямо: предпочтительно постепенное примирение миров, поиск связующих нитей между ними.

Астрономическое целое непременно окажется больше, чем сумма частей. Только нельзя маршировать по чужой планете завоевателями, одинокими в своей мстительной правоте. Нельзя добиваться победы, чтобы обратить сухую красную равнину в пепелище. На Марс надо лететь затем, чтобы учиться, даже у побежденных.

Амьен, Франция, октябрь 1928 года

Перевод: О. Битов